

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

8
часть 1
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal
There are 10 issues of the journal a year.
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature
10.01.03 Foreign literature
10.01.08 Literary Theory. Textology
10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies
10.02.01 Russian language
10.02.02 Languages of the Russian Federation
10.02.19 Theoretical linguistics
10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory
24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047
e-mail: igor_sharonov@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: igor_sharonov@mail.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinsky, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (art studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domansky, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetsky, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

I.A. Sharonov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

И.А. Шаронов, доктор филологических наук, доцент (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

[Введение]	12
------------------	----

Язык и категории лица. Лицо и языковые контакты

<i>Владимир М. Алтатов</i> Есть ли категория лица в японском языке?	13
<i>Нина Б. Мечковская</i> Типологическое своеобразие категории лица в русской грамматике: экспансия в синтаксис, максимальная в Славии активность бессубъектных предложений, разнообразие ирреальных модальностей	24
<i>Татьяна В. Шмелева</i> Лицо как модусный субъект изъяснительной конструкции в языке медиа	46
<i>Виктория А. Марьянчик</i> Лицо человека как сфера-источник метафор со значением интенсивности: «вполуха» и «вполглаза»	54
<i>Ольга В. Евтушенко</i> <i>Перед лицом</i> : смещение фокуса в условиях активных языковых контактов	65
<i>Людмила И. Богданова</i> Что означает «потерять лицо» в русском языке?	78
<i>Ирина В. Фуфаева</i> Тенденции в замене русских номинаций лиц диминутивами	91
<i>Валентина Г. Кульпина</i> Прагматика личных местоимений в составе местоименных комплексов и диалоговых единств	111
<i>Елена Г. Борисова</i> Языковые явления, чувствительные к категории лица	136

Фатэмэ Ахмади Бэни

Понимание вежливости и речевого этикета
в персидской и русской лингвокультурах 148

Хроникальные материалы

Дарья В. Якунина

Международная научно-практическая конференция
«Из практики преподавания русского языка
как иностранного взрослым – 2»
(Москва, РГГУ, 24 марта 2022 г.) 160

CONTENTS

[Introduction]	12
----------------------	----

Language and the category of person. *Person* and language contacts

---

<i>Vladimir M. Alpatov</i> Does the category of person exist in Japanese?	13
<i>Nina B. Mechkovskaya</i> Typological features of the category of person in Russian grammar. Expansion into syntax, maximum activity of subjectless sentences in Slavia, variety of unreal modalities	24
<i>Tatiana V. Shmeleva</i> The person as a modus subject of an explanatory construction in the media language	46
<i>Victoria A. Maryanchik</i> A person's face as a sphere of metaphors with the meaning of intensity. "With half an ear" and "with one eye open"	54
<i>Olga V. Evtushenko</i> <i>In the face of</i> . Focus shift in conditions of active language contacts	65
<i>Lyudmila I. Bogdanova</i> What does "lose face" mean in Russian?	78
<i>Irina V. Fufaeva</i> Trends in replacing Russian nominations of persons with diminutives	91
<i>Valentina G. Kulpina</i> Pragmatics of personal pronouns in the structures of pronoun complexes and dialog unities	111
<i>Elena G. Borisova</i> Language phenomena affectable by the category of the person	136

Fatemeh Ahmadi Beni
Understanding of politeness and speech etiquette
in Persian and Russian cultures 148

Chronicles

Daria V. Yakunina
International scientific and practical conference
“Practice of teaching Russian as a foreign language to adults – 2”
(Moscow, RSUH, March, 24, 2022) 160

28–29 октября 2021 г. в РГГУ в рамках традиции регулярных конференций «X в языке и коммуникации» состоялась очередная конференция «Лицо в языке и в коммуникации». В проблематику конференции был включен широкий круг вопросов, связанных с понятием лица как грамматической категории, прагматикой использования личных местоимений и их аналогов в диалоге и нарративе, с кругом номинаций лица в свободных и идиоматически связанных сочетаниях и других вопросов, связанных с выбранной тематикой. Во главу угла было поставлено антропоцентрическое направление в описании языка, которое ставит языковую личность, лицо в центр рассмотрения, исследует номинации объектов с позиций их роли для человека, выявляет роль субъекта в речевом представлении мира, высвечивая роль субъективной модальности в речевой деятельности.

В проблематику конференции были включены конкретные темы:

1. Грамматическая категория лица в современном русском языке.
2. Личные местоимения и их аналоги в диалоге, нарративе, различных дискурсивных практиках.
3. Лицо как дейктическая категория и как эгоцентрик.
4. Слово «лицо» в русском языке: семантика, фразеология, лексикография.
5. Лицо в теории вежливости и в речевом этикете.
6. Лицо в поэтическом тексте.

Конференция проходила в очно-заочной форме, объединив исследователей русского языка из разных стран: Австрии, Белоруссии, Германии, Италии, Испании, Польши, Финляндии. Россия была представлена университетами Архангельска, Екатеринбурга, Новгорода, Петербурга, Новосибирска, Нижнего Новгорода. Выступали москвичи из академических институтов, из МГУ, МГПУ, МГЛУ, ВШЭ и, конечно, из РГГУ. Конференция вызвала большой интерес среди филологов, присоединившихся по зуму в конференции и принявших активное участие в обсуждении докладов.

По результатам работы конференции авторами были написаны статьи, которые разделены по тематическому принципу и публикуются в этом и следующем номерах журнала. Первая группа статей собрана под заголовком «Язык и категория лица, Лицо и языковые контакты», вторая группа статей – под заголовком «Категория лица в дискурсе. Прагматика и категория лица».

И.А. Шаронов

Язык и категории лица. *Лицо и языковые контакты*

УДК 811.521`36

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-13-23

Есть ли категория лица в японском языке?

Владимир М. Алпатов

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
v-alpatov@ivran.ru*

Аннотация. Хорошо известно, что одной из главных категорий глагола как в описаниях конкретных языков, так и в теоретических работах считается категория лица. В европейской лингвистической категории эта единица выделялась с самого начала, что, безусловно, для индоевропейских языков не вызывает сомнений. Некоторые европейские и американские грамматики японского языка XIX–XX вв. также признавали глагольную категорию лица (Б.Х. Чемберлен, А. Роз-Иннес, Е.Л. Наврон-Войтинская). Однако с категорией лица в таких описаниях смешивались категории этикета (вежливости), не являющиеся морфологической категорией для языков, на основе которых формировалась и развивалась европейская лингвистическая традиция. Японский язык имеет развитую систему обозначения социальных отношений между говорящим и другими лицами (собеседником, объектами речи), которая распространяется не только на лексику, но и на грамматику. Причина смешения состоит во влиянии на исследователей грамматической системы привычных для них европейских языков. Однако противопоставление форм 1-го и 2-го лица (но не 3-го лица) существует в императиве, и такие формы многочисленны: *kake* ‘пиши!’ (грубо), *o-kaki kudasai* ‘пиши!’ (вежливо), *kakoo* ‘давай напишем!’. Также существуют местоимения всех трех лиц, хотя в японском языке они не очень употребительны.

Ключевые слова: японский язык, грамматика, грамматические категории, лицо, формы вежливости, формы этикета, индикатив, императив, местоимения

Для цитирования: Алпатов В.М. Есть ли категория лица в японском языке? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 13–23. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-13-23

© Алпатов В.М., 2022

Does the category of person exist in Japanese?

Vladimir M. Alpatov

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, v-alpatov@ivran.ru*

Abstract. It is well-known that the category of person is considered one of the main grammatical categories of verb. The European linguistic tradition singled this category out from its beginning. Some European and American grammars of Japanese recognized the grammatical category of person (B.Y. Chamberlain, A. Rose-Inness, T. Navron-Voytinskaya). However the categories of etiquette (politeness) are mixed with person. Japanese has the developed system of the designation of social attitudes between the speaker and other persons (interlocutors or objects of speech). The cause of the confusion is the influence of the grammatical system of the European languages on the investigators. However the opposition of the forms of 1st person and 2nd person exists in the imperative, and such forms are numerous: *kake* ‘write!’ (rude), *o-kaki kudasai* ‘write!’ (polite), *kakoo* ‘let us write’. The opposition of personal pronouns of all the persons exist too although they are not very common in Japanese.

Keywords: Japanese, grammar, grammatical categories, person, forms of politeness, forms of etiquette, indicative, imperative, pronouns

For citation: Alpatov, V.M. (2022), “Does the category of person exist in Japanese?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 13–23, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-13-23

Как известно, категория лица, безусловно присутствующая в древнегреческом языке, всегда выделялась в европейском языкознании. Уже в грамматике Дионисия Фракийца (II в. до н. э.) одной из восьми «акциденций» глагола считалось лицо, выделялась такая «акциденция» и у местоимений [Фрейденберг 1936, с. 125, 134]. Впоследствии, когда количество изучаемых в Европе языков стало расти, предпринимались попытки везде находить те же грамматические категории, что и в привычных для исследователей языках. Так описывался и японский язык. Оставив пока в стороне местоимения и императив, хочу рассмотреть, на мой взгляд, поучительную историю поисков данной глагольной «акциденции» в европейской, русской и японской японистике. В связи с этим поговорим о, казалось бы, совсем другом.

Сейчас уже достаточно известно, что в японском языке существуют так называемые формы вежливости (точнее их называть формами этикета: вежливость индивидуальна, а этикет социально

обусловлен [Храковский, Володин 1986, с. 224–225]). Их значение, как и значение противопоставленных им простых (невежливых) форм, связано с выражением социального отношения говорящего к некоторому другому лицу (или другим лицам). Выражаются комбинации признаков значения «высший – равный – низший» и «свой – чужой». Имеются грамматические категории адрессива (выражается отношение к собеседнику) и гоноратива (выражается отношение к лицу (лицам), о котором (которых) идет речь). В категории гоноратива имеются субъектные и объектные формы (выражающие отношение соответственно к тем, кто обозначен первым актантом (подлежащим) и к другим участникам ситуации).

При этом возникает несимметричность. Субъектные формы (так называемые почтительные) не употребляются, если подлежащим обозначается сам говорящий. Очевидно, что причина этого – семантическая: правила японского этикета не позволяют даже императору с почтением говорить о себе. Но объектные формы (так называемые скромные) могут употребляться при обозначении подлежащим любого из трех лиц (хотя чаще это говорящий).

Примеры, где подлежащим обозначены соответственно собеседник и другие лица:

- (1) Koko e **o-toosh-i shi-nasai** (Kt: 117)
здесь в HON-проводить-CNV AUX.DPR-IMP
'Проводи [ее] сюда'
- (2) Yuooin no hoo ni **o-utsush-i itash-imash-ita** (MK: 233)
больница GEN сторона DAT HON-отправить-CNV AUX.DPR-ADR-
PST
'[Они его] отправили в больницу'

В примере (1) говорящий обращается к прислуге, выражая отношение к той женщине, которую нужно проводить. В примере (2) подлежащим обозначена группа лиц, в которую не входят ни говорящий, ни его собеседник, но которые как бы находятся на стороне говорящего.

Все сказанное сейчас уже многократно описано и привлекало внимание исследователей уже давно; например, только сейчас в полной мере становится известно, что японским языком в этом плане много занимался В. фон Гумбольдт¹. Данная подсистема японского языка включает в себя противопоставленные друг другу простые формы (чаще без специальных показателей, но иногда, как

¹Notice sur la grammaire japonaise de P. Oyanguren par M. le Baron G. de Humboldt. Paris: La société asiatique, 1826. 12 p.

в императиве, имеющие их) и синтетические или аналитические формы с показателем, имеющим определенное этикетное значение. Не обсуждаю сейчас тот факт, что некоторые значения всегда выражаются аналитически. Однако по крайней мере часть таких противопоставлений и показателей (например, формы адресива с суффиксом *-mas-* и без него, омонимы пассива) при любом отношении к аналитизму вполне подпадают под обычное понимание грамматической категории. Об этом см. [Холодович 1979, с. 64–66]. Против этого говорят аргументы скорее психологические: европейская наука не привыкла выделять этикетные значения как «нормальные» грамматические; поэтому и сейчас формы вежливости часто исключают из грамматики и целиком переносят в стилистику. С другой стороны, непривычен язык, где у глаголов нет категории лица. Отмечу и стойкую традицию именованя форм объектного этикета как «скромных», т. е. предполагается, что в первую очередь здесь речь идет о том человеке, который обозначен подлежащим; это представление, конечно, естественно для носителей английского или русского языка, но в языке иного строя может быть и иначе.

Сразу отмечу, что ни в первой европейской грамматике японского языка Ж. Родригиша (1604), ни в первой русской его грамматике Д.Д. Смирнова (1890) о лице в глаголе ничего не говорится, а «формы вежливости» трактуются вполне адекватно. По-видимому, впервые вопрос о лице поставил, до конца не решив, автор наиболее популярной на Западе в конце XIX – начале XX в. грамматике японского языка (первое издание 1886), британский специалист Б.Х. Чемберлен. Он прямо говорил об «отсутствии лица» в японском глаголе². Однако он указывал на то, что это «до некоторой степени компенсируется богатым использованием скромных и почтительных выражений»³; почтительными он и многие другие называл формы гоноратива, выражающие отношение к первому актантау, а скромными – выразители отношения к другим актантам. Чемберлен обратил внимание на то, что почтительные выражения используются в предложениях, где подлежащим является 2-е или 3-е лицо, а скромные – в предложениях, где им является 1-е лицо. Но отмечено и то, что в последнем случае подлежащим может быть и 3-е лицо, если оно как-то связано с говорящим⁴. Последний факт (см. пример 2) отмечали далеко не всегда. 2-е лицо Чемберлен не упоминал.

---

² *Chamberlain B.H. A Simplified Grammar of the Japanese Language. Yokohama: Kelly and Walsh, 1886. P. 91.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid. P. 92.*

Более радикальной здесь оказалась точка зрения А. Роз-Иннеса (первое издание грамматики – 1916). Здесь так называемые формы вежливости (или, что то же самое, почтительные и скромные выражения у Б.Х. Чемберлена) характеризуются прежде всего как формы лица. Скромные формы названы формами 1-го лица, почтительные – формами 2-го лица, остальные отнесены к 3-му лицу (правда, признается, что разделение не вполне точно) (Rose-Innes 1937, p. 76).

К этому времени в самой Японии появились грамматики европейского типа, среди авторов которых ведущую роль играл Ямада Ёсио. Он во многом ориентировался на англоязычные образцы и по данному вопросу находился под влиянием Б.Х. Чемберлена, не выделяя категорию лица в прямом смысле слова, но подчеркивая сходство европейского лица и японских форм вежливости [Yamada 1931, pp. 11–12]. Обширный анализ употребления форм вежливости сводится к тому, каким лицом они переводятся на английский язык, т. е. Ямада пытался во всех случаях найти согласование сказуемого с подлежащим (но не с дополнением) в лице, различая то, что не различается в самом языке. А стандартный показатель вежливости (точнее – этикета) к собеседнику *-mas-* отнесен к «скромным», хотя он свободно употребляется в речи обо всех лицах. С 1930-х гг. в Японии влияние американской и европейской науки о языке резко сократилось, одним из проявлений этого стал отказ от выделения японскими лингвистами категории лица в глаголе.

Что касается русских исследований, то выделение категории лица в японском глаголе впервые обозначилось в грамматике О.В. Плетнера и Е.Д. Поливанова 1930 г. (соответствующий раздел написан О.В. Плетнером). Если формы вежливости (этикета) к собеседнику с показателем *-mas-* не связываются с грамматическим лицом, то так называемые почтительные и скромные формы названы соответственно формами 2-го/3-го лица и формами 1-го лица без оговорок (Плетнер, Поливанов 1930, с. 101–103). Между различными видами форм вежливости не всегда проводятся должные различия, а часть форм пропущена.

Н.И. Конрад в книге 1937 г. писал: «Элементы феодальной иерархии в обозначении лиц, имевшие буквальное значение в феодальном языке, сейчас играют роль признаков простой вежливости речи, а часто даже простого обозначения 1-го, 2-го или 3-го лица» [Конрад 1937, с. 13]. В книге также предпринята попытка разграничить «речь о предметах» и «речь о лицах» (соответственно без *-mas-* и с ним). Однако такая трактовка была явно произвольной и не подтверждалась фактами.

Н.И. Конрад все же не включал лицо в число глагольных категорий. Сделала это Е.Л. Наврон-Войтинская, кандидатская дис-

сертация которой была защищена в 1946 г. Она, правда, отказалась от выделения «речи о предметах» и «речи о лицах», но при этом в крайнем варианте выдвинула тезис о категории лица в глаголе. Она писала: «Отношение говорящего к окружающей его среде определяется японскими грамматистами положением его в обществе. Они игнорировали отношения между реальными отношениями лиц в обществе и грамматическими лицами в языке, невольно подменяя отношения грамматических лиц в языке реальными отношениями лиц в обществе» [Наврон-Войтинская 1946, с. 3]. Исходя из этого, она любые формы вежливости относит к грамматике лишь постольку, поскольку они выражают значение лица [Наврон-Войтинская 1946, с. 41 и др.], прямо говоря, что руководствуется теорией понятийных категорий И.И. Мещанинова [Наврон-Войтинская 1946, с. 47]. Вышеупомянутое *-mas-* названо показателем лица, но даже не сказано, какого именно. Показателем 2-го лица в чистом виде именуется одна из «почтительных» форм, способная на самом деле относиться и к 3-му лицу.

В советских публикациях более позднего времени, как правило, речь шла одновременно о вежливости и о лице. Н.И. Фельдман стоит ближе всего к позициям Е.Л. Наврон-Войтинской и включает в число категорий лицо, хотя и с оговорками; выражение вежливости она исключает из грамматики, относя к стилистике (Фельдман 1951, с. 864), [Фельдман 1960, с. 28]. А вот формулировка из учебного пособия: «В различных речевых ситуациях, в зависимости от того, к кому обращена речь, употребляются разные грамматические формы и конструкции, которые, обозначая действие того или иного лица, одновременно передают определенную степень вежливости (учтивости) (Рябкин и др. 1965, ч. 3, с. 1). Аналогична трактовка и в самоучителе Б.П. Лаврентьева, который при этом делает важное уточнение: «В сферу 1-го лица включаются говорящий и все лица, близкие говорящему: его родственники, друзья, сослуживцы и т. п.» (Лаврентьев 1967, с. 121–122).

А.А. Холодович различал в японском глаголе формы действия, не детерминированного относительно субъекта предложения (так называемые невежливые формы), и формы относительно детерминированного. Последние делятся на формы, которые не относятся к действиям 1-го лица, и формы, которые не относятся к действиям второго лица [Холодович 1949, с. 23]. В поздней работе этот ученый при подробном анализе этикетных форм (обосновывается отнесение данной категории к грамматике, а не к стилистике) в большинстве случаев обходится без категории лица. Однако в том единственном случае, где связь данных форм с лицом можно установить, он называет формы субъектного гоноратива (субъектного

иерархива, в его терминологии) «формами непервого лица» [Холодович 1979, с. 79–80]. «Формы, которые не относятся к действиям второго лица» не упоминаются.

Сейчас в японистической литературе уже могут обходиться без категории лица. «В отличие от европейских и многих алтайских языков, где наряду с падежами (зависимостным маркированием) существуют и такие элементы вершинного маркирования, как согласование глагола с субъектом... в японском языке зависимостное маркирование синтаксических связей представлено “в чистом виде”» [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, с. 7] (автор цитируемого текста – П.М. Аркадьев).

Однако все вышесказанное относится только к индикативу. Категория императива (повелительного наклонения), по-видимому, в том или ином виде существующая в любом языке, традиционно понимается как выражающая отношение между говорящим и 2-м лицом. В японском языке, где данное значение скрещивается со значениями этикета, императивные формы многочисленны и разнообразны. В то же время исследователи наряду с императивом 2-го лица правомерно выделяют в ряде языков также соответствующие формы 1-го и 3-го лица [Храковский, Володин 1986]. Ср. в русском: *давай сходи – сходи – пусть сходит*. В японском языке специальные формы 3-го лица отсутствуют, однако формы 1-го лица, иногда именуемые формами гортатива, существуют и являются синтетическими.

«Общим значением форм гортатива является побуждение говорящего к совершению некоторого действия, агенсом которого (не обязательно единственным) будет он сам» [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008, т. 1, с. 88]. Это может быть и побуждение к совместному действию, и желание, намерение, предложение собственного действия (в других языках эти значения могут выражаться по-разному). Примеры:

Kawa o kirei ni **shi-mash-oo** (уличный плакат)
река ACC чистый ADV делать-ADR-HOR
'Сделаем реку чистой!'

Mamor-oo watashitachi no kemeroo (газета)
защитить-HOR мы GEN конституция
'Наша конституция, [которую] защитим!'

Для русского языка такие случаи не выделяют в глагольной парадигме. В японском же языке это, как правило, делают. Таким образом, глагольная категория лица в японском языке все же существует, хотя и в урезанном виде: противопоставлены лишь два лица – первое и второе.

И имеется обычное универсальное средство: личные местоимения. Они (по крайней мере, местоимения 1-го и 2-го лица), разумеется, существуют, но скорее могут быть охарактеризованы как семантические классы лексикки, не имея особых формальных свойств. Но они в то же время имеют особенности. С одной стороны, за счет передачи этикетных различий их количество больше, чем во многих других языках. Если в русском языке есть всего одно местоимение единственного числа, то в японском их (включая редкие) не менее восьми. Поэтому перевод с русского или английского языка на японский язык вызывает трудности. Например, в переводах стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль», написанного от имени корабля, разные переводчики использовали четыре различных местоимения⁵. С другой стороны, их место в системе языка периферийно, что проявляется в низкой частотности. Прямое обозначение избегается, но косвенное соотнесение деятеля с одним из лиц производится с помощью тех или иных этикетных форм или конструкций.

В отличие от местоимений 1-го лица, которые охватывают все уровни этикета, местоимения 2-го лица почти не могут употребляться в отношении высших. В этом случае собеседника именуют в 3-м лице. Ученица, говоря с учителем, не может употребить ни одно из местоимений 2-го лица, но должна назвать его в 3-м лице (отдельно или вместе с фамилией). Слово *sensei* – не местоимение, а обычное существительное (так в определенных случаях можно назвать даже себя [Холодович 1979, с. 85]). Что же касается собственно местоимений 3-го лица, то до европеизации в XIX в. их в японском языке не было, а их значения передавались указательными местоимениями. Потом искусственно образовали слова *kare* ‘он’ и *kanojo* ‘она’ в качестве переводных эквивалентов для *he* и *she* [Martin 1975, p. 1075]. Их частотность невысока, но такие примеры могут встретиться даже в диалоге:

Kare no seikaku ga wakar-u yoo des-u (MM: 65)
он GEN характер NOM понимать-PRS EVD COP.ADR-PRS
‘Его характер, видимо, понятен’

Итак, этикетные отношения между говорящим, собеседником и другими участниками ситуации могут передаваться, в том числе, грамматически в индикативе, императиве и лексически в подсистеме местоимений (может ли где-то еще?). В японском языке можно говорить о грамматической категории лица лишь для императива.

⁵ *Oohashi Sumiko*. Hanashikotoba no honyaku ni tsuite // Soogoo-bunka-kenkyuujyo-kiyoo. Vol. 1. 1984.

Список сокращений

- ACC – винительный падеж
ADR – адрессив
ADV – наречие
AUX – вспомогательный глагол
CNV – деепричастие, срединная форма
COP – связка
DPR – депрециатив (объектный говоратив)
EVD – эвиденциальность
GEN – родительный падеж
HON – гоноратив
IMP – императив
HOR – гортатив
Kt – Kitashiro Atsushi. Akuma wa kimben // Teatoro. 1967. 4.
MK – Matsumoto Seichoo. Kyuukei no areno. Tokyo, 1969.
MM – Matsumoto Seichoo. Me no kabe. Tokyo, 1973.
NOM – именительный падеж
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время

Источники

- Лаврентьев 1967 – *Лаврентьев Б.П.* Самоучитель японского языка: Приложение к журналу «Азия и Африка сегодня». М.: [Б. и.], 1967. 96 с.
- Плетнер, Поливанов 1930 – *Плетнер О.В., Поливанов Е.Д.* Грамматика японского разговорного языка. М.: Московский институт востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1930. 188 с.
- Рябкин 1965 – *Рябкин А.Г. и др.* Учебные материалы по японскому языку: В 3 ч. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. Ч. 3. 179 с.
- Фельдман 1951 – *Фельдман Н.И.* Краткий очерк грамматики современного японского языка // Немзер Л.А., Сыромятников Н.А. Японско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. С. 829–887.
- Rose-Innes 1937 – *Rose-Innes A.* Conversational Japanese for beginners. Yokohama: Kelly and Walsh, 1937. 256 p.

Литература

- Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 – *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка: В 2 кн. М.: Наталис, 2008. Кн. 2. 463 с.

- Конрад 1937 – *Конрад Н.И.* Синтаксис японского национального языка. М.: Изд-во иностр. рабочих в СССР, 1937. 375 с.
- Наврон-Войтинская 1946 – *Наврон-Войтинская Е.Л.* Личная форма японского глагола: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1946.
- Фельдман 1960 – *Фельдман Н.И.* Японский язык. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 95 с.
- Фрейденберг 1936 – Античные теории языка и стиля / Ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. 341 с.
- Холодович 1949 – *Холодович А.А.* Очерки по строю японского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1949.
- Холодович 1979 – *Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 304 с.
- Храковский, Володин 1986 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.
- Martin 1975 – *Martin S.E.* A reference grammar of Japanese. New-Haven; London: Yale University Press, 1975. 1198 p.
- Yamada 1931 – *Yamada Yoshio.* Keigo no kenkyuu. Tokyo, 1931.

References

- Alpatov, V.M., Arkad'ev, P.M. and Podlesskaya, V.I. (2008), *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka*, t. 1–2. [Theoretical grammar of the Japanese language, vol. 1–2], Natalis, Moscow, Russia.
- Fel'dman, N.I. (1960), *Yaponskii yazyk* [Japanese language], IVL, Moscow, USSR.
- Freidenberg, O.M. (ed.) (1936), *Antichnye teorii yazyka i stilya* [Ancient theories of language and style], Sotsekgiz, Moscow, Leningrad, USSR.
- Kholodovich, A.A. (1949), *Ocherki po stroyu yaponskogo yazyka* [Essays on the structure of the Japanese language], Abstract of D. Sc. dissertation, LGU, Leningrad, USSR.
- Kholodovich, A.A. (1979), *Problemy grammaticheskoi teorii* [Problems of grammatical theory], Nauka, Leningrad, USSR.
- Khrakovskii, V.S. and Volodin, A.P. (1986), *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ* [Semantics and typology of the imperative. The Russian imperative], Nauka, Leningrad, USSR.
- Konrad, N.I. (1937), *Sintaksis yaponskogo natsional'nogo yazyka* [The syntax of the Japanese national language], Izdatel'skoe tovarishchestvo inostrannykh rabochikh v SSSR, Moscow, USSR.
- Martin, S.E. (1975), *A reference grammar of Japanese*, Yale University Press, New-Haven, London, UK.
- Navron-Voitinskaya, E.L. (1946), *Lichnaya forma yaponskogo glagola* [The personal form of the Japanese verb], Ph.D. Thesis, MGIMO, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Владимир М. Алпатов, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1; v-alpatov@ivran.ru

Information about the author

Vladimir M. Alpatov, Dr. of Sci (Philology), professor, academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 1, B. Kislovsky Line, Moscow, Russia, 125009; v-alpatov@ivran.ru

Типологическое своеобразие категории лица
в русской грамматике: экспансия в синтаксис,
максимальная в Славии активность
бессубъектных предложений,
разнообразие ирреальных модальностей

Нина Б. Мечковская

*Белорусский государственный университет, Минск,
Республика Беларусь, nina.mechkovskaya@gmail.com*

Аннотация. Перестройка в системе глагольных времен, происходившая в раздельной истории славянских языков, привела в ряде языков к утрате показателей лица в некоторых предикативных моделях и активизации безличных и бессубъектных предложений. Если в праславянском и древнерусском языках во всех формах прошедших времен значение лица имелось, то в русском языке на месте четырех прошедших времен сохранился один перфект, в котором связка настоящего времени от глагола **byti*, эксплицитно выражавшая значение лица, постепенно утрачивалась. Языковое сознание говорящих привыкло к неотчетливости грамматического лица, что вело к структурному разнообразию и употребительности бессубъектных предложений. По составу моделей бесподлежащих предложений славянские языки близки между собой, однако различаются по активности моделей. Встречаемость безличных и обобщенно-личных предложений возрастает в направлении от словенского к польскому и далее к русскому языку. В аспекте ареально-диахронических различий рассмотренные факты показывают, что в направлении с запада на восток имеет место типологическая тенденция к ослаблению словоизменительного характера грамматической категории лица и к размыванию основных значений лица.

Ключевые слова: грамматическое лицо, безличные предложения, инфинитивные предложения, неопределенные и обобщенно-личные предложения, факторы продуктивности бессубъектных моделей предложения

© Мечковская Н.Б., 2022

В основу статьи положен пленарный доклад автора, прочитанный на Международной конференции «Лицо в языке и коммуникации» (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 28–29 октября 2021 г.).

Для цитирования: Мечковская Н.Б. Типологическое своеобразие категории лица в русской грамматике: экспансия в синтаксис, максимальная в Славии активность бесsubjектных предложений, разнообразие ирреальных модальностей // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 24–45. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-24-45

Typological features of the category of person
in Russian grammar. Expansion into syntax,
maximum activity of subjectless sentences in Slavia,
variety of unreal modalities

Nina B. Mechkovskaya

*Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,
nina.mechkovskaya@gmail.com*

Abstract. The restructuring in the system of verb tenses, which took place in the separate history of the Slavic languages, led in a number of languages to the loss of grammatical person indicators *s* in some predicative models and to the activation of impersonal and subjectless sentences. If in the Proto-Slavic and Old Russian languages in all forms of the past tenses the meaning of the person was present, then in the Russian language, in place of the four past tenses, one perfect was preserved, in which the link present time from the verb **byti*, which explicitly expressed the meaning of the person, was gradually lost. The linguistic consciousness of the speakers got used to the indistinctness of the grammatical person, which led to the emergence of structurally diverse and widely used non-subjective sentences. According to the repertoire of models of subjectless sentences, the Slavic languages are close to each other, but differ in the activity of the models. The occurrence of infinitive and mononuclear sentences with a verbal predicate in the 2nd person singular increases in the direction from Slovenian to Polish and further to Russian. In the aspect of areal-diachronic differences between the Slavic languages, the considered facts show that in the direction from west to east (from Slovene to Polish and further to Russian) there is a typological tendency to weaken the inflectional nature of the grammatical category of a person and to blur the basic meanings of a person.

Keywords: grammatical person, impersonal sentences, infinitive sentences, indefinite and generalized-personal sentences, productivity factors of subjectless sentence models

For citation: Mechkovskaya, N.B. (2022), “Typological features of the category of person in Russian grammar. Expansion into syntax, maximum activity

of subjectless sentences in Slavia, variety of unreal modalities”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 24–45, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-24-45

1. Универсальность грамматической категории лица и ее реализации в местоимениях и предикатах

В языках мира только две грамматические категории являются универсальными – грамматическое лицо и залог (дейксис). Универсальную представленность категории лица, как и наличие в любом языке земного шара местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица, на первой конференции по языковым универсалиям (Нью-Йорк, 1961) констатировали Дж. Гринберг и Р.О. Якобсон [Universals 1963]. Об универсальности залога еще в 1921 г. писал Эдвард Сепир. Обе универсальные категории (лицо и залог) реализуют свои значения в разных грамматических разрядах слов, в том числе в словах разных частей речи и разными грамматическими способами, включая порядок слов, а также (уже за пределами грамматики) лексику, наполняющую синтаксические модели высказываний.

Грамматическая семантика лица vs безличности (или бессубъектности) коммуникационно облигаторна в глубинном синтаксисе любого высказывания; она задает актантные координаты сообщения. Для понимания высказывания в конкретном коммуникативном акте партнеры должны осознавать, кто является субъектом того действия, о котором идет речь в порождаемом (и воспринимаемом) высказывании: сам ли говорящий (*иду*), слушающий (*идешь*) или не-участник разговора, т. е. «третье» лицо или «не-лицо», а неодушевленный предмет – (*снег идет, часы идут*). Различение трех лиц представляет собой глубокую коммуникативно-психологическую универсалию. Неслучайно тройственная оппозиция 1-го, 2-го и 3-го лиц лежит в основе главного жанрового разделения в искусстве слова – лирики, драмы, эпоса.

Лицо – шифтерная категория, в живом разговоре референция ее форм меняется от высказывания к высказыванию, и без принудительной помощи грамматики говорящие не справлялись бы с необходимостью постоянно различать постоянно меняющиеся связи между субъектом действия и тем или иным участником разговора. Если субъект действия, о котором идет речь, не указан достаточно определенно, то это чревато коммуникативной и другими неудачами. Так, побуждение *Надо сходить за картошкой*, высказанное хозяйкой в присутствии трех других членов семьи (каждый из ко-

торых бывал субъектом этого действия – *сходить за картошкой*), оказалось безадресным, за картошкой никто не пошел, а муж сказал раздраженно: *Говори прямо, а не намеками* (ср. похожие ситуации в [Ермакова, Земская 1993, с. 48]).

Опора категории лица на местоимения универсальна; связь с глаголом, хотя и не универсальна, однако по языкам мира распространена широко. Частичное дублирование значений лица глагольными и местоименными показателями относится к тем проявлениям избыточности языка, которые обеспечивают его надежность в общении. Выражение значений лица средствами двух частей речи говорит о глубокой укорененности категории лица в семантике языков. О.Г. Ревзина, подчеркивая значительность категории лица в русском языке и ее реализацию в морфологии двух частей речи, характеризовала грамматическое лицо как «суперкатегорию» [Ревзина 1973, с. 8].

Однако, помимо общей задачи – указывать, является ли субъект действия (подлежащее) говорящим, слушающим или участником данного разговора, у категории лица в местоимениях и у этой же категории в глаголе имеются свои особые функции. В местоимениях категория лица формирует оппозицию «персональность vs неперсональность» (лицо vs нелицо, т. е. предмет): местоимения 1-го и 2-го лица (говорящий и его собеседник – это люди), в то время как 3-м лицом может быть как человек (или люди, не участвующие в разговоре), так и предмет. В подавляющем большинстве высказываний местоимения 3-го л. указывают именно на предметы (неодушевленные или одушевленные): *Дай им попить* (цыплятам), *Он сейчас в ремонте* (о компьютере), *Она не кусается* (о собаке). *Они уже проросли* (о семенах).

В предикативных структурах для категории лица существенна привативная оппозиция «определенность субъекта действия (лица или предмета)» vs «неопределенность субъекта действия» (*я хочу* vs *мне хочется*), в которой немаркированная первая подкатегория является грамматически определенной, семантически цельной и шире представленной в речи. Маркированная подкатегория «неопределенный субъект действия» предстает как континуум предикативных структур с семантикой большей или меньшей неопределенности субъекта действия. В пределах названного континуума основное противопоставление может быть обозначено как «безличность» vs «бессубъектность». Безличные предикативные модели, более редкие в речи, служат для сообщений о действиях и состояниях, непосредственный субъект или фактор которых неочевиден и поэтому не всегда может быть назван (*тошнит, свербит, колбасит, хочется, хлеба хватает, тянет на улицу, краном задавило, все под-*

валы затопило). Бессубъектные предикативные модели связаны с ситуациями, в которых субъектом действия является человек (или люди), однако в силу разных причин, включая этические и стилистические, субъект намеренно не называется (*В статье показано, что...; Сказано – сделано; Придется подождать*). К бессубъектным моделям относятся предложения с глаголами в личных формах 2-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., называющими действия, субъект которых мыслится неопределенно широко и обобщенно (*Выше головы не прыгнешь; Не пером пишут, умом*). В инфинитивных предложениях (*Встать надо; Тебе бы помолчать; Молчать!; Целый час еще ждать*) неопределенность субъекта и связанная с ней модальная неопределенность достигают максимума. Так, название фильма-притчи Марка Захарова «Убить дракона» (1988) допускает различную конкретизацию: ‘приказ, обращенный ко 2-му л.’, ‘осознание 1-м л. необходимости названного действия’, ‘раздумье над возможностью действия 3-х лиц’, ‘пожелание (мысленно), обращенное к неопределенному кругу лиц’ и др.

Неопределенность значения лица (безличность и бессубъектность) оборачивается не лакуной, не эллипсисом, но расширением смыслового потенциала в указании на субъект и факторы действия. Лексика сообщает этим вариациям бесконечное модальное и семантическое разнообразие: *Час терпеть, а век жить* или: *Не обиделась, но обидно*.

2. Несмотря на универсальность, грамматическая категория лица развернута в разных языках в разной мере

В некоторых неиндоевропейских языках значения лица охватывают более широкие грамматические области, чем в индоевропейских; в других языках – более узкие. По данным А.П. Володина, баскский, картвельские и абхазско-адыгейские, а также большинство палеоазиатских, отчасти самодийские и обско-угорские, многие языки Северной и Южной Америки различают, наряду с лицом субъекта, также лицо (и число) объекта; есть языки, в которых значение лица выражается не только глаголом, но и именем, когда оно находится в позиции сказуемого; с другой стороны, известны языки, в которых глагол не имеет форм лица ни в одном из наклонений, кроме повелительного (лезгинский, монгольский, нивхский) [Володин 1990].

Различия в степени присутствия грамматического лица наблюдаются не только между языками разных семей, но и в одной семье,

в том числе индоевропейской. Эти различия наиболее отчетливо проявляются в синтаксисе, поскольку участие в выражении значений лица глагольного сказуемого (главного организатора предложения) привело к экспансии категории лица (в своем генезисе морфологической) в синтаксис языка.

В славянских языках имеются разнообразнейшие модели односоставных бесподлежащих предложений с неэксплицированным субъектом действия, причем это действие не только стихий (*Его молнией / током убило*), отдаленного и неизвестного «третьего лица» (*Почту уже принесли*), но и любого лица, включая участников разговора, поэтому субъект такого действия может мыслиться и обобщенно (*Цыплят по осени считают; Слезами горю не поможешь, Никогда не поздно учиться*), и более определенно: *Пора ехать* (мне, тебе, ему, нам), *Сколько можно шутить!* (тебе, ему), *До зарплаты денег хватит* (нам, тебе, ему). В английском, немецком, французском языках приведенным русским высказываниям соответствуют двусоставные предложения. Ср. англ.: *Lightning killed / He was electrocuted; The mail has already arrived; Do not count your chickens before they are hatched; Tears of sorrow will not help; It's never too late to learn* (ор: *One is never too old to learn*); *It's time to go; How much can you joke!; There is enough money until the salary.*

Модели односоставных бесподлежащих предложений ни филогенетически, ни онтогенетически не являются производными или вторичными по отношению к двусоставным подлежащно-предикативным моделям. А.А. Шахматов, приводя примеры безличных предложений в древнеиндийском, древнегреческом, латинском, литовском языках, подчеркивал, что это предложения «безусловно полные»; их происхождение не связано с эллипсисом подлежащего в двусоставных предложениях, «хотя и возможно, что эллиптическим путем с течением времени увеличилось их число» [Шахматов 1941, с. 89, 467]. В онтогенезе, по данным А.Н. Гвоздева, безличные предложения (*Налить!; Надо; Не надо; Еще молока!; Горячо; Можно; Нельзя*) появляются в числе самых ранних предикаций – в возрасте 1 года и 8 месяцев и 2 лет и 1 месяца [Гвоздев 1961, с. 165, 184–186].

В аналитических индоевропейских языках безличные предложения были вытеснены конструкциями с формальным подлежащим: на месте лат. *pluit* ‘дождит’ в новых романских языках стало франц. *il pleut*, итал. *il piove* и т. д. Впрочем, этот процесс развился не столько из-за «нетерпимости» аналитического языкового сознания к слитности субъекта и предиката в безличных моделях, сколько по аналогии с эволюцией личных форм: лат. *scribo* ‘пишу’, *bibo* ‘пью’, *vis* ‘хочешь’ трансформировались во франц. *j'écris* ‘я пишу’, *je bois*

‘я пью’, *tu veix* ‘ты хочешь’ [Шахматов 1941, с. 467]. Однако в синтетических индоевропейских языках, и в частности в славянских, бесподлежащие предложения остаются живым и продуктивным классом. В стихийной целостности их семантики есть своя привлекательность: *Стихи не пишутся – случаются, / как чувства или же закат. / Душа – слепая соучастница. / Не написал – случилось так* (А. Вознесенский).

3. Безличные и бессубъектные предложения в славянских языках: межъязыковая близость состава моделей

Судя по данным нормативных грамматик, современные славянские литературные языки в целом близки между собой по составу (списку) основных моделей простых предложений (без учета фразеологизированных предикативных схем [Шведова 1970]; [Шведова 1980]). В языках современной Славии имеется примерно 20 общих (сходных) моделей простых предложений, при этом в каждом отдельном языке эти модели относятся к наиболее продуктивным. Их терминологические обозначения по своей внутренней форме также похожи (ср. рус. *безличное, инфинитивное предложение* – словенск. *neoseben, nedoločniški (infinitivni) stavek*, польск. *bezosobowe zdanie, zdanie bezokolicznikowe* и т. д.); отмеченная терминологическая близость позволяет называть сходные предложенческие модели в разных языках “одноименными”. Межъязыковые различия, разумеется, есть, но их допустимо трактовать как вариации некоторой общей модели.

Так, во всех славянских языках имеются двусоставные предложения модели $\text{Na}^{\text{nom}} + \text{esse}^{\text{3sg}} + \text{Nb}^{\text{nom/instr}}$ (т. е. существительное **a** в им. п.+глагол ‘быть’ в форме 3-го л. ед. ч. + существительное **b** в им. или тв. п.): рус. *Мой отец – учитель*, польск. *Mój ojciec jest nauczycielem*, чешск. *Můj otec je učitel*, словенск. *Moj oče je učitelj*, болг. *Баща ми е учител* и т. д., при этом для русской модели при сказуемом в настоящем времени нормой является нулевая связка между подлежащим и присвязочным компонентом именного сказуемого, в то время как для польского, чешского, словенского и болгарского языков в данной модели нормативна эксплицитная связка. Вместе с тем обе нормы в своих языках не являются жесткими: в прошедшем и будущем времени и в русском языке связка должна быть эксплицитной, а польский узус иногда мирится с отсутствием связки, довольствуясь местоименным разделителем: польск. *Czas to pieniądz*, (‘Время – деньги’), *Wiedza to*

potęga ('Знание – сила'), в то время как в словенском, чешском, словацком, болгарском языках в подобных афоризмах связка большей частью обязательна.

Во всех языках Славии структурное разнообразие и семантико-прагматические возможности бесподлежащих предложений превышают разнообразие двусоставных предикативных схем. Однако и в этом пестром славянском синтаксисе бесподлежащих предложений наблюдается значительная структурно-семантическая близость.

Констатируя межславянское сходство основных моделей простого предложения, следует указать на одно значимое исключение: украинско-польская модель с пассивным причастием на *-no*, *-to*, которое управляет прямым объектом в форме беспредложного Вин. п: укр. *Обіцяно роботу* '*Обещано работу'¹; *На ліжку було розкладено одяг* '*На кровати было разложено одежду'; *Ремонт зроблено поверхово '*Ремонт сделан поверхностно'; *Пішла брутальна лайка на всіх старших учених мовознавців – їх залякано і змушено мовчати* 'Пошла грубая брань по адресу всех старших ученых-языковедов – их *запугано и *вынуждено молчать' (І. Огієнко); польск. *Zaczęto taniec* '*Начато танец'; *Wykryto nadużycia* '*Раскрыто злоупотребления'; *Opowiedziano mi tę historię* '*Рассказано мне эту историю' Семантическое своеобразие модели видят в том, что такие причастия менее адъективны, они усиливают оттенок перфективации и обозначают действия преимущественно человека, а не стихий [Булаховський 1951, с. 66–67].

Польский и украинский языки в данном случае сохраняют старинную модель причастной предикации, известную в старопольском языке в XII–XVI вв. [Klemensiewicz 1961, s. 127], в украинских и белорусских памятниках – с XIV в., в русских – с XVI в., при том что безличные причастные предикаты с отрицанием отмечены и в более ранних памятниках (например, *рати не слышано* – в «Слове о полку Игореве» [Борковский 1983, с. 85].

В польском языке круг подобных моделей несколько шире, чем в украинском, поскольку в польском причастия на *-no*, *-to* возможны не только у переходных глаголов, но и у непереходных, например, *bawiono się* (*bawić się* 'забавляться, хорошо проводить время'), *cieszono się* (*cieszyć się* 'радоваться'), *rozmańwiano* (*rozmańwiać* 'разговаривать'), *śmiano się* (*śmiać się* 'смеяться'), *wyspano się* (*wyspać się* 'выспаться') и под. Ср.: *Rzadko zdarzało się, aby się w domu śmiano*

¹ Здесь и далее синтаксическая структура оригинала передается "буквально", что в семантизации приводит к некоторому аграмматизму. Такие записи даны под звездочкой.

albo ciesząno z jego powodu ‘Редко случалось, чтобы в доме *смеяно или *радовано по его поводу’ (М. Dąmbrowska (пример взят из: [Тихомирова 1978, с. 96])). Фактически такие причастия утрачивают собственно страдательное значение. Подобные конструкции известны русской диалектной и некодифицированной канцелярской речи: *У него на тракторе уехано; С нарушителями побеседовано*. Если объект при “квазипассивном” причастии отсутствует или не является прямым, то такие конструкции обычны и в русской речи: *В комнате накурено, натоптано* и под.

К украинско-польским безличным моделям предложений с причастиями на *-но, -то* (*Обіцяно роботу*) близки предложения, в которых сказуемое, выраженное безличным возвратным глаголом, управляет существительным в Вин. п.: *Данило поїхав до Дніпра, де готувалося нічну експедицію* ‘Данило поехал к Днепру, где *готовилось ночную экспедицию’); *Училося отут гуртом урок на завтра* (*Училося здесь же группой урок на завтра’) [Булаховський 1951, с. 67]; польск. *Uprasza się o ciszę* ‘*Просится о тишину’. Сходная модель известна также чешскому и словацкому языкам: чешск. *Večer se tančilo* ‘Вечером *танцевалось’; словацк. *Kde sa chodilo?* ‘Куда он (она, они; ты, вы) *пошло’ [*sa* – возвратная частица]).

Отмеченная особенность украинского и польского синтаксиса – безличные предложения с объектом в вин. п. – в целом не колеблет значительного сходства односоставных бесподлежащих предложений в славянских языках. Однако “одноименные” предложения различны по своей употребительности (частоте реализаций моделей) в текстах на том или ином языке.

4. Межславянские различия в употребительности «одноименных» моделей предложения

Древнейший разряд безличных предложений – со сказуемым в форме 3-го л. ед. ч. глагола (*Светаєт*) и с безличным предикатом наречного или именного происхождения (*Надо. Нельзя*) – в каждом отдельном славянском языке по своей продуктивности (употребительности) занимает в классе бесподлежащих предложений первое место. При этом удельный вес высказываний, построенных по “одноименной” модели и одного ранга, может быть различным в разных языках. Так, в словенском языке безличные предложения встречаются несколько чаще, чем в речи на восточнославянских языках. Это связано с межязыковыми различиями в употребительности некоторых других моделей бесподлежащих предложе-

ний, конкурирующих с безличными. Дело в том, что словенские безличные предложения нередко встречаются в тех ситуациях, в которых, говоря на восточнославянских языках, обычно используют неопределенно- и обобщенно-личные предложения (*Мало ли, что говорят; Тише едешь – дальше будешь*). Словенский аналог приведенной русской поговорки выражен афоризмом в безличной оболочке: *Počasi se daleč pride* (дословно: ‘Медленно далеко *идется’, т. е. ‘далеко приходят, много успевают’). Ср. также словенские безличные предложения (сказуемое в 3-м л. ед. ч.), которым в русском языке соответствуют предложения неопределенно-личные (сказуемое в 3-м л. мн. ч.): *Tod se pride do reke* (дословно: ‘Там *идется к реке’), рус. *Здесь проходят к реке; Pri ede se molči* (дословно: ‘За едой *молчится’), рус. *За едой молчат*. Относительно высокая употребительность безличных предложений в словенском языке связана также с тем, что здесь шире круг существительных, могущих соединяться с безличным сказуемым. Ср., *Groza me je bilo ob misli na to* (дословно: ‘Ужас мне *было при мысли об этом’) [Мечковская 1991, с. 91–92].

4.1. *Употребительность инфинитивных предложений в словенском, польском и русском языках: она возрастает в направлении с запада на восток.* Шире всего инфинитивные предложения (с независимым инфинитивом) употребляются в русском языке (и, как кажется, в украинском), более ограниченно – в польском, еще уже – в словенском. Так, половине инфинитивных предложений в тексте повести Ст. Лема “Katar” (Kraków, 1976) в переводе на словенский язык (St. Lem. *Seneni nahod*. Prevedel N. Jež, Ljubljana, 1980) соответствуют личные предложения. Ср. ряд примеров:

St. Lem. Katar. Польский оригинал.	Словенский перевод. St. Lem. Seneni nahod.
<i>Iść czy nie iść?</i> [‘Идти или не идти?’]	<i>Naj vstanem ali ne?</i> [Буквально: ‘Что, встану я или нет’]
<i>Jak by powiedzieć ...</i> [‘Как бы сказать...’]	<i>Kako bi rekel...</i> [‘Как бы я (ты /он) сказал’]
<i>...kogo dziobnąć w nogę</i> [‘...кого клюнуть в ногу’]	<i>...koga naj kljune w nogo.</i> [‘...кого-то пусть клюнет в ногу’]
<i>Jak to wyrazić?</i> [‘Как это выразить?’]	<i>Kako naj to izrazim?</i> [Как это выражу? / Как смогу это выразить?]

В отличие от польского языка (а также русского), в словенском языке независимый инфинитив не употребляется в придаточных

предложениях. Польским придаточным с инфинитивом в словенском переводе “Katará” всегда соответствуют личные предложения в кондиционале, опативе, реже в индикативе; нередко сказуемое-инфинитив польского придаточного переводится словенским отглагольным существительным².

Польский оригинал. St. Lem. Katar.	Словенский перевод. St. Lem. Seneni nahod.
<i>Jeśli już coś zrobić, to tak dokładnie, jak tylko można</i> ‘Если уж что-то делать, то так точно, как только можно’.	<i>Če naj bi že kaj ukrepali, naj bo kolikor mogoče natančno</i> ‘Если бы что-то делали , пусть будет [это сделано], как можно более точно’.
<i>Zamiast szukać odpowiedzi na takie pytania, lepiej zapiąć rozpiorek ijechaćdalej³</i> ‘Вместо того, чтобы искать ответы на такие вопросы, лучше застегнуть молнию и ехать дальше’	<i>Namesto iskanja odgovorov na taka vprašanja bi bilo bolje zapeti zadrgo in se odpeljati naprej.</i> ‘Вместо поиска ответов на такие вопросы было бы лучше застегнуть молнию и ехать дальше’
<i>Krążył od hotelu do hotelu po nocnym Rzymie, żeby tę drogę zakończyć w Hiltonie, bo żywy z niego nie wyszedł</i> ‘Кружил от отеля к отелю по ночному Риму, чтобы этот путь закончить в Хилтоне, потому что живым из него не вышел’.	<i>Krožil od hotela do hotela po nočnem Rimu in potem končal v Hiltonu, kajti živ ni prišel iz njeга</i> ‘Кружил от отеля к отелю по ночному Риму и потом *кончал в Хилтоне, потому что живым не пришел из него’.

В русском переводе “Катара” С. Ларина и В. Чепайтиса («Знамя», 1978, № 4, 5) инфинитивные предложения (и самостоятельные, и придаточные) употребляются значительно чаще, чем в оригинале. В сопоставимых словенских и русских текстах эта тенденция проявляется еще сильнее: где в русской фразе употреблен независимый инфинитив, там в словенском стоит личная форма глагола. Ср. параллели из «Осени» А. Пушкина и в словенском переводе М. Клопчича:

² Неслучайно в словенских грамматиках односоставные предложения с независимым инфинитивом относят к неглагольным предложениям [Торговиšič 1976, s. 561], а беспрефиксный инфинитив до сих пор понимается как слитная форма глагола и имени [Торговиšič 1992, s. 129].

³ Вторая часть последнего предложения во всех трех версиях (польском оригинале и в его словенском и русском переводах) построена по модели не инфинитивных, но безличных предложений с зависимым инфинитивом.

Как это объяснить? – S čim to naj razložim ? [‘Как это объясню?’]

Сказать вам откровенно... – *Priznam naj vam odkrito...* [‘Признаюсь вам открыто’]

Плывет. Куда ж нам плыть? – Ze plovemo. A kam? [‘Уже плывем. А куда?’]

Характерны также русская и словенская версии одной паремии: *Двум смертям не бывать, а одной не миновать* vs *Dve smrti se ne moreta zgoditi, eni pa se ni mogoče izogniti* (‘Две смерти не могут случиться, но одной невозможно избежать’): в русской поговорке два инфинитивных предложения, в словенской – двусоставное и безличное предложение с категорией состояния и примыкающим инфинитивом.

Аналогичная картина наблюдается в русско-польских пословичных параллелях: русским инфинитивным предложениям соответствуют польские двусоставные. Ср.:

Русские и польские пословичные параллели	
<i>Чему быть, того (тому) не миновать.</i>	<i>Co ma być, to będzie (stanie się)</i> (дословно: ‘Что имеет быть, то будет’).
<i>Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть.</i>	<i>Kto chce ryby jeść, musi się zmozyć</i> (‘Кто хочет рыбу есть, должен замочиться’).
<i>Двум смертям не бывать, а одной не миновать.</i>	<i>Dwie zgony nie mogą się zdarzyć, ale jednej nie da się uniknąć</i> (‘Две смерти не могут случиться, но одной не удастся избежать’).

Есть, однако, и польская модель инфинитивных предложений с глаголами восприятия, осознания; в русском языке этой модели соответствуют бессубъектные предложения разной структуры: *Poznać lisa po ogonie* – ‘Лису по хвосту узнаешь / Лису по хвосту видно’, *Poznać błazna i bez dzwoneków* – ‘Шута и без бубенчиков видно’.

У инфинитивных предложений самый неопределенный субъект действия, они максимально разнообразны по экспрессии и модальности – от категорического приказа до интимного нерешительного раздумья и сомнения. Они употребительны и органичны в живой русской речи, в том числе публичной, и далеко не только в поговорках; между тем в польской и особенно словенской речи говорящие предпочитают предложения с более определенным значением лица, времени и модальности.

Продуктивность «класса инфинитивных предложений» (термины русских академических грамматик 1970 и 1980 гг.)

коррелирует с разнообразием глагольной лексики в позиции предиката: «в инфинитивных предложениях позиция главного члена может быть замещена любым глаголом: лексико-семантические ограничения отсутствуют» [Шведова 1980, с. 373]. В коллективной монографии «Синтаксис современной украинської мови. Проблемні питання» инфинитивные предложения отнесены «не к основным моделям, а к периферийным вариантам» предложения [Слинько 1994, с. 232]. В энциклопедии «Языки мира» в список 18 «основных структурных схем» польского синтаксиса инфинитивные предложения включены [Тихомирова 1978, с. 376].

4.2. *Употребительность бесподлежащих предложений с глагольным сказуемым в форме 2-го л. возрастает в направлении от словенского языка к польскому и далее к русскому.* В славянских языках предложения без эксплицитного подлежащего, но с глаголами в формах 2-го и 3-го л. (любого числа) развили некоторые специальные грамматические значения. У моделей со сказуемым в форме глагола 3-го л. ед. ч. это значение безличности, в глубине – стихийности: субъект действия – неведомое «Оно». Бесподлежащие предложения с глагольным сказуемым в формах 2-го лица (ед. ч.) стали обозначать действия разрозненных лиц, которые, однако, действуют (будут или должны действовать) сходным образом – в силу природы человека. Модели со сказуемым в 3-л. мн. ч. служат для выражения действия ряда лиц (*Машины обычно под окнами ставят*) или неопределенного лица (*Почту приносят по утрам*); субъекты действия не составляют группы, их действия разрознены, но сходны (*Дни поздней осени бранят обыкновенно* (Пушкин)).

О межславянских различиях в употребительности бесподлежащих предложений с глаголом в форме 2-го л. ед. ч. можно судить по представленности данной модели в пословицах. В русском языке это десятки широко известных пословиц, причем преимущественно в индикативе, а не в повелительном наклонении (чья прямая дидактичность несколько обедняет модальность фразы). В словенском большинство паремий с глаголом во 2-м л. ед. ч. – это именно побуждения или советы: *Niti bodi med, niti bodi jed* 'Не будь медом, не будь и ядом', *Ne išči dlake v jajcu!* 'Не ищи в яйце волос!' Индикативные словенские пословицы с глаголом во 2-м л. ед. ч. обычно содержат старые или редкие слова, нередко рифмующиеся, как в пословице *S komer hodiš, s tem se obrodiš* 'С кем поведешься, с тем и преуспеешь (получишь приплод, высокий урожай и т. п., также в переносном смысле)' (SSKJ 1979,

III, с. 227). По-видимому, в паремиях с более близкой лексикой происходила синтаксическая адаптация пословиц к языковому строю с более эксплицитным выражением субъекта. Достаточно часто словенская пословица, максимально близкая по модальности и образной основе к русской паремии со сказуемым в форме 2-го л. ед. ч., в синтаксическом плане представляет собой предложение с личным сказуемым. Ср.:

Русские паремии	Словенские параллели по [Vojs 1980]
<i>Посеешь ветер – пожнешь бурю.</i>	<i>Kdor veter seje, bo vihar žel</i> ('Кто сеет ветер, будет жать бурю').
<i>Кончил дело – гуляй смело.</i>	<i>Končano delo je praznovano</i> (дословно: 'Законченное дело отпраздновано').
<i>С кем поведешься, от того и наберешься.</i>	<i>Kdor s psi lega, z bolhami vstane</i> ('Кто с псом спать ложится, с блохами встанет').
<i>Захочешь собаку ударить – палку найдешь.</i>	<i>Kdor hoče psa tepsti, lahko mu je palico dobiti</i> ('Кто хочет пса ударить, надо ему палку найти').
<i>Как постелешь, так и выспишься.</i>	<i>Kakor si človek postelje, tako leži</i> (буквально: 'Как человек себе постелит, так и спит').

В то же время в сборнике "Pregovori in reki na Slovenskem" [Vojs 1980] мне не встретилось обратное соотношение: чтобы в словенской паремии был глагол во 2-м л. ед. ч., а в ближайшей по смыслу и образу русской паремии – двусоставное предложение.

Русско-польские паремиологические параллели дают иную картину: сходные по образности и лексике пословицы примерно в четверти случаев имеют одинаковое сказуемое (в форме 2-го л. ед. ч.): *Jak sobie pościelesz, tak się wyśpisz.* – *Как себе постелишь, так и выспишься; To, co siejesz, jest tym, co zbierasz.* – *Что посеешь, то и пожнешь; Na plewy starego wróbla nie złowisz.* – *Старого воробья на мякине не проведешь; Wyższe głowy nie przeskoczysz.*

В остальных парах модели разные. Иногда в польской паремии сказуемое во 2-м л. ед. ч.: *Gdy idziesz zabijać muchę, nie zabieraj ze sobą armaty* ('Если идешь убивать муху, не бери с собой пушку'). – *Из пушки по воробьям не стреляют*). Но чаще русской модели с 2-м л. ед. ч. соответствует польское двусоставное или безличное предложение.

Русские поговорки	Польские параллели по: (Stupała 1974)
<i>Век живи, век учишь, а дурнем помрешь.</i>	<i>Człowiek całe życie się uczy, a durniem umiera</i> ('Человек целую жизнь учится, а дурнем умирает').
<i>Как волка ни корми, он все в лес смотрит.</i>	<i>Natura ciągnie wilka do lasu</i> ('Натура тянет волка в лес').
<i>Раньше смерти не умрешь.</i>	<i>Przed śmiercią się nie umiera</i> (дословно: '*Прежде смерти не умирается ').

А.А. Шахматов отмечал древность неопределенно- и обобщенно-личных значений глаголов во 2-м л. ед. ч., представленных еще в древнегреческих и латинских текстах [Шахматов 1941, с. 71]. В текстах XIX в. Шахматов и Пешковский обнаружили в таких предложениях не только обобщение, но и особую форму речи 1-го лица (говорящего)⁴. По этой модели, но за пределами фольклора (хотя, возможно, под влиянием пословичной модели со сказуемым во 2-м л. ед. ч.) распространились лирические высказывания субъекта речи ("говорящего-пишущего", т. е. автора), выражающие мысли и чувства 1-го л., но представленные в высказываниях со сказуемым в форме 2-го л. ед. ч. В таких высказываниях говорящий сообщает о своем личном переживании каких-то действий или состояний, полагая, что в подобных ситуациях «это же», скорее всего, испытывает и собеседник, читатель («2-е л.»), и вообще широкий круг людей: *С утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью ляжешь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили* (А. Чехов). Вот почему сказуемое стоит в форме 2-го лица.

А.М. Пешковский писал, что «обобщительная форма» сказуемого в подобных высказываниях «получает глубокое жизненное и литературное значение. Она является тем мостом, который соединяет личное с общим, субъективное с объективным. И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ перед всеми, тем охотнее он облакает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повество-

⁴ И приводили выразительные примеры из пьес Гоголя, Чехова, Горького, прозы Тургенева. Ср. откровения Хлестакова: *Наскучило идти – берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему – изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет* [Пешковский [1928] 1956, с. 372]; *Да ведь где же достать хорошего дворянина? Ведь его же на улице не сыщешь* (Гоголь. «Женитьба») [Шахматов 1941, с. 72].

ванием, чем при чисто личной форме» [Пешковский [1928] 1956, с. 375–376].

В.В. Виноградов заметил сходное «обобщительное» употребление глагола и местоимения 2-го л. не только в ед., но и во мн. ч. Такая форма «может обозначать не конкретных собеседников, а неопределенных слушателей или читателей». Например: «*За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь, оглядываете пистон, перемигиваетесь с товарищем*» (Тургенев. «Ермолай и мельничиха») [Виноградов 1947, с. 460]. В таких высказываниях формы мн. ч., по сути, не столько расширяют круг адресатов, сколько придают речи литературный «интеллигентский» оттенок.

Непословичное обобщенно-личное употребление глаголов и местоимений 2-го л. ед. ч. (и реже мн. ч.) не является особенностью русского синтаксиса: оно отмечено в грамматиках всех славянских языков (включая наиболее отдаленный от русского языка словенский). Ср.: *Delaš kot konj vse leto, toča pa pobije v petih minutah* 'Работаешь как лошадь весь год, а град все за пять минут уничтожит' [Tropižič 1976, s. 499].

Обобщенно-личные предложения сохраняют свою активность в современном языке. Поскольку данных о частоте свободных высказываний рассматриваемой модели (со сказуемым во 2-м л.) почти нет, можно обратиться к собранию постфольклорных ернических и пародийных паремий, собранных Харри Вальтером и В.М. Мокиенко в издании «Антипословицы русского народа» (Вальтер, Мокиенко 2005). В этой книге объемом более 50 п. л. в изобилии (но отнюдь не поровну) представлены три отмеченные выше разновидности самодостаточных вне контекста высказываний со сказуемым во 2-м л. Ниже в порядке иллюстрации приведено по три «антипословицы» каждой разновидности.

1. Бесподлежащие высказывания с обычным пословичным значением, которое относится к неопределенно широкому кругу лиц (читателей, слушателей): *Не хочешь думать – верь; Не ценишь здоровье – узнаешь цену лекарств; Дорога не взлетная полоса: взлетишь – не сядешь.*

2. Бесподлежащие высказывания, в которых представлено действие, субъектом которого является сам говорящий (автор паремии); такое высказывание относится к 1-му лицу, но, по ощущению автора, подобное мнение разделяют и другие люди, поэтому автор использует объединяющую форму 2-го л. ед. ч.: *Лекарств сейчас так много, что невольно думаешь, чем бы еще заболеть; Сам себя утром не похвалишь – весь день ходишь как оплеванный; Здоровье – это когда в аптеку заходишь только за контрацептивами.*

3. Высказывания со сказуемым в форме 2-го л. мн. ч., которые относятся к неопределенно широкому кругу лиц: *Чем дольше вы ждете, тем больше вероятность того, что вы ждете не там; Ваше здоровье – в ваших ногах; Учиться, учиться и еще раз учиться, потому что работы вы все равно не найдете.*

Таким образом, древняя модель бесподлежащих предложений со сказуемым во 2-м л. ед. ч. в русском языке не только сохранилась, но и распространила свое обобщенно-личное значение на высказывания со сказуемым 2-го лица во мн. ч. и даже с местоименным подлежащим в обоих числах 2-го лица.

5. Почему в славянском языковом ареале бесподлежащие предложения шире всего распространены в русском языке?

Общая черта бесподлежащих предложений в славянских языках состоит в редукции грамматической категории лица, при том, что в ряде моделей аффиксальные показатели лица сохраняются (*Смеркается; Без труда не вынешь рыбку из пруда; Просят не курить; Поживем – увидим* и т. п.). Но и модели со значительно большей неопределенностью лица (*Надо сходить за картошкой; В зале накурено; Крышу в бурю снесло*) не теряют своей продуктивности. Очевидно, языковое сознание говорящих привыкло к ослабленности, размытости грамматического значения лица; в конечном счете во многих высказываниях на русском языке формальное выражение лица стало необязательным.

Можно предположить, что структурно-грамматической предпосылкой ослабления значения лица в ряде славянских языков явилась перестройка системы глагольных времен, происходившая в период их раздельной истории. Судя по системе глагольного времени в праславянском языке (реконструируемой по данным старославянского языка), все формы глагольного времени в праславянском – как простые претериты (аорист и имперфект), так и аналитические (перфект и плюсквамперфект) – значение лица имели (наряду со значением времени, числа и склонения). Примерно такое же состояние было характерно для грамматического строя раннего древнерусского языка (общевосточнославянского). Однако в последующей истории восточнославянских языков на месте четырех прошедших времен осталось одно время, восходящее к формам перфекта (включавшего форму наст. вр. глагола **byti*: в ед. ч. *есмь, еси, есть*; во мн. – *есмь, есте, суть*), в которой различались лица и

числа, и элевое причастие смыслового глагола. В русском языке связка наст. вр. от **byti* постепенно утрачивалась в формах перфекта, а также в именном сказуемом; в современной речи связки *есть* и *суть* удерживаются несколько архаически, в случаях подчеркнуто строгих отождествлений или морфологической нестандартности актантов: *Пусть s, f и v суть внутренние координаты поверхности ф.* Однако в украинском и белорусском именном сказуемом связка наст. вр., восходящая к *есть*, встречается до сих пор, особенно в СМИ, и употребляется независимо от числа субъектов: *Цікавим є ансамбль «Не журисть!»* ('Интересен ансамбль «Не журисть!»); *Вони є представники брутальної чуттєвості* ('Они выступают как представители грубой чувственности') [Мечковская 1999]. В белорусском и украинском языках модели с глаголом в личной форме поддерживаются также конструкциями обладания и долженствования с глаголом с исходным значением 'иметь'; ср. бел. *Я маю кнігу, сям'ю, карову, гонар; маю вярнуцца*; аналогичные русские конструкции обычно представлены безличными предложениями: *У меня есть книга, семья, корова, честь; мне надо вернуться.*

Грамматическое лицо в глагольном спряжении в полной мере (и в простых, и в сложных претеритах) сохранилось в южнославянских языках, за исключением словенского, в котором простые претериты утратились. В чешском и словацком языках осталось одно прошедшее время, восходящее к прежнему перфекту, однако в его формах 3-го л. обоих чисел связка не употребляется, а во 2-м л. связка испытывает сильную ассимиляцию по отношению к соседним словам (иначе говоря: аналитический претерит постепенно превращается в простой). В польском языке сформировалось новое простое (синтетическое) прошедшее время, различающее три лица; в старом плюсквамперфекте лицо не различается. Отмеченные межславянские различия в выражении значений грамматического лица представлены в таблице на с. 18.

Таким образом, в русских предикативных моделях значение грамматического лица эксплицировано в наименьшей мере (по сравнению с синтаксисом других славянских языков), что является одной из структурных предпосылок максимального разнообразия в русском языке безличных и бессубъектных предложений и их широкой употребительности. Эти модели простых предложений в значительной, но в разной мере синонимичны между собой, что создает условия для их дальнейшей семантической и прагматической дифференциации и расширения выразительных возможностей русского синтаксиса.

Таблица

Различия между славянскими языками
в представленности грамматического значения лица
в сказуемом

Языки	Связка <i>*byti</i> в именном сказуемом в наст. вр.	Простые претериты	Сложные претериты	Условное накло- нение
Болгарский	+	+	+	+
Македонский	+	+	+	+
Сербский	+	+	+	+
Хорватский	+	+	+	+
Словенский	+	Нет форм	+	–
Чешский	+	Нет форм	(+)	+
Словацкий	+	Нет форм	(+)	+
Польский	+	+	Реликты форм без значения лица	+
Украинский	(–)	–		–
Белорусский	(–)	–		–
Русский	–	–	Нет форм	–

знак + означает ‘эксплицированность значения лица’

знак – означает ‘неэксплицированность значения лица’

знак, данный в скобках, указывает на ослабленное (не)проявление признака

В аспекте ареально-диахронических различий славянских языков рассмотренные факты показывают, что в направлении с запада на восток (от словенского к польскому и далее к русскому языку) имеет место типологическая тенденция к ослаблению словоизменительного характера грамматической категории лица и к размыванию основных значений лица. В русском языке это выражается в частичной утрате показателей лица в ряде предикативных конструкций, в появлении структурно разнообразных и широко употребительных бессубъектных предложений, а также в развитии значений безличности, обобщенности и неопределенности лица у личных форм глагола (некогда вполне определенных указателей на одно из трех грамматических лиц). Категория лица в славянских

языках, сохраняя свою морфологическую основу (пусть и не в полной мере), становится компонентом синтаксической семантики моделей односоставных предложений.

Источники

- Вальтер, Мокиенко 2005 – *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
- SSKJ, 1979, III – *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Kn. 3. Ljubljana: SAZU, 1979. 1076 s.
- Stypuła 1974 – *Stypuła R.* Słownik przelów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Warszawa: 1974. 558 s.

Литература

- Борковский 1983 – Структура предложения в истории восточнославянских языков / Ред. В.И. Борковский. М.: Наука, 1983. 304 с.
- Булаховський 1951 – Курс сучасної української літературної мови / Ред. Л.А. Булаховський. Т. 2: Синтаксис (1. Просте речення, 2. Складне речення, 3. Пунктуація). Київ: Радянська школа, 1951. 408 с.
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
- Володин 1990 – *Володин А.П.* Лицо // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 271–272.
- Гвоздев 1961 – *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 471 с.
- Ермакова, Земская 1993 – *Ермакова О.П., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
- Мечковская 1991 – *Мечковская Н.Б.* Словенский язык. Минск: Университетское, 1991. 120 с.
- Мечковская 1999 – *Мечковская Н.Б.* Безличность, неопределенность и обобщенность лица в структуре категории персональности // *Personality und Person* / Hrsg. Von H. Jachnow, N. Mečkovskaja, B. Norman, B. Plotnikov. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1999. S. 97–124. (=Slavistische Studienbücher, Neue Folge. Bd. 9)
- Пешковский [1928] 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 512 с.
- Ревзина 1973 – *Ревзина О.Г.* Общая теория грамматических категорий // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М.: Наука, 1973. С. 5–38.
- Слинько 1994 – *Слинько І.І., Гуйванюк Н.В., Кобилянська М.Ф.* Синтаксис сучасної української мови: Проблемні питання / Навч. посібник. Київ: Вища школа, 1994. 670 с.

- Тихомирова 1978 – *Тихомирова Т.С.* Польский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием и словарем. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 208 с.
- Шахматов 1941 – *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Госучпедгиз, 1941. 620 с.
- Шведова 1970 – Грамматика современного русского литературного языка / Ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 768 с.
- Шведова 1980 – Русская грамматика / Ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.
- Bojc 1980 – *Bojc E.* Pregovori in reki na Slovenskem. 2 izdaja. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1980. 407 s.
- Klemensiewicz 1961 – *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Część I. Doba staropolska (od czasów najdawniejszych do początków XVI wieku). Warszawa: PWN, 1961. 230 s.
- Toporišič 1976 – *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Maribor: Obzorja, 1976. 601 s.
- Toporišič 1992 – *Toporišič J.* Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1992. 384 s.
- Universals 1963 – Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April, 13–15, 1961 / Ed. by J.H. Greenberg, Cambridge (Mass), 1963. X; 269 p.

References

- Bojc, E. (1980), *Pregovori in reki na Slovenskem*, 2. izdaja, Ljubljana, Poland.
- Borkovskii, V.I. (1983) (ed.), *Struktura predlozheniya v istorii vostochnoslavjanskikh yazykov* [Sentence structure in the history of East Slavic languages, Nauka, Moscow, USSR.
- Bulakhovskii, L.A. (1951) (ed.), *Kurs suchasnoi ukraïns'koï literaturnoi movi. T. 2: Sintaksis (1. Proste rechennya, 2. Skladne rechennya, 3. Puntuaciya)* [Course of modern Ukrainian literary language. Vol. 2: Syntax (1. Simple sentence, 2. Complex sentence, 3. Punctuation], Radyans'ka shkola, Kiev, USSR.
- Ermakova, O.P. and Zemskaya, E.A. (1993), “On the construction of a typology of communicative failures (on the natural Russian dialogue)”, in *Russkii yazyk v ego funkcionirovanii* [Russian language in its functioning], Nauka, Moscow, Russia, pp. 30–64.
- Greenberg, J.H. (ed.) (1963), *Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April, 13–15, 1961*, Cambridge Mass., USA.
- Gvozdev, A.N. (1961), *Voprosy izucheniya detskoj rechi* [Questions of studying children's speech], APN RSFSR, Moscow, Russia.
- Klemensiewicz, Z. (1961), *Historia języka polskiego. Część I. Doba staropolska (od czasów najdawniejszych do początków XVI wieku)*, PWN, Warszawa, Poland.
- Mechkovskaya, N.B. (1991), *Slovenskij yazyk* [Slovenian language], Universitetskoe, Minsk, Belarus.

- Mechkovskaya, N.B. (1999), "Impersonality, uncertainty and generalization of a person in the structure of the category of personality", in Jachnow, H., Mečkovskaja, N., Norman, B. and B. Plotnikov (eds.), *Personalität und Person*, Harrasowitz, Wiesbaden, Germany, S. 97–124. (=Slavistische Studienbücher, Neue Folge, Bd. 9)
- Peshkovskii, A.M. ([1928] 1956), *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax from a scientific point of view], Uchpedgiz, Moscow, USSR.
- Rezvina, O.G. (1973), "General theory of grammatical categories", in *Strukturno-tipologicheskie issledovaniya v oblasti grammatiki slavyanskikh yazykov* [Structural-typological researches in the field of grammar of the Slavic languages], Nauka, Moscow, pp. 5–38.
- Shakhmatov, A.A. (1941), *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language], Gosuchpedgiz, Leningrad, USSR.
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970), *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language], Nauka, Moscow, USSR.
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russkaya grammatika. T. 2: Sintaksis* [Russian grammar. Vol. 2. Syntax], Nauka, Moscow, USSR.
- Slin'ko, I.I., Gujvanyuk, N.V. and Kobilyans'ka, M.F. (1994), *Sintaksis suchasnoi ukraïns'koï movi: Problemni pitannya* [Syntax of the modern Ukrainian language. Problematic issues], Vishcha shkola, Kiev, Ukraine.
- Tikhomirova, T.S. (1978), *Pol'skii yazyk. Grammaticheskii ocherk, literaturnye teksty s kommentariem i slovarem* [Polish. Grammatical essay, literary texts with commentary and dictionary], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia. Polish language. Grammatical essay.
- Toporišič, J. (1976), *Slovenska slovnica*, Maribor, Slovenia.
- Toporišič, J. (1992), *Enciklopedija slovenskega jezika*, Ljubljana, Slovenia.
- Val'ter, Kh. and Mokienko, V.M. (2005), *Antiposloviцы russkogo naroda* [Anti-proverbs of the Russian people], Neva, Sankt-Petersburg, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1947), *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical doctrine of the word], Uchpedgiz, Moscow, Leningrad, USSR.
- Volodin, A.P. (1990), "Person", in *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic dictionary], Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 271–272.

Информация об авторе

Нина Б. Мечковская, доктор филологических наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь; 220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, д. 4; nina.mechkovskaya@gmail.com

Information about the author

Nina B. Mechkovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus; bld. 4, Independence Av., Minsk, Belarus, 220030; nina.mechkovskaya@gmail.com

Лицо как модусный субъект изъяснительной конструкции в языке медиа

Татьяна В. Шмелева

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия, szmiel@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются русские изъяснительные предложения, понимаемые как семантический тип, характеризующийся соединением диктумной и модусной пропозиции, а также техники их соединения. Каждая из них располагает рядом конструктивных воплощений, варьируется техника их связи, что в целом определяет значительный круг изъяснительных конструкций: от простого предложения (с вводными словами и без таковых) до сложного – сложноподчиненного и бессоюзного. Наблюдения ведутся над языком российских медиа, при этом объектом внимания выступает позиция модусного субъекта. Выявлено, что она замещается в медиатекстах не только обозначениями персон (местоимения или личные существительные), что тривиально, но и тремя типами неличных существительных – названиями медиаинституций, властных структур и социальных институций. Такого рода факты, иллюстрируемые примерами из медиатекстов ряда изданий («Коммерсантъ», «Известия», «Фонтанка.ру», «Огонек» и др.), говорят о том, что изъяснительная конструкция в медиаречи открывается для стилистики, в частности для регулярного действия метонимии (автор/редакция, власть/ее локус и т. п.). Это обстоятельство интерпретируется на фоне общих суждений о роли метонимии и метонимического мышления в современной медиасфере.

Ключевые слова: язык медиа, грамматика, изъяснительное предложение, модус, субъект, метонимия

Для цитирования: Шмелева Т.В. Лицо как модусный субъект изъяснительной конструкции в языке медиа // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культуроведение». 2022. № 8. Ч. 1. С. 46–53. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-46-53

The person as a modus subject of an explanatory construction in the media language

Tatiana V. Shmeleva

*Yaroslav the Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia, szmiel@mail.ru*

Abstract. The article analyzes Russian explanatory sentences, understood as a semantic type characterized by a combination of dictum and modus propositions. Each of them has a number of constructive embodiments, the technique of their connection varies, which generally determines a significant range of explanatory constructions – from a simple sentence (with and without introductory words) to a complex one – complex and non-union. Observations are being made on the language of the Russian media. The object of attention is the position of the modus subject. It is revealed that it is replaced in media texts not only by designations of persons (pronouns or personal nouns), which is trivial, but also by three types of non-personal nouns – the names of media institutions, power structures and social institutions. Such facts, illustrated by examples from the media texts of a number of publications (*Kommersant*, *Izvestia*, *Fontanka.ru*, *Ogonyok*, etc.), indicate that the explanatory construction in media speech opens up for stylistics, in particular, for regular action of metonymy (author / editorial board, authority / its locus, etc.). This circumstance is interpreted against the background of general judgments about the gender of metonymy and metonymic thinking in the modern media sphere.

Keywords: media language, grammar, explanatory sentence, modus, subject, metonymy

For citation: Shmeleva, T.V. (2022), “The person as a modus subject of an explanatory construction in the language of media”, *RSHU/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 46–53, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-46-53

Подход к изъяснительной конструкции как ключевому средству выражения модуса, обоснованный в статье [Bally 1942], позволяет рассматривать изъяснительность как особый вид семантики, а предложения, в которых она воплощается, – как особый семантический тип с широким кругом конструктивных реализаций. Массив таких конструкций определяется тем, что изъяснительность создается соединением как минимум двух пропозиций – диктумной, отражающей некую ситуацию действительности, и модусной, в которой выражается отношение автора к ней, к информации о ней и языковых средствах обозначения оценок. Каждая из пропозиций,

их элементы и техника их связи располагают сериями возможностей конструктивного проявления, что и формирует в итоге массив конструкций, включающий структуры как простого предложения – с вводными словами и без, так и сложного – сложноподчиненного и бессоюзного. Важно учитывать и то, что для изъяснительного предложения характерна способность к усложнению – как в плане количества пропозиций, так и актантов, что увеличивает объем конструкций, относимых к изъяснительному смысловому типу. По отношению к русскому изъяснительному предложению такая интерпретация изложена в работе [Стексова, Шмелева 2021]. Из нее, в частности, следует, что особого изучения требует такой элемент смысловой структуры, как модусный субъект.

В самых простых случаях он представлен персонами участников коммуникации – говорящего, слушающего и третьих лиц: *Я думаю, текст будет готов к четвергу; Мне кажется это маловероятным; У меня есть сомнения в том, что он справится; Ты говорил: работы здесь на неделю; Как они утверждают, закончить в срок не удастся; По словам Пушкина, любви все возрасты покорны.* Нетрудно заметить, что во всех этих случаях субъект оказывается автором высказывания, которое передается изъяснительной конструкцией.

Картина меняется при наблюдении над функционированием изъяснительных предложений в текстах разных дискурсов. В настоящей работе представлены результаты исследования этого явления в языке медиа, изучение грамматики которого представляется весьма актуальной задачей [Шмелева 2020].

Разумеется, в языке медиа можно найти бесчисленные примеры тривиальной реализации позиции модусного субъекта – именами, обозначающими автора содержания диктумной пропозиции, что может быть проиллюстрировано, например, фрагментом из авторской колонки Д. Драгунского в «Газете.ру» (19.11.2021), где представлено лицо автора текста и одного из его героев: *Мне вдруг показалось, что Цукерберг решил – точнее, сказал, что решил, или, еще точнее – пообещал – сделать на Земле нечто сомасштабное тому, что Маск делает в космосе.* Однако в рамках настоящей работы интерес представляют случаи нетривиальных замещений субъектной позиции модуса.

Прежде всего обращает на себя внимание регулярное замещение такой позиции наименованием **издания**. Такие изъяснительные конструкции характерны для лидов медиатекстов, например: *В начале ноября выходит фильм «Цой» Алексея Учителя. О том, как создавалась и воплощалась работа о легендарном рок-музыканте, «Огонек» расспросил самого режиссера.* Показательно, что

рядом указывается фамилия реального интервьюера – *Беседовал Андрей Архангельский* (Огонек. 2.11.2020). И в этом ни редакция, ни читатель не видят противоречия. Очевидно, что такая реализация позиции модуса – особый стилистический прием, конкретно – метонимия на основе отношений «часть / целое», точнее – «издание» / «его сотрудник».

Этот прием представления издания культивирует и «Коммерсантъ», логотип которого – литера Ъ – регулярно используется в лидах, например в одном номере газеты – за 31.10.2020: *3 ноября в США пройдут выборы президента. От республиканцев за должность поборется действующий глава государства Дональд Трамп, от демократов – бывший вице-президент Джо Байден. «Ъ» спросил экспертов, кто из кандидатов был бы лучше для России; Басманный райсуд Москвы заочно арестовал гендиректора ООО «Дельта-Р групп» Оксану Панченко. Как выяснил «Ъ», СКР считает ее пособницей находящегося в международном розыске бывшего зятя экс-командующего ВДВ.*

Нельзя сказать, что этот прием чужд другим изданиям. Можно найти его в «Известиях», в чем убеждают лиды текстов, опубликованных 3.11.2020: *Приложение «Помощник ОСАГО», которое позволяет оформить ДТП в электронном виде, пока не будет доступно на всей территории России. Повсеместный запуск планировали на ноябрь, но теперь он откладывается. В чем причина и так ли удобно это приложение, разбирались «Известия»; На Украине новый скандал. <...> «Известия» разбирались в подробностях кризиса.* Активно использует этот прием петербургское издание «Фонтанка.ру», расширяя его возможности. Так, в тексте, озаглавленном «От 63 до 120 тысяч в месяц. Глава территориального фонда ОМС отчитался о средних зарплатах медиков. «Фонтанка» переспрашивает», находим высказывания: *Ранее «Фонтанка» писала, как медиков просят ужаться из-за недостатка средств; Напомним, «Фонтанка» ранее рассказывала о совещании в этой больнице, где администрация сообщила сотрудникам, что всем вместе придется ужаться на 96 млн по оплате труда; «Фонтанка» решила обратиться к петербургским медикам, чтобы подтвердить статистику, озвученную в Смольном (20.10.2020).*

Можно сделать вывод о том, что это самый естественный случай метонимии для медиасферы: журналист представляет издание, а издание – журналиста; его можно назвать медийной метонимией.

Другой случай представляют высказывания о политической реальности. В них в роли субъекта изъяснительной конструкции выступают **власти**. Конечно, они могут и прямо выступать субъектом модуса: **Власти Петербурга рассказали, каким магазинам**

можно будет работать в нерабочие дни (Фонтанка.ру. 29.10.2021). Но довольно часто эта позиция замещается именами собственными – названиями стран и столиц, а также наименованиями резиденций государственной власти (Кремль, Белый дом); например, **РФ призывает США уточнить детали своего предложения по урегулированию конфликта в рамках ОБСЕ** (Известия. 3.11.2020); **Баку и Ереван приняли предложение Путина о консультациях в Москве** (РБК. 9.10.2020); **Кремль заявил о критической черте в борьбе с коронавирусом в регионах** (Лента.ру. 29.10.2020). Такая «властная метонимия» – типичный случай переноса на основе пространственной связи.

Интересно, что в заголовке власть представлена метонимически, а в тексте – уже персонально; так, информация под заголовком «**США выразили поддержку европейским странам в борьбе с терроризмом**» начинается с предложения «**Советник президента США по национальной безопасности Роберт О’Брайен заявил, что в Соединенных Штатах поддерживают Австрию, Францию и всю Европу в борьбе с терроризмом**» (RT на русском. 3.11.2020). При этом у читателя не возникает противоречий, он легко прочитывает сначала метонимическое, а потом персонализированное обозначение власти.

Но если в тексте нет перехода к персонализации субъекта речи, это может вызывать недоумение. Так, известные приемы деперсонализации – обозначение человека либо словом *собеседник*, которое хотя бы одушевленное, либо словом *источник*, которое характеризуется неодушевленностью. **Источником “Ъ” в правительстве рассказал, что «Ситроникс» (входит в АФК «Система»), осенью запустивший производство серверного оборудования по технологии китайской Huawei, подал заявку на включение продукции в реестр отечественного оборудования Минпромторга.** (Ъ. 27.10.2021). Такие субъекты оставляют впечатление недоговоренности, таинственности, за которыми стоит намеренное сокрытие реального положения дел. Показательна в этом отношении публикация интернет-ресурса «Медуза» под информативным заголовком: «**Источником в Кремле рассказал, «собеседник в АП отметил» – а кто это вообще такие? И чем они занимаются? Андрей Перцев отвечает на стыдные вопросы об администрации президента России** (2.11.2020). В тексте говорится о том, за что отвечают члены Администрации президента, а значит, какой информацией они могут поделиться с медиа под видом «источника» или «собеседника» и, кстати, где они располагаются. Такие публикации способствуют тому, чтобы читатели медиа могли понимать, кто стоит за вуалирующими обозначениями субъекта.

Наряду с «властной» метонимией действует включение в позицию модусного субъекта наименований значимых социальных институций, что позволяет говорить об «институциональной» метонимии: **Центробанк подтверждает, что сбываются негативные прогнозы** (Росбалт. 23.10.2020); **Минздрав рекомендовал регионам создать круглосуточные амбулаторные COVID-центры** (Российская газета. 3.11.2020). Синтаксическое поведение существительных абстрактной семантики в роли субъекта описано в статье [Мустайоки, Стексова 2008], однако стоит подчеркнуть, что наши наблюдения более конкретны – нас интересует только модусный субъект, в целом же синтаксис отвлеченных существительных представляет собой особую проблему, материалы для решения которой пополняет и наша работа.

Интересно, что оба типа рассмотренных предложений оказываются синонимичными неопределенно-личным конструкциям, в которых субъект оформляется как локатив – *В Кремле считают, что...*; *Как сообщают из Белого дома, В Красноярском крае заявляют о...* – имеются в виду властные структуры: **В полиции допускают, что несколько преступников могут оставаться на свободе. В МВД Австрии говорят о максимум четверых нападавших** (Медуза. 3.11.2020); **В Минздраве сообщили о старте бесплатной выдачи лекарств от коронавируса** (Российская газета. 3.11.2020); **В Мурманской области заявили, что поддержка в полной мере компенсировала потери региона** (Известия. 3.11.2020).

Итак, модусный субъект изъяснительного предложения в медиа замещается обозначениями медийных институций, властных структур, локусов власти. Все эти замещения основаны на метонимии – медийной, властной и институциональной, что позволяет действия реальных персон воспринимать как проявления медийных и властных функций соответствующих институций.

Таким образом, изъяснительные предложения выводятся в пространство стилистики, при этом дискурсивно дифференцированной. В медиасфере, как уже показано, у метонимии особая роль: она «играет в медиапространстве первую скрипку именно как концептуализатор. Она обеспечивает именно ту фиксирующую, прецедентную концептуализацию, которая составляет каркас медиапространства, не давая ему расплыться в хаос. Она одна способна преодолеть стилевые барьеры, служа складом коммуникативной памяти. Она по самой своей ритуальной природе прекрасно согласуется с визуализацией» [Хазагеров 2019, с. 781].

Это общее суждение неожиданно подтверждается фактами функционирования изъяснительного предложения в медиа, что

говорит, в частности, о том, что хорошо изученные синтаксические явления, к которым относится изъяснительная конструкция, могут обнаружить новые качества при смене исследовательской оптики, конкретно при выходе исследователя в дискурсивное пространство.

Литература

- Мустайоки, Стексова 2008 – *Мустайоки А., Стексова Т.И.* Наблюдения над нестандартными субъектами: что могут делать наука, политика и экономика? // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 193–209. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11666638> (дата обращения 26.05.2022).
- Стексова, Шмелева 2021 – *Стексова Т.И., Шмелева Т.В.* Русское изъяснительное предложение как смысловой тип // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 272–286. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46494913> (дата обращения 26.05.2022).
- Хазагеров 2019 – *Хазагеров Г.Г.* Метонимия в медиасреде // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. статей Международной науч. конф. (11–13 мая 2019 г.) / Науч. ред. Е.Л. Вартанова; отв. ред. Н.И. Клушина, С.Ф. Барышева. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 777–785.
- Шмелева 2020 – *Шмелева Т.В.* Грамматика в медиа как реализация потенциалов языковой системы // Медиалингвистика славянских стран / Под науч. ред. Л.Р. Дускаевой; отв. ред. Л.Ю. Иванова. М.: Флинта, 2020. С. 15–39.
- Bally 1942 – *Bally Ch.* Syntaxe de la modalité explicite // *Cahier F. de Saussure*. 1942. No. 2. P. 8–26.

References

- Bally, Ch. (1942) “Syntaxe de la modalité explicite”, in *Cahier F. de Saussure*, no. 2, pp. 8–26.
- Khazagerov, G.G. (2019), “Metonymy in the media environment”, in Vartanova, E.L., Klushina, N.I. and Barysheva, S.F. (eds.), *Nastoyascheye i budushee stilistiki: sbornik nauchnyh statey Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (11–13 maya 2019 g.)* [Present and future of stylistics. Coll. scientific articles of the International scientific. conf. (May 11–13, 2019)], Flinta, Moscow, Russia, pp. 777–785.
- Mustajoki, A. and Steksova, T.I. (2008), “Observations on non-standard subjects. What can science, politics and economics do?”, *Siberian Philological Journal*, vol. 2, pp. 193–209, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11666638> (Accessed 26 May 2022).

- Shmeleva, T.V. (2020), "Grammar in the media as a realization of the potentialities of the language system", in Duskaeva, L.R. and Ivanova, L.Yu. (eds.), *Medialinguistika slavyanskikh stran* [Medialinguistics of the Slavic countries], Flinta, Moscow, Russia, pp. 15–39.
- Steksova, T.I. and Shmeleva, T.V. (2021), "Russian explanatory sentence as a semantic type", *Siberian Journal of Philology*, no. 3, pp. 272–286, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46494913> (Accessed 26 May 2022).

Информация об авторе

Татьяна В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия; 173014, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; szmiel@mail.ru

Information about the author

Tatyana V. Shmeleva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikii Novgorod, Russia; bld. 41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya St., Velikii Novgorod, Russia, 173014; szmiel@mail.ru

Лицо человека как сфера-источник метафор
со значением интенсивности:
«вполуха» и «вполглаза»

Виктория А. Марьянчик

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, v.marjanchik@narfu.ru*

Аннотация. Предметом анализа являются наречия *вполуха* и *вполглаза*. Цель исследования – анализ метафорической модели «телесная перцепция – социальная коммуникация» на материале этих наречий. Теоретической базой служат работы о метафорическом потенциале соматизмов, о сфере-источнике «тело человека» для структурирования новой области. Рассматриваемые вопросы: метафорический переход количественно-качественных наречий, мотивированных соматизмами, из сферы перцепции в сферу социальной коммуникации; взаимодействие сем интенсивности/градуальности и коммуникативной категории «вежливость» в лексико-семантической структуре наречий. Морфемный компонент *впол-* рассматривается как градуатор. Предполагается существование социального стереотипа коммуникации – (а) нулевой отметки «не смотреть, не слушать» как свидетельство отсутствия коммуникации и (б) ординарного показателя «смотреть, слушать» как узуальной коммуникативной нормы. Демонстрируется на речевом материале, что наречия сближаются по семе интенсивности, образуя градуальный бином, что ведет к нарушению семантической сочетаемости. Рассмотрена речевая активность наречий с опорой на данные Национального корпуса русского языка. Выявляются основные «семантические оттенки». Сделан вывод, что слово *вполуха* чаще актуализирует в контексте оценку по параметру «вежливость». Выявляются лексические и синтаксические средства, которые маркируют в тексте пейоративную семантику наречия. Доказывается, что функционирование в речи наречий *вполглаза* и *вполуха* демонстрирует взаимодействие семантики интенсивности и аксиологичности (оценка по этическому основанию с вектором пейоративности).

Ключевые слова: вполуха, вполглаза, соматизм, когнитивная метафора, градуальность (интенсивность), вежливость

Для цитирования: Марьянчик В.А. Лицо человека как сфера-источник метафор со значением интенсивности: «вполуха» и «вполглаза» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 54–64. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-54-64

A person's face as a sphere of metaphors
with the meaning of intensity.
“With half an ear” and “with one eye open”

Victoria A. Maryanchik

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia, v.marjyanchik@narfu.ru*

Abstract. The subject of the analysis is the adverbs «вполуха» and «вполглаза». The purpose of the study is to analyze the metaphorical model “bodily perception – social communication” based on the material of these adverbs. The theoretical basis is the work on the metaphorical potential of somatisms, on the source sphere of the “human body” for structuring a new area. Issues under consideration: metaphorical transition of quantitative and qualitative adverbs motivated by somatism from the sphere of perception to the sphere of social communication; interaction with the intensity/gradality and the communicative category “politeness” in the lexical and semantic structure of adverbs. The morphemic component “впол- (half)” is considered as a gradator. It is assumed that there is a social stereotype of communication – (a) the zero mark “do not look, do not listen” as evidence of the lack of communication and (b) the ordinary indicator “to look, to listen” as a common communicative norm. It is demonstrated on the speech material that adverbs converge in terms of intensity, forming a graduated binomial, which leads to a violation of semantic compatibility. The speech activity of adverbs with reference to the data of the National Corpus of the Russian language is considered. The main “semantic shades” (additional meanings) are revealed. It is concluded that the word *вполуха* is more often updated in the context of the evaluation of the parameter “politeness”. Lexical and syntactic means that mark the pejorative semantics of adverbs in the text are revealed. It is proved that the functioning in speech of adverbs *вполуха* and *вполглаза* demonstrates the interaction of the semantics of intensity and axiology (assessment on an ethical basis with the vector of pejorativeness).

Keywords: вполуха (half listening), вполглаза (half an eye), somatism, cognitive metaphor, gradality (intensity), politeness

For citation: Maryanchik, V.A. (2022), “A person's face as a sphere of metaphors with the meaning of intensity. ‘With half an ear’ and ‘with one eye open’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 54–64, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-54-64

1. Введение

Предметом анализа в данной статье являются наречия *вполуха* и *вполглаза* в аспекте метафорического потенциала. Единицы с морфемным компонентом *впол-* представляют интерес для линг-

вистического исследования по следующим причинам: 1) диахроническая динамика: часть слов устаревает (см. отмеченные в словаре В. Даля *вполколена, вползелени*), но в речи появляются новые, еще не зафиксированные в словарях и Национальном корпусе русского языка, см.: *режим был сметен вполтинка* (синоним жаргонного с *полтинка*); *Зато второму батальону повезло, им полковник приказал отдыхать, но вполноса* (*вполлба, вполглаза, вполброви, вполвека... простить, увлечься*), *блин, то есть вполуха...* (окказиональный синонимический ряд из художественной прозы); *Кричат вполголоса впол-ярости* (окказионализм из текста песни); 2) синхронические изменения в семантике и синтактике наречий; 3) отсутствие научного описания данных единиц в аспекте коммуникативной категории «вежливость». Цель настоящей работы – анализ метафорической модели «телесная перцепция – социальная коммуникация» на материале двух наречий.

Когнитивный взгляд предполагает выделение сферы-источника и сферы-мишени при моделировании структурной метафоры (по классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона) [Опарина 1990; Калашникова 2006; Самигуллина 2008]. При этом лингвистические модели отображают ментальные операции, которые объединяют различные понятийные области. Потенциал сферы-источника «тело человека» для структурирования новой области частично описан в научной литературе [Савченко 2010; Завалишина 2005]. В ракурсе нашего исследования наиболее актуальны работы, посвященные анализу метафорического потенциала соматизмов, относящихся к голове человека. В настоящее время в диссертационном формате на материале русского языка описана концептуальная онтологическая метафора «голова – вместилище» [Милашевская 2017]; исследованы метафорические и метонимические переносы применительно к номинации «лицо» (репутация, передняя часть, лицо вместо человека и др.) [Киреева 2010]; описан концепт «лицо» в сопоставлении китайской и русской лингвокультур [Бачурин 2016]. Также проводятся исследования в этой области на материале других языков, например работа о вербализации концептосферы “human face” [Нестерова 2007]. Соматизмы «глаз» и «ухо» и их словообразовательные и фразеологические дериваты попадают в поле лингвистического анализа при изучении концептосферы «тело человека» и при анализе семантики глаголов перцептивного восприятия [Крючкова 2004; Хакимова 2005; Слободян 2007; Фатхудинова 2010; Савченко 2018; Шокиров 2017; Гарифуллина, Гараева, Хисматуллина 2018; Селиверстова 2018].

Актуальность исследования «метафоры лица» заключается в перспективе описания лица человека как сферы-источника для

различных сфер-мишеней при метонимических и метафорических переносах, например: социум (*улыбка России*), мир артефактов (*глаза домов*), техника (*асимметричное «ухо» для размещения 3D-камеры*), природа (*вода морщится*), поведение человека (*надует щеки*). Основные вопросы в рамках данной статьи: а) метафорический переход количественно-качественных наречий, мотивированных соматизмами, из сферы перцепции в сферу социальной коммуникации; б) взаимодействие сем интенсивности/градуальности и коммуникативной категории «вежливость» в лексико-семантической структуре наречий *вполуха* и *вполглаза*.

2. Методы

В ходе исследования использовался комплекс методов: семантический анализ лексики с привлечением данных толковых словарей, сплошная выборка с использованием инструментов корпусной лингвистики (ресурсы Национального корпуса русского языка), семантико-стилистический анализ функционирования лексем, лингвистическое градуирование (расположение исследуемых языковых единиц на шкале интенсивности относительно границ нейтрального и ординарного), интроспекция.

3. Результаты и обсуждения

Стилистическая природа наречий *вполуха* и *вполглаза* вызывает споры. Ср.: С.Б. Козинец относит наречия к внутренним словообразовательным метафорам, а И.Г. Добродомов считает, что в них нет ничего метафорического, речь может идти о синекдохе [Добродомов 2011, с. 214–215]. Мы склоняемся к первой точке зрения, так как в глагольно-наречных сочетаниях *спать (как?)*, *слушать (как?)* и т. п. не происходит замены по модели «часть – целое», которую можно развернуть в значение «не часть, а целое». Так, *слушать вполуха* не означает *слушать двумя/всеми ушами*, актуализирует не предметно-количественное, а новое – качественное – значение «невнимательно», зафиксированное словарями.

Выражения *вполуха* и *одним ухом*, *вполглаза* и *одним глазом* в диахронии являются синонимами (см. теорию о названиях частей парных предметов в мерянском языке Верхнего Поволжья в [Добродомов 2011, с. 215–218]). Однако в синхроническом аспекте эти пары интерпретируются носителями языка как номинации с различной градуальной семантикой: приставочные производные

наречия мотивируются существительными со сложносокращенной частью *половина – полглаза, пол-уха*.

Если рассматривать семантику, то по значению «рецептивная деятельность» наречия *вполуха* и *вполглаза* располагаются в зоне субординатного, деинтенсифицированного на вертикальной шкале интенсивности. Функцию градуатора выполняет морфемный компонент *впол-*.

Соглашаясь с С.М. Колесниковой в том, что «разметки» на шкале носят субъективный условный характер [Колесникова 2018], предположим существование социального стереотипа коммуникации – (0) нулевой отметки «не смотреть, не слушать другого» как свидетельства отсутствия коммуникации и (n) ординарного показателя «смотреть, слушать другого» как узальной коммуникативной нормы. Таким образом, категория интенсивности взаимодействует с категорией вежливости [Ларина 2003; Буторина 2018; Брагина, Иссерс, Мендоза, Ратмайр 2021].

В языковом сознании наречия *вполуха* и *вполглаза* сближаются по семе интенсивности, образуя градуальный бином, например: *Он спал вполуха, вполглаза, не давая себе провалиться в бесчувствие; Через них и Марусю я вполглаза и вполуха заглянула в особый мир, который знает геология*. Данные примеры демонстрируют совместное употребление наречий, позволяющее нарушать семантическую сочетаемость (**спать вполуха, *заглянуть вполуха*), что, на наш взгляд, подтверждает тезис о тесной связи полей зрительного и слухового восприятия как языковой универсалии [Слободян 2007, с. 13].

Рассмотрим семантику анализируемых наречий.

Зафиксированные в современных словарях значения наречия *вполуха* («невнимательно», «недостаточно хорошо» и т. п.) подтверждаются основной частью речевого материала, извлеченного из корпуса. Всплеск употребления наречия приходится на рубеж XX–XXI вв. Наречие демонстрирует расширение сочетаемости с глаголами (синонимы прототипических глаголов восприятия речи: *вполуха следя за событиями, ловя вполуха информацию*; а также глаголы, нарушающие семантическую сочетаемость *заглянуть, отдыхать* и др.) и – окказионально – с существительными (*лекции вполуха*). В случае метафоризации/метонимизации субъекта действия перцептивное значение прототипического глагола «слушать» погашается, наречие выходит на первый план, становится семантическим лидером, см.: *Я давно понял, что повседневная жизнь воспринимает все это вполуха*.

Значения наречия *вполглаза* («полузакрыв (полуоткрыв) глаза», «менее внимательно, чем можно было бы», «мельком, бегло»

и т. п.) также подтверждаются большинством примеров из корпуса. Активное сочетание с именем существительным обусловлено наличием в языке синтаксического деривата *сон*; в ряде случаев наречие имеет двойное примыкание – к глаголу и имени: *Только несколько человек сидят на трамвайной остановке под навесом, нахихлившись и... досматривают сны вполглаза*. Сочетания с другими существительными окказиональны, например, *манера письма вполглаза* В. Аксенова: *Свободна от влияний и подражаний одна лишь бытописательная, вялая, вполглаза, из-под опущенного века манера письма, практически стоящая вне литературы*. Вместе с тем часть речевого материала свидетельствует о появлении иных семантических оттенков, см.: *Принесла она полхлеба, фартуком закрывается, а сама вполглаза на меня дивуется* («незаметно»), *Он купался в сознании: вот она, горячка, чемпионка, белая женщина, на него – всегда вполглаза, свысока, могла пройти мимо и не заметить, как дерево какое-нибудь...* («пренебрежительно»).

Слово *вполуха* чаще актуализирует в контексте оценку по параметру «вежливость». Следовательно, мы наблюдаем переход от сферы-источника (ухо как часть тела, орган слуха) к сфере-мишени (ухо как маркер социальной коммуникации). Ученые выделяют в функционально-когнитивной сфере *слышать/слушать* базовый блок – общение [Хакимова 2005, с. 13]. Мы моделируем шкалу интенсивности в сфере социальной коммуникации: от нулевой отметки *пропустить мимо ушей* (отсутствие коммуникации) до суперординарной *наострить уши, развесить уши*. Субординарная зона шкалы (*вполуха, краем уха, одним ухом*) интерпретируется отрицательно.

Коммуникативный сценарий *слушать вполуха* реализуется в контекстах в структуре «кто (слушающий) – кого (говорящий) – почему», включающей интерпретацию коммуникативного поведения. В качестве причин эксплицируются следующие: со стороны говорящего – манера речи, со стороны слушающего – физическое состояние, этикетная доминанта (при неизбежности коммуникативной ситуации, необходимости быть слушателем), недоверие к говорящему или содержанию речи, незначительность содержания речи, в том числе на фоне другой информации/эмоции. См.: а) *Сторожев быстро уловил суть и, зная привычку друга излагать долго, нудно, с обилием ненужных деталей, слушал вполуха*; б) *Анна Петровна слушала жужжание Аганьки вполуха. Перестань болтать! Надоела!*; в) *Шок от увиденного все еще не отпускал, и поэтому Нестора она слушала вполуха*; г) *Он слушал вполуха, видимо, торопился*. В примерах а, б в качестве причины обозначена манера говорящего, а в примерах в, г – важность, преобладание в коммуникативной ситуации иной информации и эмоции.

Как было отмечено, в поле вежливости анализируемое наречие находится в субординатной зоне. Пейоративная семантика маркируется в тексте лексическими и синтаксическими средствами.

1. Контекст с однородными маркерами невежливости: *Леня слушал вполуха, с явными признаками нетерпения...; Местные кадры ... откровенно зевали и слушали вполуха.*

2. Контекст с маркерами вежливости, цель которых – замаскировать, скрыть поведение персонажа: *Я слушаю вполуха, изредка подыгрывая междометьями и жестами рук.*

3. Метамаркеры: *Только, сказать честно, слушал я вполуха.*

4. Противопоставление качественных признаков: *... бабы слушали вроде б вполуха, а на деле внимательно, сопереживая.*

5. Оценочная синонимия: *А тогда слушал его пренебрежительно, вполуха, и был уверен, что – он говорит – это же бред!*

6. Оценочные сравнения: *...Тепляков косился на нас из-за решетки вполглаза, как, вероятно, косился бы из клетки лев цезаря Нерона на мимо шмыгнувшую мышшь...*

7. Интонационные конструкции: *Но он и тогда слушал вполуха!*

4. Выводы

Метонимические и метафорические концепты «телесная перцепция – социальная коммуникация» являются частью языковой картины мира и вербализируются в речи с опорой на имплицитный или эксплицитно обозначенный промежуточный компонент «перцепция» (прототипические глаголы *слушать, слышать, смотреть, видеть*). Дериваты и фразеологические реализации соматизмов *ухо* и *глаз* играют роль маркеров интенсивности как перцептивного, так и социально-коммуникативного процесса.

Функционирование в речи наречий *вполглаза* и *вполуха* демонстрирует взаимодействие семантики интенсивности (полнота, сила признака) и аксиологичности (оценка по этическому основанию с вектором пейоративности).

Литература

- Бачурин 2016 – *Бачурин В.В.* Концепт «лицо» и специфика коммуникации // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 10. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72918> (дата обращения 21.10.2021).
- Брагина, Иссерс, Мендоза, Ратмайр 2021 – *Брагина Н.Г., Иссерс О.С., Мендоза И., Ратмайр Р.* Категория языковой вежливости и ее комплексное описание

- (к постановке проблемы) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 2. С. 217–232.
- Буторина 2018 – *Буторина Е.П.* Вежливость и антивежливость в деловом дискурсе // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. М., 2018. С. 45–52.
- Гарифуллина, Гараева, Хисматуллина 2018 – *Гарифуллина Д.Б., Гараева М.Р., Хисматуллина Л.Г.* Коннотативные значения лексико-семантической группы «глаз» в английском и татарском языках // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2018. № 7–1 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konnotativnye-znacheniya-leksiko-semanticheskoy-gruppy-glaz-v-angliyskom-i-tatarskom-yazykah> (дата обращения 20.10.2021).
- Добродомов 2011 – *Добродомов И.Г.* Из мерянского вклада в русское словопроизводство (вполглаза, вполуха, вполплеча) // Эмбатирион = Εμβατήριον: Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории [К 70-летию В.П. Яйленко]. М.: Изд-во МЦНМО, 2011. С. 214–218.
- Завалишина 2005 – *Завалишина К.Г.* Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора: Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2005. 243 с.
- Калашникова 2006 – *Калашникова Л.В.* Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности: Дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2006. 409 с.
- Киреева 2010 – *Киреева Д.М.* Реализация концепта «Лицо» через метафору и метонимию // Филология и человек. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontseptov-litso-cherez-metaforu-i-metonimiyu> (дата обращения 24.11.2020).
- Колесникова 2018 – *Колесникова С.М.* Градуальность в системе русского языка. М.: Флинта, 2018. 231 с.
- Крючкова 2004 – *Крючкова Т.В.* Функциональная категоризация глаголов и устойчивых глагольных словосочетаний со значением слуховой перцепции в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 157 с.
- Ларина 2003 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. 315 с.
- Милашевская 2017 – *Милашевская И.В.* Концептуальная метафора голова – вместилище: объективация в русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2017. 201 с.
- Нестерова 2007 – *Нестерова М.В.* Вербализация концептосферы HUMAN FACE в американской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 232 с.
- Опарина 1990 – *Опарина Е.О.* Концептуальная метафора и ее функции в языке (на примере субстантивных метафор): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 169 с.
- Савченко 2010 – *Савченко В.А.* Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира: кросскультурный анализ сома-тизмов: Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2010. 249 с.

- Савченко 2018 – *Савченко В.А.* Концепт «ухо» в русской и немецкой паремиологической картине мира // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении. Симферополь: Тип. «Ариал», 2018. С. 46–48.
- Самигуллина 2008 – *Самигуллина А.С.* Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2008. 41 с.
- Селиверстова 2018 – *Селиверстова Е.И.* Глаза как зеркало души: лексико-фразеологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glaza-kak-zerkalo-dushi-leksiko-frazeologicheskiiy-aspekt> (дата обращения 26.10.2021).
- Слободян 2007 – *Слободян Е.А.* Системный, функциональный и исторический аспекты семантического поля слухового восприятия: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 242 с.
- Фатхутдинова 2010 – *Фатхутдинова В.Г.* Деривационная динамика глаголов слухового восприятия // Вестник ННГУ. 2010. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/derivatsionnaya-dinamika-glagolov-sluhovogo-vospriyatiya> (дата обращения 28.11.2020).
- Хакимова 2005 – *Хакимова Г.Ф.* Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 161 с.
- Шокиров 2017 – *Шокиров Ш.И.* Лингво-прагматическая и когнитивная интерпретация концепта «глаз» в языках различных систем // Филологические науки в России и за рубежом: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.). СПб.: Свое изд-во, 2017. С. 55–59.

References

- Bachurin, V.V. (2016), “The concept of ‘face’ and the specifics of communication”, *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, no. 10, available at: <https://web.snauka.ru/issues/2016/10/72918> (Accessed 21 Oct. 2021).
- Bragina, N.G., Issers, O.S., Mendoza, I. and Ratmair, R. (2021), “The category of language politeness and its complex description (to the formulation of the problem)”, *Kommunikativnye issledovaniya*, vol. 8, no. 2, pp. 217–232.
- Butorina, E.P. (2018), “Courtesy and antivezhlivost in the business discourse”, in *Vezhlivost’ i antivezhlivost’ v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and anti-politeness in language and communication], Moscow, Russia, pp. 45–52.
- Garifullina, D.B., Garaeva, M.R. and Khismatullina, L.G. (2018), “Khismatullina Connotative values of the lexical-semantic group ‘eyes’ in the English and Tatar languages”, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 85, no. 7–1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konnotativnye-znacheniya-leksiko-semanticheskoy-gruppy-glaz-v-angliyskom-i-tatarskom-yazykah> (Accessed 20 Oct. 2021).
- Dobrodomov, I.G. (2011), “From the Meryan contribution to Russian word production (half-eye, half-ear, half-shoulder)”, in *Embaterion = Εμβατηριον. Sbornik statei*

- po iskusstvoznaniyu, filologii, istorii* [K 70-letiyu V.P. Yailenko] [Embaterion = Εμβατηριον. Collection of articles on art history, philology and history. To the 70th anniversary of V.P. Yaylenko], Moscow, Russia, pp. 214–218.
- Zavalishina, K.G. (2005), “*The concept sphere ‘he bodily man’ in the language of Russian, German and English song folklore*”, Ph.D. Thesis, Philology, Kursk, Russia.
- Kalashnikova, L.V. (2006), “*Metaphor as a mechanism of cognitive-discursive modeling of reality*”, D. Sc. Thesis, Philology, Orel, Russia.
- Kireeva, D.M. (2010), “Realization of the concept ‘Face’ through metaphor and metonymy”, *Filologiya i chelovek*, no. 2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontseptsa-litso-cherez-metaforu-i-metonimiyu> (Accessed 24 Nov. 2020).
- Kolesnikova, S.M. (2018), *Gradual'nost' v sisteme russkogo yazyka* [Gradality in the system of the Russian language], Flinta, Moscow, Russia.
- Kryuchkova, T.V. (2004), “*Functional categorization of verbs and stable verb phrases with the meaning of auditory perception in modern English*”, Ph.D. Thesis, Philology, Belgorod, Russia.
- Larina, T.V. (2003), *Kategoriya vezhlivosti v angliiskoi i russkoi kommunikativnykh kul'turakh* [The category of politeness in English and Russian communicative cultures], Izdatel'stvo Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Moscow, Russia.
- Milashhevskaya, I.V. (2017), “*Conceptual metaphor of the head – receptacle. Objectification in Russian*”, D. Sc. Thesis, Philology, Nizhnii Novgorod, Russia.
- Nesterova, M.V. (2007), “*Verbalization of the HUMAN FACE conceptsphere in the American language picture of the world*”, Abstract of Ph.D. dissertation, Philology, Vladivostok, 232 p.
- Oparina, E.O. (1990), “*Conceptual metaphor and its functions in language (on the example of substantive metaphors)*”, Abstract of Ph.D. dissertation, Philology, Moscow, Russia.
- Savchenko, V.A. (2010), “*The concept sphere of ‘the corporeal man’ in the Russian and German paremiological picture of the world: cross-cultural analysis of somatism*”, Abstract of Ph.D. dissertation, Philology, Kursk, 249 p.
- Savchenko, V.A. (2018), “The concept of ‘ear’ in the Russian and German paremiological picture of the world”, in *Mezhkul'turnye kommunikatsii: russkii yazyk v sovremen-nom izmerenii* [Intercultural communication: the Russian language in the modern dimension], Tipografiya “Arial”, Simferopol', Russia, pp. 46–48.
- Samigullina, A.S. (2008), “*Metaphor in cognitive-semiotic illumination*”, Abstract of D. Sc. dissertation, Philology, Ufa, Russia.
- Seliverstova, E.I. (2018), “Eyes as a mirror of the soul: lexical and phraseological aspect”, *Vestnik RUDN, Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, no. 2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/glaza-kak-zerkalo-dushi-leksiko-frazeologicheskii-aspekt> (Accessed 26 Oct. 2021).
- Slobodyan, E.A. (2007), “*System, functional and historical aspects of the semantic field of auditory perception*”, Ph.D. Thesis, Philology, Ufa, Russia.

- Fatkhutdinova, V.G. (2010), "Derivational dynamics of auditory perception verbs", *Vestnik NNGU*, no. 4–2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/derivatsionnaya-dinamika-glagolov-sluhovogo-vospriyatiya> (Accessed 28 Nov. 2020).
- Khakimova, G.F. (2005), "*Representation of the sphere of auditory perception in the Russian-English functional-cognitive dictionary*", Ph.D. Thesis, Philology, Ufa, Russia.
- Shokirov, Sh.I. (2017), "Linguo-pragmatic and cognitive interpretation of the concept of 'eye' in languages of various systems", in *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: materialy V Mezhdunar. nauch. konf., g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2017 g.* [Proceedings of the 5th International Scientific Conference, St. Petersburg, December 2017], St. Petersburg, Russia, pp. 55–59.

Информация об авторе

Виктория А. Марьянчик, доктор филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск, Россия; 163000, Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; v.marjyanchik@narfu.ru

Information about the author

Victoria A. Maryanchik, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia; bld. 17, Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russia, 163000; v.marjyanchik@narfu.ru

Перед лицом: смещение фокуса
в условиях активных языковых контактов

Ольга В. Евтушенко

*Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, o.evtushenko@linguanet.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния международных языков друг на друга на уровне структур знания. В работе рассмотрены ошибки, допускаемые переводчиками международных организаций при оформлении левого и правого контекста предложения *перед лицом*, и сделан вывод о том, что причиной таких ошибок является неверный выбор концептуальной базы предложения в условиях конкуренции двух метафорических когнитивных моделей – ПРОТИВОСТОЯНИЕ и ОБРАЩЕНИЕ (с вариантом СУД). База накладывает референциальные, морфологические и семантические ограничения на заполнение левого и правого контекста предложения *перед лицом*. Изучение материалов Национального корпуса русского языка, включая исторический корпус, показало, что когнитивная модель ОБРАЩЕНИЕ чаще активировалась писавшими на церковнославянском, а затем и на русском языке, чем модель ПРОТИВОСТОЯНИЕ. Сложившаяся дискурсивная практика обеспечила доминирование когнитивной модели ОБРАЩЕНИЕ в структуре знаний современных носителей русского языка. Анализ употребления *in the face of* и *face à*, а также других фразеологических единиц с *face* в английском и *face* во французском языках показал, что для их носителей более значимой является когнитивная модель ПРОТИВОСТОЯНИЕ. В настоящее время под влиянием языков глобальной коммуникации в русском языке наблюдается расширение сочетаемости предложения *перед лицом* и рост значимости когнитивной модели ПРОТИВОСТОЯНИЕ.

Ключевые слова: международный язык, метафорическая когнитивная модель, фокус, дефокусирование, перевод, производный предлог

Для цитирования: Евтушенко О.В. *Перед лицом*: смещение фокуса в условиях активных языковых контактов // Вестник РГГУ, Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 65–77. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-65-77

In the face of.
Focus shift in conditions of active language contacts

Olga V. Evtushenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

o.evtushenko@linguanet.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the influence of international languages on each other at the level of cognitive structures. The paper considers the mistakes made by the interpreters of international organizations in the design of the left and right context of the preposition *in the face of*, and it is concluded that the reason for such errors is the wrong choice of the conceptual base of the preposition in the conditions of competition between two metaphorical cognitive models – CONFRONTATION and APPEAL (with a model COURT). The base imposes referential, morphological and semantic restrictions on the filling of the left and right context of the preposition *in the face of*. The study of the materials of the National Corpus of the Russian Language, including the historical corpus, showed that the cognitive model APPEAL was more often activated by those who wrote in Church Slavonic, and then in Russian, then the model CONFRONTATION. The established discursive practice ensured the dominance of the cognitive model APPEAL in cognitive structures of modern Russian speakers. An analysis of the use of *in the face of* and *face à*, as well as other phraseological units with *face* in English and *face* in French, showed that the cognitive model CONFRONTATION is more significant for their speakers. Currently, under the influence of the languages of global communication in the Russian language, there is an increase in the compatibility of the preposition *in the face of* and an increase in the importance of the cognitive model CONFRONTATION.

Keywords: international language, metaphorical cognitive model, focus, defocusing, translation, preposition

For citation: Evtushenko, O.V. (2022), “*In the face of. Focus shift in conditions of active language contacts*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 65–77, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-65-77

Введение

Языки, используемые для коммуникации в международных организациях, представляют собой особую функциональную разновидность одноименных национальных языков. Один из отличительных признаков мирового языка В.Г. Костомаров описал так: он не усваивается в семье, поскольку «речь идет о разных ярусах

общения»¹. Эту мысль поясняет сотрудник ООН Н.Н. Фефелова: «Работники международной организации <...> выступают в роли носителя профессиональной и культурной информации международного уровня и глобального полилога, а затем уже представителя определенного регионального, социального и культурного сообщества. Именно этот принцип определяет модели речевого и ценностного подхода к предлагаемым условиям межкультурной коммуникации...» [Фефелова 2016, с. 410]. При этом данную функциональную разнородность языка нельзя назвать языком для специальных целей – он охватывает все основные сферы социальной деятельности, обеспечивает доступ к любой общезначимой для человечества информации – научно-технической, социально-политической, правовой, экономической, культурной.

В условиях глобального полилога с обязательным, в определенной мере символическим, культивированием полилингвизма и таким же обязательным сближением общезначимых ценностей неизбежны не только поверхностное взаимодействие мировых² языков на уровне лексических и фразеологических заимствований или копирования грамматических структур, но и глубинные преобразования, затрагивающие когнитивные структуры. Это делает языки общения в международных организациях пока недостаточно оцененным объектом для изучения скорости, охвата и глубины изменений, вызываемых нивелированием межкультурных различий. Дискуссионным остается вопрос, способно ли планомерное воздействие на язык [Хауген 1975] изменить его концептуальные основы и привести к смене ценностных ориентиров его носителей. Цель нашей работы – сделать шаг на пути к прояснению этих вопросов.

Для наблюдений мы выбрали сложный [Всеволодова 2015], или фразеологический [Шиганова 2001], отыменный предлог *перед лицом*. Передавая отношения между актантами в определенной ситуации, предлоги часто несут концептуально значимую информацию, позволяют увидеть различия в членении фрагмента действительности носителями разных языков. Подобные ожидания

---

¹ Костомаров В.Г. Русский язык среди других языков мира: Книга для учащихся ст. классов. М.: Просвещение, 1975. 176 с.

² Несмотря на последовательное разграничение терминов *мировой язык* и *международный язык* В.Г. Костомаровым (см.: Костомаров В.Г. Указ. соч.), в настоящее время первый термин вытесняется вторым, в частности авторы БРЭ предпочли обозначать мировые языки как *международные языки глобального использования* (Кузнецов С.Н. Международные языки // Большая российская энциклопедия. Т. 19. М.: Большая российская энциклопедия, 2011. С. 551–552).

тем более оправданны, что речь идет о фразеологической единице. Попутно мы решали чисто описательные задачи. Как отмечает М.В. Всеволодова, «в нашей литературе не представлена бóльшая часть предложных единиц, реально функционирующих в разных функциональных стилях и в общелитературном языке» [Всеволодова 2015, с. 29]. Действительно, предлог *перед лицом* не отмечен в Грамматике-80 [Русская грамматика 1980]. Отчасти это объясняется стилистическими ограничениями на его употребление³, отчасти спорным категориальным статусом. В разных словарях, созданных за относительно небольшой период на рубеже XX–XXI вв., *перед лицом* трактуется всеми возможными способами. Так, в БТС эта комбинация обнаруживается лишь в иллюстративном материале к оттенку второго значения слова *лицо*: «Отчетливо проявляющиеся черты каких-л. грядущих, наступающих явлений жизни. *Перед лицом грядущей эпидемии*»⁴. В четвертом издании МАС⁵ и в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ТСОШ) *перед лицом* вынесен в зону фразеологизмов со словом *лицо*, при этом лишь в ТСОШ имеет помету «в значении предлога»⁶. Наконец, в словаре Т.Ф. Ефремовой⁷ предлог вынесен в отдельную словарную статью.

Две когнитивные модели и два значения предлога «перед лицом»

Предлог *перед лицом* используется в устных выступлениях с трибуны ООН для создания стратегии драматизации. В англоязычных выступлениях *in the face of*⁸ используется в сочетании

³ Вероятно, поэтому его нет в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля.

⁴ Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/лицо> (дата обращения 03.01.2022).

⁵ Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд. Т. 2. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 191–192.

⁶ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. С. 330.

⁷ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000. URL: https://gufo.me/dict/efremova/перед_лицом (дата обращения 03.01.2022).

⁸ General Assembly of the United Nations. General Debate. URL: <https://www.un.org/en/ga/sessions/> и <https://gadebate.un.org/generaldebate76/en/> (дата обращения 03.01.2022).

с отвлеченным именем существительным или именной группой (правым контекстом), обозначающей проблемную ситуацию⁹: *перед лицом эпидемии, новых проблем, массовых убийств, реальностей силы*. Признаки такого рода ситуации: способность разрастаться (ср. *перед лицом **растущей** бедности*) и угрожающий характер (*перед лицом этих **опасных** тенденций*). Группа сказуемого (левый контекст) несет в себе такие обобщенные смыслы, как «план противодействий» (*должны улучшить правосудие*), «подтверждение верности ранее принятому плану» (*подтвердить важность многостороннего подхода*), «оценка способности субъекта к сопротивлению» (*[мы] сильны; стойкость*). Концептуальной базой для in the face of является метафорическая когнитивная модель¹⁰ ПРОТИВОСТОЯНИЕ. Неслучайно глагол to face, по данным Кембриджского словаря, в сочетании с обозначением проблемы приобретает значения «сталкиваться (с чем-л.)», «грозить, предстоять (кому-л.)» и «встречаться (в спорте)»¹¹. Та же модель весьма активна во французском языке. Э. Макрон в выступлении на 75 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2020 г. 6 раз употребил face à в контексте противостояния вызовам пандемии¹². Примечательно, что выражение fair face à l'ennemi Французско-русский словарь В.Г. Гака и Ж. Триумфа толкует как «противостоять»¹³, т. е. прямо предлагает имя когнитивной модели.

Просматривая аутентичные выступления на русском языке, прозвучавшие в стенах ООН, мы не обнаружили в них предлога *перед лицом*. На то, что выбор средств русского языка для воплощения когнитивной модели ПРОТИВОСТОЯНИЕ не доведен до автоматизма, указывают и распространенные дефекты перевода.

⁹ Для сокращения объема статьи мы сразу даем перевод на русский язык, выполненный переводческими службами ООН: URL: <https://gadebate.un.org/generaldebate76/ru/> и <https://www.un.org/ru/ga/sessions/> (дата обращения 03.01.2022).

¹⁰ Термин Дж. Лакоффа, который мы для краткости будем усекать до «когнитивная модель» или просто «модель».

¹¹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/face> (дата обращения 11.02.2019).

¹² Материал доступен в записи: URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=выступление%20макрона%20на%2075%20сессии%20ООН&path=wizard&parent-reqid=1641212614363395-15749382738729658832-sas2-0924-sas-l7-balancer-8080-BAL-4614&wiz_type=vital&filmId=5892660901127211264 (дата обращения 04.01.2022).

¹³ Французско-русский словарь / Под ред. В.Г. Гака, Ж. Триумфа. М.: Русский язык, 1991. С. 430.

Во-первых, синхронисты часто выбирают семантически неоправданные единицы для заполнения правой валентности интересующего нас предлога. Так, в высказывании *Перед лицом этой диалектики – открытости и замкнутости – не нужно стремиться к конфронтации* правый контекст задается словом *диалектика*, хотя это понятие нельзя отнести ни к категории «проблема», ни к категории «угрожающая ситуация». Во-вторых, семантически неприемлемым компонентом нередко замещается левая валентность предлога *перед лицом*, например: *Мы должны адекватно реагировать на граждан, которые **теряют терпение** перед лицом коррумпированных институтов*. Здесь нарушена временная перспектива: субъект не готовится к активным действиям в ближайшем будущем, а претерпевает поражение в результате уже состоявшегося противостояния. Такие ошибки перевода указывают на еще один смыслообразующий компонент, который должен включаться в толкование предлога *перед лицом* – временную перспективу от актуального настоящего к ближайшему будущему (не случайно одно из значений глагола *to face* – «грозить»). Дефекты перевода, связанные с нарушением временной перспективы, с представлением ситуации ретроспективно, весьма многочисленны, например: *Иран смело **сопротивлялся** перед лицом агрессии*.

Повторяемость и семантическое разнообразие ошибок с участием предлога *перед лицом* при переводе позволяет сделать вывод, что в русском языке связь этой единицы с когнитивной моделью ПРОТИВОСТОЯНИЕ не так сильна, как в английском или французском языках.

Об этом же говорит и иерархия значений предлога *перед лицом* в словарях. Т.Ф. Ефремова дает дефиницию «при наличии чего-либо (обычно негативного)» лишь как вторичное значение, тогда как первичным является «в присутствии кого-либо»¹⁴. Это значение реализовано в клятве юного пионера Советского Союза: *Я (фамилия, имя) перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...* Соответствующую когнитивную модель мы назвали ОБРАЩЕНИЕ¹⁵,

¹⁴ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000. URL: https://gufo.me/dict/efremova/перед_лицом (дата обращения 03.01.2022).

¹⁵ Подтверждение правильности выбора наименования мы нашли в дефиниции предлога *перед лицом* в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «1. обозначает то (того), по отношению к чему (к кому) совершается какое-н. действие, к чему (кому) **обращается** какое-н. состояние» (*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2004. С. 330).

и в ее рамках выделили сходные с ней по составу актантов модели МОЛЬБА и СУД. Модель СУД предоставляет большую, по сравнению с моделью ПРОТИВОСТОЯНИЕ, свободу выбора временной перспективы (возможно прошедшее время в левом контексте) и задает иной референциальный статус правого распространителя предлога. Этот актант может быть представлен как обобщенно-референтным употреблением (*перед лицом широкой общественности, ненавидящих его людей, работодателя, правосудия*), так и конкретно-референтным (*перед лицом ареопага знатных номинантов, перед лицом Божиим*¹⁶).

Можно заметить, что Фразеологический словарь А.И. Федорова дает примеры, соответствующие модели СУД, не только для первичного значения (*Спокойные слова Павла и Андрея прозвучали так безбоязненно и твердо, точно они были сказаны в маленьком домике слободки, а не перед лицом суда*. М. Горький), но и для вторичного: *Как все большие и чистые люди перед лицом смерти, он видел теперь и себя и всю свою жизнь* (А. Фадеев)¹⁷. Отнесение сочетания *перед лицом смерти* к модели ПРОТИВОСТОЯНИЕ или СУД зависит от левого контекста. В данном примере речь идет не о подготовке к противостоянию в ближайшем будущем, а об оценке действий или бездействия в прошлом, т. е. о покаянии в судный час.

Предикат, формирующий левый контекст предлога *перед лицом* в рамках когнитивной модели СУД, нередко бывает наделен смысловым компонентом «нравственная ответственность». Это заставляет синхрониста, услышавшего начало фразы *Никто не может быть безразличен...*, связывать вероятностное прогнозирование с когнитивной моделью СУД и выбирать неудачный вариант перевода конца фразы: *...перед лицом страданий человека* (при возможном *сталкиваясь со страданиями людей*).

Рассмотренные здесь и выше примеры неудачного перевода позволяют нам сделать предварительный вывод о том, что в сознании сотрудников международных организаций с родным русским языком когнитивная модель СУД пока доминирует и те высказывания, которые должны порождаться с опорой на модель ПРОТИВОСТОЯНИЕ, нередко оформляются в соответствии с теми ориентирами, которые задает модель СУД (ОБРАЩЕНИЕ).

Этот вывод вынуждает нас поставить вопрос, в какой степени концептуальная метафора «картина мира» с ее плоскостной

---

¹⁶ Здесь примеры даются по Национальному корпусу русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 03.01.2022).

¹⁷ Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2001. С. 329.

образностью способна уводить от реальной многоплановой и динамичной структуры сознания. Похоже, что при осмыслении картины мира необходимо учитывать эффект «фигуры» и «фона». В русской языковой картине мира модель СУД служит «фигурой», а ПРОТИВОСТОЯНИЕ «фоном», в английской – наоборот: ПРОТИВОСТОЯНИЕ «фигура», она высвечивается при большинстве употреблений слова *face* в составе фразеологических единиц, включая *in the face of*, тогда как с моделью СУД можно соотнести лишь сочетание *to save one's face* «спасти чьё-либо лицо».

Чтобы строить фугурологические прогнозы относительно масштабов изменений русской языковой картины мира и структуры знаний под влиянием мировых языков, необходимо понять, чем вызваны расхождения в значимости рассматриваемых когнитивных моделей для носителей английского и русского языков. С этой целью мы проанализировали историю употреблений *перед лицом* по историческому корпусу Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Перед лицом в диахроническом аспекте

В текстах Библии и других богослужебных книг на церковнославянском языке можно выделить 4 значения слова *лице*, реализующиеся при оформлении с предлогом *передь*: 1. в присутствии кого-либо (модели СУД и МОЛЬБА): *Передь лицемъ встѣхъ на земли зрящихъ, ты падь разсядися* (Апостол)¹⁸, 2. впереди, перед кем-либо, т. е. по направлению глаз и движения того, о ком говорится: *И предьидяху дары предь лицемъ его* (Библия. Бытие), 3. лице «составляет плеоназм и не переводится»¹⁹, но точнее было бы сказать, что речь идет об ориентации по отношению к лицевой части (фасаду) или границе чего-либо, например: *ста предь лицемъ града* (Библия. Бытие), 4. при наличии чего-либо (обычно негативного) – этот смысл формируется моделью ПРОТИВОСТОЯНИЕ: *сего ради не могут сынове илєвы стати предь лицемъ враговѣ своихъ* (Библия. Иисус Навин). Все эти значения сохранялись в русском языке вплоть до XVII в. Интересно, что в современном французском языке слово *face* способно передавать те же значения, кроме второго – «впереди», правда при этом поменялась их значимость,

¹⁸ Здесь и далее цит. по НКРЯ, если не оговорено иное.

¹⁹ Полный церковнославянский словарь / Сост. свящ. Г. Дьяченко. Репринт. воспроизведение изд. 1900 г. М.: Отчий дом, 2004. С. 285.

о чем можно судить по активности образования фразеологических единиц. Проиллюстрируем эти значения: 1. противостоять – *faire face à l'ennemi*, в рамках этой когнитивной модели рассматривается также решение коммерческих и прочих проблем, 2. лицом к – *face à*, 3. В присутствии, на глазах кого-либо – *proclamer à la face du monde* – «объявить перед всем миром»²⁰. Такого рода соответствия, прослеживаемые и в английском языке, позволяют говорить об универсальности когнитивных моделей ПРОТИВОСТОЯНИЕ, СУД (и шире – ОБРАЩЕНИЕ), а также антропоцентрической ориентационной модели. Универсальность обеспечивается не зависящим от этноса общим сценарием противостояния перед военным столкновением или взаимодействия человека с теми представителями общества, которым дано право вершить его судьбу. Единообразие ситуаций обеспечивает одинаковую когнитивную схематизацию. Социальная значимость ситуаций обеспечивает неизменность схем во времени. По мере усложнения форм социальной деятельности модель превратилась в метафорическую, так что место актанта «враг» в наши дни заняла, например, *эпидемия коронавируса*.

Анализ древнерусских и старорусских текстов показал, что определяющую роль в становлении соотношения «фигура» и «фон» применительно к когнитивным моделям СУД и ПРОТИВОСТОЯНИЕ сыграли дискурсивные практики Средневековья и Нового времени. В Средние века важную роль играло цитирование сакральных текстов, и воспроизводились прежде всего те фрагменты, в которых человек обращался к Богу или Бог к человеку, т. е. актуализирующие когнитивную модель ОБРАЩЕНИЕ или модель СУД, тогда как столкновения библейских народов оставались в основном вне зоны внимания, так что модель ПРОТИВОСТОЯНИЕ была дефокусирована. Кроме того, освещая летописные события, автор постоянно держал в поле зрения князя, а позже царя, и мысленно или буквально обращался к нему, ожидая его суда над собой и своим творением. Так когнитивная модель СУД (ОБРАЩЕНИЕ) выдвинулась на роль «фигуры». Можно предположить, что в средневековой Европе с ее кодексом рыцарской чести внимание рассказчика любых историй, реальных и вымышленных, было приковано к поведению человека при столкновении с противником, что и позволило выдвинуться на роль «фигуры» модели ПРОТИВОСТОЯНИЕ.

Эти наблюдения доказывают, что различия в структурах знаний у разных народов могут формироваться дискурсивными практика-

---

²⁰ Французско-русский словарь / Под ред. В.Г. Гака, Ж. Триумфа. М.: Русский язык, 1991. С. 430.

ми, которые складываются под влиянием социально-исторических факторов и поддерживаются в течение длительного времени. При этом механизмы формирования структур знаний нельзя сводить к многократно повторяющейся единообразной фиксации социального опыта в речи – в формировании когнитивных моделей определенно участвует «память тела», привычные формы поведения. Так, вызов нерадивого ученика к доске и увещевание перед обращенными к нему взорами одноклассников – это воплощение модели СУД в форме *перед лицом всего класса*.

Смещение фокуса при выборе базы русского предлога «перед лицом»

Осознание способности языка быть инструментом настраивания социального взаимодействия привело к разработке во второй половине XX в. программы языкового планирования [Хауген 1975]. Если расчеты сторонников этой программы верны, то, создав моду на предположительно полезные дискурсивные новации, можно высветить фоновые когнитивные модели и перевести их в ранг фигур. Так, фокусирование внимания на модели ПРОТИВОСТОЯНИЕ заставит носителей русского языка строить планы противодействия угрожающим ситуациям, вместо того чтобы испытывать муки совести перед лицом тех, кто уже столкнулся с этими проблемами.

Мы задались вопросом, в какой мере такая программа уже реализована. Наиболее заметные плоды она должна была дать в условиях активных языковых контактов в стенах ООН. Между тем число верно переведенных высказываний, опирающихся на модель ПРОТИВОСТОЯНИЕ, оказалось равно числу некорректных переводов, за которыми угадывается влияние модели СУД.

Анализ данных НКРЯ выявил следующее соотношение: на 100 употреблений предлога *перед лицом*, относящихся к последнему десятилетию, 55 употреблений связано с моделью СУД²¹ и 45 – с моделью ПРОТИВОСТОЯНИЕ. Принципиально иную картину дает изучение заголовков размещенных в РИНЦ научных работ²²: из 100 заголовков с предлогом *перед лицом* смысл 33 формируется когнитивной моделью ПРОТИВОСТОЯНИЕ и 6 – когнитивной моделью СУД. Это показывает, что научное сообщество свободнее других социальных групп в переносе инноваций на национальную почву. Свобода проявляется в том числе и в игнорировании ограни-

²¹ Характерно, что 6 употреблений принадлежат священнослужителям.

²² См.: https://elibrary.ru/query_results.asp

чений, накладываемых когнитивной моделью на ее речевое воплощение. Так, правая валентность предлога *перед лицом*, связанного с моделью СУД, с высокой частотой заполняется отвлеченными существительными, что характерно для речевых воплощений модели ПРОТИВОСТОЯНИЕ: *Идея цифрового государства перед лицом культурной традиции... король-реформатор перед лицом памяти, ...постмодернизм перед лицом русской философии* и пр. Можно сделать вывод, что выбор предлога *перед лицом* при речепорождении часто совершается механически, без учета его значения, просто как дань языковой моде.

Неочевидна пока и польза от изменений в менталитете носителей русского языка²³, поскольку левый контекст предлога *перед лицом* нередко оказывается семантически связанным не с планом противодействий, а с пессимистической оценкой способности субъекта к сопротивлению, например *...представляла, как далеко способна убежать, если окажется перед лицом невыполнимой задачи* (Колина) или *Никогда садовники русской словесности не чувствовали такой беспомощности перед лицом этой речевой саранчи* (Зябликов)²⁴.

Выводы

1. Языковую единицу *перед лицом* русский язык усвоил из текстов Священного Писания через посредство церковнославянского языка, и она сохраняет стилистическую окраску *книжное* и коннотацию «эмоциональное напряжение».

2. Концептуальной базой предлога *перед лицом* и его эквивалентов в английском (*in the face of*) и французском (*face à*) языках являются две метафорические когнитивные модели – ПРОТИВОСТОЯНИЕ и ОБРАЩЕНИЕ (уже – СУД). На левый и правый контекст предлога *перед лицом* накладываются референциальные, морфологические и семантические ограничения в зависимости от того, какой когнитивной моделью формируется смысл при порождении речи.

3. Когнитивные модели ПРОТИВОСТОЯНИЕ и ОБРАЩЕНИЕ (СУД) имеют разную значимость для носителей русского, с одной стороны, и английского и французского языков – с другой,

---

²³ Под *менталитетом* мы понимаем выстраивание субъектом своих действий под влиянием языковой картины мира.

²⁴ НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 03.01.2022).

что объясняется многовековым различием доминант в национальных дискурсивных практиках.

4. В результате взаимодействия мировых языков фоновая для русского языка когнитивная модель ПРОТИВОСТОЯНИЕ в последнее десятилетие стала активнее попадать в фокус внимания русскоговорящих людей и начала конкурировать с когнитивной моделью ОБРАЩЕНИЕ (СУД). Возникший паритет моделей приводит к умножению ошибок в выборе левого и/или правого контекста предлога *перед лицом* при порождении речи носителями русского языка.

5. Проводниками языковых и когнитивных инноваций помимо переводчиков международных организаций являются представители научных кругов, которые также участвуют в глобальном обмене общезначимой для человечества информацией.

Литература

- Всеволодова 2015 – *Всеволодова М.В.* О принципах анализа русских предложных единиц // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 9. С. 29–41.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.
- Фефелова 2016 – *Фефелова Н.Н.* Программы обучения русскому языку представителей международных организаций: анализ и перспективы // Международный форум «Русский язык в мировом контексте и международных организациях»: Материалы форума (Рим, Италия, 28.09–03.10.2016). М.: Форум, 2016. С. 409–419.
- Хауген 1975 – *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 441–472.
- Шиганова 2001 – *Шиганова Г.А.* Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. 454 с.

References

- Fefelova, N.N. (2016), “Russian language training programs for representatives of international organizations: analysis and perspectives”, in *Mezhdunarodnyi forum “Russkii yazyk v mirovom kontekste i mezhdunarodnykh organizatsiyakh”* [Proceedings of the International Forum “Russian language in the world context and international organizations”], Rome, Italy, 28 September – 3 October, Forum, Moscow, Russia, pp. 409–419.

- Haugen, E. (1966), "Linguistics and language planning", in Chemodanova, N.S. (ed.), *Novoe v lingvistike. Vyp. 7: Sotsiolingvistika* [New in Linguistics, vol. 7, Sociolinguistics], Progress, Moscow, Russia, pp. 441–470.
- Shiganova, G.A. (2001), *Sistema leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov v sovremennom russkom yazyke* [The system of lexical and phraseological prepositions in the modern Russian language], Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.
- Shvedov, N.Yu. (ed.) (1980), *Russkaya grammatika* [Russian grammar], Nauka, Moscow, Russia.
- Vsevolodova, M.V. (2015), "On principles of analysis of Russian prepositional units", *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, vol. 14, no. 9, pp. 29–41.

Информация об авторе

Ольга В. Евтушенко, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; o.evtushenko@linguanet.ru

Information about the author

Olga V. Evtushenko, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka St., Moscow, Russia, 119034; o.evtushenko@linguanet.ru

Что означает «потерять лицо» в русском языке?

Людмила И. Богданова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, libogdanova1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается семантическая неопределенность фразеологизма *потерять лицо* в современном русском языке. Целью исследования является установление оценочно-ценностных характеристик «потери лица» в контексте других нравственных «потерь» (ср. *потерять стыд, потерять совесть*). Работа выполнялась на материале толковых и фразеологических словарей русского языка с привлечением данных Национального корпуса русского языка. В ходе исследования использовались методы и операциональные процедуры, включающие контекстный анализ синтагматики фразеологизма, элементы компонентного и фреймового анализа, приемы эквивалентных замен и трансформации контекстов. В ходе исследования установлено, что «потеря лица» в русском языке занимает особое положение в ряду других значимых моральных потерь. «*Потерять совесть, стыд, достоинство...*» обозначает утрату ценностных в нравственном плане качеств, называемых данными словами, и понимается однозначно в этом плане. Многозначность слова *лицо* приводит к тому, что фразеологизм *потерять лицо* может передавать целый комплекс значений, среди которых основными являются следующие: утрата индивидуальности, отличительных черт личности, потеря репутации и уважения в глазах окружающих, утрата контроля над собой, своими эмоциями. Оценочные характеристики фразеологизма *потерять лицо* также отличаются от оценки «*потери стыда*» или «*потери совести*». «*Потеря стыда (совести)*» получает общественное порицание, «потеря лица» отрицательно оценивается и болезненно осознается самим субъектом.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, ценностный подход, потерять лицо, многозначность, оценка

Для цитирования: Богданова Л.И. Что означает «потерять лицо» в русском языке? // Вестник РГГУ, Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 78–90. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-78-90

© Богданова Л.И., 2022

What does it “lose face” mean in Russian?

Lyudmila I. Bogdanova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
libogdanova1@mail.ru*

Abstract. The article deals with the semantic uncertainty of the phraseology *to lose face* in the modern Russian language. The purpose of the study is to establish the evaluative characteristics of “loss of face” in the context of other moral “losses” (lose shame, lose conscience). The work was carried out on the material of explanatory and phraseological dictionaries of the Russian language with the use of data from the National Corpus of the Russian Language. In the course of the study, methods and operational procedures were used, including contextual analysis of phraseological unit syntagmatics, elements of component and frame analysis, methods of equivalent substitutions and context transformations. The study found that the “loss of face” in the Russian language occupies a special position among other significant moral losses. “To lose conscience, shame” denotes the loss of morally valuable qualities denoted by these words, and is understood unambiguously in this regard. The polysemy of the word *face* leads to the fact that the phraseological units *lose face* can convey a whole range of meanings, among which the main ones are the following: loss of individuality, distinctive personality traits, loss of reputation and respect in the eyes of others, loss of control over oneself, one’s emotions. The evaluative characteristics of the phraseological unit *to lose face* also differ from the evaluation of “loss of shame” or “loss of conscience”. “Loss of shame (conscience)” receives public censure; “loss of face” is negatively evaluated and painfully realized by the subject himself.

Keywords: Russian language, phraseology, value approach, lose face, polysemy, evaluation

For citation: Bogdanova, L.I. (2022), “What does ‘lose face’ mean in Russian?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 78–90, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-78-90

Объектом изучения в настоящей работе является семантическая структура и функционирование в современном русском языке фразеологизма *потерять лицо*. Целью исследования является установление оценочно-ценностных характеристик «потери лица» в контексте других нравственных потерь (ср. *потерять стыд*, *потерять совесть*). Изучение фразеологии особенно значимо для исследований аксиологической направленности, поскольку оно дает возможность декодировать культурно-ценностные установки но-

сителей языка [Телия 1996]. Современный подход к исследованию фразеологических единиц позволяет рассматривать фразеологизм как своеобразный микротекст, передающий ценностную информацию о мире и человеке.

Обращение к сфере нравственных ценностей, с которой связано использование фразеологизма *потерять лицо*, помогает глубже проникнуть в мир оценок и ценностей, отраженный в языке различными способами, в том числе и с помощью имплицитных этических императивов.

Понятие лица в его социальной трактовке является фундаментальным для многих наук. В их числе социология, социолингвистика, психология, политология, теория переговоров, теория вежливости. Эрвин Гофман определял «лицо» как «позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв <...> некоторую линию поведения» [Гофман 2009, с. 18]. Лицо понимается и как то, что эмоционально вложено, и что может быть потеряно, сохранено или усилено, и о чем нужно постоянно заботиться [Brown, Levinson 1987]. Концепция социального лица постоянно разрабатывается в теории вежливости, обогащаясь новыми данными [Ларина 2009; Вежливость 2018; Брагина, Шаронов 2019; Locher, Larina 2019].

Как показывает семантический анализ, значения языковых единиц, отражая общественные ценности, содержат не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент. При этом объектом оценки может стать все, что окружает человека. Но для субъекта оценки именно человек, его качества являются основным объектом ценностного анализа [Арутюнова 1998]. Согласно Ю.Д. Апресяну, в «наивной» картине мира можно выделить, наряду с наивной геометрией, также и наивную этику, которая крайне важна для рассмотрения вопроса о сохранении и передаче культурных ценностей последующим поколениям [Апресян 1995, с. 351]. Правила русской наивно-языковой этики, извлеченные из оценочных характеристик языковых единиц, сообщают нам, например, о том, что «нехорошо унижать достоинство других людей» (*насмехаться, издеваться, глумиться*). Отрицательная оценка потери или деформации ценных качеств, содержащаяся в семантике фразеологизмов (ср. *подмочить репутацию, уронить достоинство, потерять совесть, потерять стыд*) сообщает нам, что «нехорошо утрачивать стыд, совесть, достоинство...».

В этом плане «потеря лица» также может быть связана с утратой ценностных качеств, важных для личности. Однако здесь ситуация выглядит сложнее. В русской фразеологии представлено достаточно много конструкций с ключевым словом *лицо*: (*не*) *упасть*

лицом в грязь, измениться в лице, на ком-то лица нет, потерять лицо, сохранить лицо и др. Лицо в русской культуре понимается прежде всего как что-то внешнее, находящееся в зоне видимости других людей, представленное на их обозрение, доступное для наблюдения, способное сообщать о сходстве и различии с другими объектами, что и получило отражение в разных значениях этого слова. Рассмотрим основные значения, зафиксированные в Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (СОШ)¹:

1. 'Передняя часть головы человека'.

Многие устойчивые выражения со словом **лицо**, прямо или косвенно, связаны именно с этим значением: *знать в лицо, измениться в лице, говорить прямо в лицо, быть к лицу, быть на одно лицо, лицом к лицу* и др.

2. 'Индивидуальный облик, отличительные черты': *не иметь своего лица*.

3. 'Человек, личность': *подставное лицо; доверенное лицо*.

4. 'Наружная, передняя, верхняя сторона предмета'. В осмыслении предметов через **лицо** человека особо подчеркивается их **внешняя** сторона: *лицо и изнанка ткани; показать товар лицом*.

В Словаре В.И. Даля² с помощью иллюстративного материала *лицо* представлено как противоречивая сущность. С одной стороны, *лицо – это образ Божий*, с другой стороны, *лицо не отражает сущность человека: Непригож лицом, да хорош умом; Не гляди на лицо, а гляди на обычай; С лица не воду пить; С личика яичко, а вну три болтун*.

Русские толковые словари не фиксируют для лексической единицы *лицо* отдельного значения 'социальное лицо', хотя употребление данного слова в этом значении возможно: *значительное лицо; лицо, приближенное к императору; невзирая на лица* ('действовать, не принимая в расчет высокий социальный статус кого-либо'). На наш взгляд, в русском языке фразеологизм «потерять лицо» в свернутом виде хранит разные значения слова *лицо*, что частично отражается в толковых словарях и словарях русской фразеологии.

Большой толковый словарь русского языка (БТС)³ отмечает только одно значение фразеологизма **терять / потерять лицо** – 'утратить присущие кому-либо характерные особенности, свойства'.

¹ СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 2.

³ БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

В Словаре русской фразеологии⁴ также зафиксировано сходное значение: *терять / потерять [свое] лицо* – ‘становиться непохожим на себя, терять свои отличительные, индивидуальные особенности, свою самостоятельность’. В словаре указывается происхождение фразеологизма: «выражение – калька с англ. *to lose face*, которое, в свою очередь, является калькой с китайского»⁵.

Во Фразеологическом словаре А.И. Федорова⁶ тоже представлено только одно значение этого фразеологизма, связанное со значением слова *лицо*, отражающего индивидуальные характеристики человека: Экспрес. ‘Утрачивать свою индивидуальность, свои отличительные черты’: *Я не захотела **терять свое лицо**, став женой человека, который <...> не имел смелости для того, чтобы участвовать в нашей забастовке* (В. Кожевников. Лодчицы Жемчужной реки).

В этом плане *потерять лицо* практически полностью сближается по значению с фразеологизмом *потерять себя*: ‘Утрачивать свой индивидуальный облик, свои отличительные черты’: *Порой я живу в плену этих впечатлений и пока не одолею их – теряю себя, не вижу, где я, что отличает меня от этих людей* (М. Горький, Чудаки)⁷.

В Большом фразеологическом словаре (отв. ред. В.Н. Телия) значение, связанное с утратой индивидуальности, вообще не представлено, зато зафиксировано другое значение, связанное с личностью, ее моральными качествами:

Потерять лицо (говорится с неодобрением) – ‘вести себя недостойно, демонстрировать свою слабость, некомпетентность, неспособность к чему-л.’ Имеется в виду, что лицо, группа лиц, социальная организация совершают поступки, которые оказывают губительными для их репутации, вызывают осуждение общества, ведут к утрате уважения окружающих (БФСРЯ)⁸: *Потеряв доверие в глазах окружающих, **теряешь лицо**. Вернув доверие, получаешь только шанс – не гарантию – его восстановить.* (Первое сентября, 1999). По словам автора данной словарной статьи Д.Б. Гудкова, фразеологизм *потерять лицо* «выступает в роли стереотипа чьих-либо действий, которые осуждаются окружающими, являются

⁴ *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб.: СПбГУ, 1999.

⁵ Там же.

⁶ *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008.

⁷ Там же.

⁸ БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006.

в их глазах недостойными, что ведет к тому, что совершивший их теряет право на уважение»⁹.

В Большом русско-английском фразеологическом словаре¹⁰ данный фразеологизм переводится практически однозначно, со ссылкой в примере на употребление в **китайском языке**: to suffer a loss of prestige, dignity, reputation, lose the respect of others: X потерял лицо ≈ X lost face. ♦ *Еще не осмыслив глубины своего поражения, великий комбинатор допустил неприличную суетливость, о чем всегда вспоминал впоследствии со стыдом. Он настаивал, сердился, совал деньги в руки Александру Ивановичу и вообще, как **говорят китайцы**, потерял лицо* (Ильф и Петров).

На наш взгляд, не все потенциальные значения фразеологизма *потерять лицо* получили отражение в словарях русского языка. Проведенный анализ материала, извлеченного из текстовых корпусов русского языка, показал способность данной фразеологической единицы выражать разные значения, обусловленные многозначностью слова *лицо*. Рассмотрим основные значения фразеологизма *потерять лицо* и их текстовые модификации:

1. 'Утрачивать внешнюю привлекательность'.

Лицо способно отражать возраст человека, быть воплощением его красоты и молодости: *Россиянка хотела стать красивее, а **потеряла** и **лицо**, и бой-френда – после «уколов красоты»¹¹; А для актрисы **потерять лицо** – смерти подобно* (Т. Луганцева, 2017; Карта слов)¹².

Утрата внешней привлекательности и «потеря лица» в этом смысле особенно драматично осознается людьми, которые, в силу своей профессии, «работают лицом»: *Я **работаю лицом**, порхаю бабочкой по экрану, исполняю танец рук, ног и живота* (А. Тарелкина, 2020; Карта слов).

2. 'Утрачивать индивидуальные черты'.

Текстовую фиксацию этого отмеченного словарями значения демонстрируют примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹³: *я **потеряла свое лицо** и не знаю его* (М.Н. Вишневецкая. Дневник, 1917); *Боязнь **потерять свое лицо**, раствориться*

⁹ Там же.

¹⁰ *Лубенская С.И.* Большой русско-английский фразеологический словарь. М.: АСТ-Пресс книга, 2004.

¹¹ О красоте. URL: www.woman.ru (дата обращения 03.11.2021).

¹² Карта слов – Карта слов и выражений русского языка. URL: www.kartaslov.ru (дата обращения 15.01.2022).

¹³ Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 01.11.2021).

без следа в надвигающемся новом общественном строе инстинктивно ощущалась и рядовым казачеством, особенно стариками (Ф.Д. Крюков. В углу, 1918).

В современном употреблении значение 'утраты индивидуальности' нередко характеризует неодушевленные объекты: *С того момента **Петербург** для меня лично **потерял свое лицо*** (Сати Спивакова. Не все, 2002); ***Сад**, который не прячет в густой зелени какие-либо оригинальные вещицы, может **потерять свое лицо** и слиться с сотней других своих собратьев* (Мелочи жизни, 2003).

3. 'Обнаружить перед другими слабость, связанную с физиологией':

*Ее слегка **подташнивало**, и только холодный воздух не давал **потерять лицо*** (Ю. Лебединская; Карта слов); *Через минуту я **выбывал бы дробь зубами**, а поэтому, чтобы не **потерять лицо**, немедленно согласился на разговоры «по поводу Франции», лишь бы вернуться в тепло прокуренного салона* (Валериан Скворцов. Каникулы вне закона, 2001; НКРЯ).

4. 'Потерять контроль над своими эмоциями':

*Ему казалось: еще секунда – и он начнет колотить кулаками по столу, брызгать слюной и вообще **потеряет лицо*** (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света. 1974); *Он уже не откашливался и не декламировал, в голосе его звенели слезы и палящая ненависть – он больше не контролировал себя и не боялся **потерять лицо*** (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха, 1987); *Я, их командир, да еще легионер, впал в истерику, **потерял лицо*** (В. Скворцов, Сингапурский квартет, 2001); *А бежать (как бы ни бежать – с достоинством ли, оглядываясь или не оглядываясь) – все равно **потерять лицо*** (Е. Шкловский. Перелом, 1998; НКРЯ).

В данном значении фразеологизм *потерять лицо* вступает в антонимические отношения с устойчивым выражением *держать лицо*: *Я должна уметь **держать лицо**, для этого нужна тренировка, опыт* (А. Гаврилова, 2014; Карта слов).

5. 'Терять честь, репутацию, доброе имя', т. е. терять свое «социальное лицо».

Это значение зафиксировано в текстах на русском языке, по данным НКРЯ, в начале XX в.:

*Китаец страстно любит жизнь и попусту не будет давать себя уничтожать, но, когда, по его китайским понятиям, он оскорблен до того, что «**потерял лицо**», он спокойно кончает самоубийством* (В.В. Корсаков. Пекинские события, 1901).

В XX в. фразеологизмы, связанные с «потерей лица», приводятся авторами, как правило, в кавычках и нередко с указанием на их ки-

тайское / японское («восточное») происхождение. Ср. примеры из НКРЯ: *Выражение гольда «потерять лицо» значило – потерять совесть* (В.К. Арсеньев. По Уссурийскому краю, 1917); *Но тогда для него возникла бы опасность «потерять лицо», что было бы большим унижением.* (Валентин Бережков. Рядом со Сталиным, 1971–1998); *Именно обособная боязнь «потерять лицо» рождает потребность в третьем лице, то есть в посреднике, без которого японцы не мыслят себе никаких переговоров, начиная от сватовства и кончая заключением торговой сделки* (Всеволод Овчинников. Ветка сакуры, 1971).

Примеры употребления фразеологизма в конце XX и в XXI в. демонстрируют значительную степень освоенности фразеологизма в значении ‘потери авторитета, уважения в глазах окружающих’: *<...> боевой офицер Шкарубо, неизменно проявлявший хладнокровие перед лицом самой грозной опасности, смог не только не **потерять лицо**, но и не допустить рукоприкладства* (В. Синицына. Муза и генерал, 2002; НКРЯ); *В любых испытаниях, как только теряешь человеческое достоинство, теряешь лицо, начинаются падения. Я неоднократно **теряла лицо** и достоинство, а потом снова находила* (АиФ, 2001)¹⁴.

Фразеологизм *терять лицо* может характеризовать не только состояние субъекта, испытывающего эту потерю, но и употребляться в целях поддержания, «сохранения лица» собеседника: *Нельзя доводить дело до того, чтобы одна из сторон явно одержала верх над другой, а побежденный **потерял лицо**, предстал униженным и оскорбленным* (В.В. Овчинников, Калейдоскоп жизни, 2003; Карта слов). В этом плане фразеологизмы *потерять лицо* и *сохранить лицо* противопоставляются и одновременно дополняют друг друга. На это указывает и словарное определение в БФСРЯ¹⁵: *Сохранять лицо* – ‘не терять собственного достоинства, сберечь свою репутацию’.

«Сохранение лица» тесно связано в современном мире с концепцией «управления лицом», к которой (особенно в коллективистских культурах) обращаются тогда, когда хотят снизить угрозу для репутации (т. е. «лица») другого человека. Теория «сохранения лица» (Face Negotiation Theory) оказывается эффективной в процессе переговоров, разрешения конфликтов. В частности, межкультурный конфликт требует активного «управления лицом» обеих сторон участников конфликта¹⁶. При этом важно разработать

¹⁴ Пример из БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка...

¹⁵ Там же.

¹⁶ Теория управления лицом. URL: www.Trainingtechnology.ru (дата обращения 20.01.2022).

методику, как сохранить лицо побежденному противнику. В этой ситуации *сохранить лицо* значит сохранить оппоненту «имидж победителя или хотя бы не проигравшего при его фактическом проигрыше»¹⁷.

Рассмотрение фразеологизмов *потерять лицо* и *сохранить лицо* в плане выражения оценочных смыслов показывает, что они не содержат в себе субъективную, внешнюю оценку социумом этой «потери». Словари далеко не всегда фиксируют оценочные смыслы [Богданова 2017], однако в БФСРЯ отмечается, что *потерять лицо* говорится с неодобрением, а *сохранить лицо* – с одобрением¹⁸. В Словаре поясняется, что лицу, группе лиц, социальной организации, несмотря на неприятности, грозящие утратой уважения в глазах окружающих, удается отстоять свой общественный авторитет и социальный статус. Но стоит отметить, что при этом неизвестно, удалось ли действительно доказать свою невиновность или субъект просто *сохранил хорошую мину при плохой игре*. Разумеется, для субъекта лучше сохранить лицо, чем его потерять. Точно так же можно сказать, что лучше быть здоровым, чем больным. Но внешняя оценка, оценка социума в обоих случаях (и *потерять лицо*, и *сохранить лицо*) остается невыраженной.

Оценочные характеристики фразеологизма *потерять лицо* отличаются и от оценки *потери стыда* или *совести*. *Потеря стыда и совести* вменяется в вину собеседнику, допускает интенсификацию: – Ты **совсем** совесть потерял! **Всякий** стыд потерял! Упреки в адрес адресата в потере совести и стыда, приводимые в диалогическом режиме, обычно сопровождаются употреблением слов с негативной оценочной характеристикой: – Ну что, мешочник, – сказал Вася, – совсем совесть потерял? (Ю. Коваль, 1971); – Так представил нас. Совсем совесть потерял, черт! (В. Макарова, Машенька, 2015; Карта слов).

Подобное употребление не характерно для *потери лица*, по крайней мере, примеры такого рода не зафиксированы в НКРЯ, хотя интенсификаторы морального состояния возможны: *Иначе он совсем теряет лицо* (А. Василенкова; Карта слов); *Он совершенно потерял лицо* (Н. Елисеев, 2014; Карта слов). Гипотетические упреки в потере лица типа: «Ты совсем лицо потерял!» – не означают, на наш взгляд, моральный приговор, как в случае с потерей совести или стыда. «Потеря лица» в глазах окружающих болезненно осознается и переживается самим субъектом.

¹⁷ Сохранение лица. URL: www.eclectic-magazine.ru (дата обращения 20.01.2022).

¹⁸ См. словарные статьи в БФСРЯ.

Понять природу «потери лица» и ее оценочную характеристику в русском языке помогает, на наш взгляд, обращение к культурной антропологии и социологии, где принято выделять «культуры стыда» (shame-culture), которым противопоставляются «культуры вины» (guilt-culture). Основной ценностью «культуры стыда» считается репутация человека, которая складывается на основе мнения о нем других людей, учитывающих соблюдение или нарушение норм поведения, принятых в определенной социальной группе [Арутюнова 1999]. Человеку важно, как он выглядит в глазах других людей, в глазах наблюдателя, в глазах Другого, представление о котором, разработанное в рамках экзистенциальной философии, получило глубокое обоснование в трудах М.М. Бахтина [Бахтин 1979]. В границах «культуры стыда» человек предстает как носитель чести, причем чести нередко «внешней», и в его поведении преобладает страх потерять эту «внешнюю» честь. В Словаре В.И. Даля¹⁹ *честь*, с одной стороны, – ‘внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души’, а с другой стороны, – ‘условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое’. Ср. также *честолюбие* – ‘искательство внешней чести, уважения, почета, почестей’. *Похвала и награды подстрекают только честолюбие, побужденье внешнее и низкое*²⁰.

Сценарий «потери лица» имеет структурное сходство со сценарием переживания субъектом чувства стыда [Богданова 2021]. В пресуппозиции в обоих случаях предполагается нарушение субъектом моральных норм или этикетных правил. Обязательным участником ситуации является свидетель нарушения норм. Субъект потери лица при этом, в отличие от субъекта стыда, должен обладать достаточно высоким статусом, чтобы было что терять и о чем сожалеть: *Нельзя потерять лицо, если ты его еще не нашел* (Б. Хайкин. Познание; Карта слов).

В.И. Даль выделяет «прямой стыд» и «ложный стыд», что также помогает нам разграничить разные виды «потери лица». *Прямой стыд* – это ‘наружное проявление совести’, т. е. ‘чувство, которое возмущается при всяком нравственном нарушении непорочности, целомудрия и замыслов разврата’, а ложный *стыд* – это ‘стыд суетности, тщеславия – досада, негодование на изобличенье, на нарушенье пустых или превратных светских понятий’²¹. Деление на «внутреннее» и «внешнее» некоторых моральных категорий и их противоположная оценка («внутренне» – положительная, а

¹⁹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

«внешнее» – отрицательная оценка) была характерна для русского языка первой половины XX в. Потеря «внутреннего лица» могла означать утрату человеческой духовной сути, потерю того, что делает человека человеком, и в этом смысле *потерять лицо* включает в себя моральную составляющую: *Может ли человек потерять лицо свое?* (Д.С. Мережковский, Тайна трех. 1925); *Страшно то, что человек может, сохраняя внешнее лицо человеческое, **потерять лицо внутреннее**; все еще казаться, но уже не быть человеком* (Д.С. Мережковский, Лютер; Карта слов). Ср. также: *И третье правило – знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не **потерять лицо человека*** (А.С. Макаренко. Коммунистическое воспитание и поведение, 1939; НКРЯ). Именно поэтому «потеря лица» в русском языке занимает особое положение в ряду других значимых моральных потерь. «*Потерять совесть, стыд, достоинство...*» понимаются однозначно в том плане, что обозначают утрату ценностных в нравственном плане качеств, обозначаемых данными словами. Многозначность слова **лицо** приводит к неопределенности в трактовке еще не полностью укорененного в русском языке фразеологизма.

Итак, устойчивая конструкция «потерять лицо» способна передавать разные значения и коннотации слова *лицо*, что частично отражено в словарях русской фразеологии. Анализ текстового материала показал многозначность данного фразеологизма в современном русском языке, а также необязательность нравственной составляющей в его интерпретации. *Потеря лица* может быть связана не только с недостойным поведением, утратой доверия, но также и с неуправляемыми физиологическими проявлениями, потерей контроля над собой, своими эмоциями, с боязнью быть смешным и нелепым в глазах окружающих.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Acknowledgements

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

Литература

- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. 766 с.
- Арутюнова 1998 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Понятия *стыда* и *совести* в текстах Достоевского // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 320–345.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Богданова 2017 – *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Russian Journal of Linguistics. 2017. № 4 (21). С. 729–748.
- Богданова 2021 – *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в структуре глаголов ‘стыда’ // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 106–116.
- Брагина, Шаронов 2019 – *Брагина Н.Г., Шаронов И.А.* «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2019. № 4 (23). С. 975–993.
- Вежливость 2018 – Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РОССПЭН, 2018. 317 с.
- Гофман 2009 – *Гофман Э.* Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.
- Ларина 2009 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
- Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический подходы. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.* Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Locher, Larina 2019 – *Locher M., Larina T.* Introduction to politeness and impoliteness research in global context // Russian Journal of Linguistics. 2019. Vol. 23. No. 2. P. 873–903.

References

- Aprsyanyan, Yu.D. (1995), *Integral'noye opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography], vol. 2, *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (1998), *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of person], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia.

- Arutyunova, N.D. (1999), "The concepts of shame and conscience in Dostoevsky's texts", in Arutyunova, N.D. and Levontina, I.B. (eds.), *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* [Logic language analysis. Image of person in culture and language], Indrik, Moscow, Russia, pp. 320–345.
- Bakhtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Bogdanova, L.I. (2017), "The reflection of estimations and values in Russian Language dictionaries", *Russian Journal of Linguistics*, vol. 20, no. 4, pp. 729–748.
- Bogdanova, L.I. (2021), "Estimates and values in the structure of verbs with the meaning of 'shame' ", *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 106–116.
- Bragina, N.G. and Sharonov, I.A. (2019) " 'Pedagogical' aggression in Russian everyday communication", *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 975–993.
- Brown, P. and Levinson, S. (1987), *Politeness. Some universals in language usage*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Goffman, E. (2009), *Ritual vzaimodeistviya: ocherki povedeniya litsom k litsu* [Interaction ritual. Essays on face-to-face behavior], Smysl, Moscow, Russia.
- Larina, T.V. (2009), *Kategoriya vezhливости i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Politeness and communicative styles. Comparative analyses of English and Russian communicative traditions], Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Moscow, Russia.
- Locher, M. and Larina, T. (2019), "Introduction to politeness and impoliteness research in global context", *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 2, pp. 873–903.
- Sharonov, I.A. (ed.) (2018), *Vezhливост' i antivezhливост' v yazyke i kommunikatsii* [Politeness and impoliteness in language and communication], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Teliya, V.N. (1996), *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii podkhody* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural approaches], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Людмила И. Богданова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; libogdanova1@mail.ru

Information about the author

Lyudmila I. Bogdanova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; libogdanova1@mail.ru

Тенденции в замене русских номинаций лиц диминутивами

Ирина В. Фуфаева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iriel@inbox.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются русские номинации лиц, являющиеся диминутивами, утратившими диминутивность (т. е. застывшими диминутивами), например, *жиличка, очкарик, новичок, девушка*. Такие единицы на определенном этапе начинали употребляться необычно часто и вступали в отношения конкуренции со своими производящими словами. Некоторые из этих диминутивов становились настолько востребованными, что постоянно употреблялись вместо своих коррелятов и полностью вытеснили их, ср. пару *внука – внучка*. Другие образования продолжают конкурировать с обычными коррелятами, ср. пару *дед – дедушка*. Утраченные корреляты можно выявить с помощью словарей и источников, ср. наличие лексемы *очкарь*, отсутствующей в современных словарях, включающих слово *очкарик*, в романе Бориса Горбатова «Мое поколение», впервые изданном в 1933 г.: «*И он спокойно учился, этот беззаботный очкарь...*». В замене номинаций лиц на диминутивные корреляты обнаружилось определенные тенденции: такая замена коррелирует с семантикой денотата; конкретно, рассматриваемая лексика относится к терминам родства, обозначениям детей, женщин (ср. слово *внучка*, входящее во все эти группы) и лиц с низким статусом (ср. *побирушка*). Эти семантические закономерности дают возможность восстановить исходный оттенок диминутивной экспрессии исследуемых слов.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, деривация, номинации человека, диминутивы, уменьшительность, экспрессия

Для цитирования: Фуфаева И.В. Тенденции в замене русских номинаций лиц диминутивами // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 91–110. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-91-110

Trends in replacing Russian nominations of persons with diminutives

Irina V. Fufaeva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iriel@inbox.ru*

Abstract. This article discusses the Russian nominations of persons that are diminutives that have lost their diminutiveness, for example, tenant, bespectacled, beginner, girl. Some of these units at different times supplanted their usual correlates, cf. “*I on spokojno uchilsya, etot bezzabotnyj ochkar’...*” (“And he calmly studied, this carefree bespectacled...”), Boris Gorbатов, “My Generation” 1933. Lost correlates can be identified with the help of dictionaries and sources. The other part continues to compete with them, cf. a competing grandfather-grandfather pair. In the replacement of nominations of persons by diminutive correlates, certain tendencies can be identified: such a replacement correlates with a certain semantics of denotation. Specifically, the vocabulary under consideration refers to terms of kinship, designations of children, women (cf. the word granddaughter, which is included in all these groups), persons with a reduced status for one reason or another (cf. beggar). For the terms of kinship, designations of children and women, one can assume endearment, including, perhaps, etiquette, as a shade of expression (connotation) that is lost now, but inherent in them in the past. For the designations of persons with reduced status, one can assume an initial condescension and disdain.

Keywords: Russian language, word formation, derivation, human nominations, diminutives, diminutive, expression

For citation: Fufaeva, I.V. (2022), “Trends in replacing Russian nominations of persons with diminutives”, *RSHU/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 91–110, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-91-110

Введение

В русском языке немало нейтральных существительных, внешне напоминающих диминутивы, см., например, *внушка, ласточка*. В современном русском языке у этих слов нет производящих слов. Как показано нами [Фуфаева 2020], утрата производящего слова характерна для экспрессивных диминутивов, выражающих не размерность, а эмоциональное отношение, так как они конкурируют с производящими словами, имея общий денотат, и иногда вытесняют

их. Также экспрессивные диминутивы могут переставать восприниматься диминутивами за счет стирания экспрессии из-за частого употребления, даже если не утрачивают полностью производящие слова, ср. *девушка*.

Таким образом, лексемы, напоминающие диминутивы и не имеющие производящих слов (обычных коррелятов), с большой вероятностью являлись в прошлом экспрессивными диминутивами. На происхождение этих образований может пролить свет разыскание их производящих слов.

Среди слов, которые в прошлом являлись экспрессивными диминутивами, есть и обозначения лиц, то есть людей. Еще во второй половине XVIII в. А.А. Барсов упоминает слово *девка* как «бывшее умалительное» среди других таких же, «почитаемых первообразными» (непроизводными): *щенок, лавка, булавка, крыльцо* [Барсов 1981].

Массив обозначений лиц, которые в прошлом были экспрессивными диминутивами, хранит информацию о том, какие группы наиболее часто вызвали эмоциональное отношение и какое именно. Для ее извлечения требуется выявить эти образования и восстановить их стершиеся коннотации.

Вытесненные корреляты бывших экспрессивных диминутивов – обозначений лиц можно обнаружить в старых словарях или современных словарях русского языка прошлых периодов, в художественных и документальных источниках с теми же значениями:

«ВНУ́КА и ВНУ́ЧКА, и, ж. Дочь сына или дочери» (Словарь XVIII в. 1984–2011);

«внука, внучка, внученька ж.» (Даль 1981–1982), статья «Внук»;

«ВНУКА, внуки, ·жен. (устар., офиц.). То же, что внучка» (Ушаков 1935).

В романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом» (начало XIX в.) читаем: «Наконец вышла старшая **внука** и извинилась, что к бабушке нельзя...»¹.

Наличие у лексемы *внука* исчезнувшего коррелята *внука* подтверждает исходную диминутивность современной единицы и свидетельствует, что производящее слово конкурировало с диминутивом еще в конце XVIII – начале XIX в. и было вытеснено им. Учитывая, что именно экспрессивные диминутивы обозначают те же денотаты, что и нейтральные существительные, и могут заменять их в речи, ср. *кот – котик*, можно сделать вывод, что *внука* исходно экспрессивный диминутив.

¹ Лажечников И.И. Ледяной дом. Минск: Народная асвета, 1985.

В ряде случаев поиск производящего слова не требуется, так как оно не утрачено, и пары с общим денотатом, представленным тем или иным классом людей, продолжают конкурировать, ср. *дед* – *дедушка*, или вытесненное слово используется для выражения специфических коннотаций, ср. *дева* – *девушка*.

Успешная конкуренция диминутива с нейтральной формой начинается в устной речи, поскольку именно для этой сферы диминутивы наиболее органичны. Последней сферой, завоевание которой означает окончательную победу диминутива, являются формальные подъязыки: канцелярский, научный, юридический и пр. Поэтому об успешной конкуренции свидетельствует уже сопоставимое число вхождений диминутива в устном подкорпусе (при условии аналогичных контекстов), даже если в основном Корпусе вхождений диминутива существенно меньше.

Коэволюция пары или ряда, включающего экспрессивный диминутив и обычный коррелят, может быть простой и сложной.

Коэволюция пары «диминутив – обычный коррелят»

Одним из примеров простой коэволюции является коэволюция пары *жилица* – *жиличка*, когда диминутив постепенно вытесняет или оттесняет обычный коррелят, параллельно утрачивая уменьшительность.

В словаре русского языка XI–XVII вв. лексема *жиличка* отсутствует, *жилица* зафиксировано в значениях ‘жительница, постоялица’: «Жилица, *ж. женск. к жилецъ* (в знач. 1). Выручили есмь... посадскую жилицу Анну Кузмину дочи да сына ее <в изд.: еи> Ивана: жити имъ за нашею порукою на Тихвинскомъ посадѣ АЮ², 316. 1637 г.» (цит. по: Словарь XI–XVII вв.). Словарь русского языка XVIII в. отражает такую же ситуацию.

Безусловно, еще до первой письменной фиксации диминутив *жиличка* уже должен был образоваться от лексемы *жилица* и употребляться в устной речи для выражения ласкательности, вежливости. Письменная фиксация в 1842 г. в речи художественного персонажа произведения, входящего в Национальный корпус русского языка (НКРЯ), свидетельствует о росте частотности единицы:

«Слышь, с верхней нашей жиличкой, Прасковьей Михайловной...»³.

² АЮ – Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археограф. комис. СПб., 1838. 1425–1705 гг.

³ И.А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842), найдено по НКРЯ.

В вышедшем вскоре Словаре церковно-славянского и русского языка Имп. Академии наук (том I) слово толкуется как «уменьшительное слова жилища» (с теми же значениями) (Словарь Имп. АН 1847).

В словаре Даля, отразившем общерусскую и региональную лексику середины XIX в., диминутив *жиличка* приводится как синоним к слову *жилица* только в узком значении: «жилица, жиличка, работница» при том, что сама лексема *жилица* дается как женский вариант к слову *жилец*, т. е. в широком значении (Даль 1981–1982).

В словаре Ушакова *жиличка* уже помечается не как уменьшительное, а как стилистически маркированное: «ЖИЛИЦА, жилицы. Женск. к жилец. ЖИЛИЧКА, жилички, ж. (простореч.). То же, что жилища» (Ушаков 1935).

В словаре Ожегова 1985 г. оба коррелята даны в статье *жилец*, причем *жиличка* помечено как разговорное, *жилица* – нейтральное: «ЖИЛЕЦ, -льца, м. Тот, кто занимает жилое помещение по найму. Жильцы дома. Собрание жильцов. Пустить жильца (сдать свое помещение внаем). * Нежилец (разг.) – о человеке, к-рый долго не проживет. II ж. жилища, -ы и жиличка, -и (разг.)» (Ожегов 1985).

Наконец, в Малом академическом словаре *жилица* помечено как устаревшее, *жиличка* как разговорное: «жиличка <...> разг. женск. к жилец (во 2-м знач.)»; «жилица <...> устар. женск. к жилец»; «жилец <...> 2. Лицо, живущее в доме, квартире» (Евгеньева 1999).

Таким образом, налицо последовательное вытеснение диминутивом коррелята, который по мере этого процесса становится из единственно возможного одним из вариантов, при этом сначала нейтральным, а затем устаревшим. Диминутив наращивает употребительность, одновременно теряя уменьшительность.

Более быстрая динамика характерна для коэволюции трех пар обозначений женщин, заимствованных из французского языка в XVIII веке и образованных от них и быстро вытеснивших их диминутивов:

кокета (впервые в 1740-е гг. согласно данным словаря русского языка XVIII в.) – *кокетка* (впервые в 1753 г. по тем же данным; источник фр. coquette);

брюнета (впервые в 1761 г. по тем же данным) – *брюнетка* (впервые в 1770 г. по тем же данным; источник фр. brunette);

блондина (впервые в 1768 г. по тем же данным) – *блондинка* (впервые в 1803 по тем же данным, источник фр. blondine).

Современный пример быстрой коэволюции представляет собой пара экспрессивных разговорных обозначений человека, носящего очки: *очкарь* – *очкарик*. Экспрессив *очкарь* появился, видимо,

в 1920-е годы, найден в романе «Мое поколение» Бориса Горбатова, впервые опубликованном в 1933 г.: «*И он спокойно учился, этот беззаботный очкарь...*»⁴.

Уже в 1950-е гг. вместо лексемы может употребляться диминутив *очкарик*: «*Да, бедная Кузя, очкарик*»⁵. Последнее вхождение лексемы *очкарь* в НКРЯ в 1990 г., далее слово, очевидно, полностью вытесняется.

В словаре Ожегова–Шведовой (2006) *очкарь* отсутствует, *очкарик* «Человек в очках (обычно о мужчине или мальчике)» помечено как «разг. шутол.» (Ожегов, Шведова 2006). Отсутствие помет «уменьш.» и «ласк.» свидетельствует об отсутствии восприятия слова *очкарик* как уменьшительного.

Коэволюция однокоренного ряда, включающего экспрессивный диминутив и обычный коррелят

В этом случае диминутив может обретать нейтральность, а затем вновь ее утрачивать; кроме того, конкурирующих коррелятов может быть больше двух.

Пример: однокоренной ряд *баба – бабка – бабушка*.

Исходное *баба* как нейтральный термин родства (из детского лепета) конкурировало как минимум с XVI в. с диминутивом *бабка*. Слово *бабка* впервые зафиксировано, и именно как термин родства, в 1556 г. в деловом документе, согласно Словарю русского языка XI–XVII вв. (Словарь XI–XVII вв.). Последнее употребление слова *баба* как нейтрального термина родства по лексикографическим данным в 1718 г.:

«<Иоанна IV> *баба* прежде такожде с Филиппом² о королевствъ спор имѣла» («Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуфендорфия...», пер. с лат., 1718 [цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011]).

Как минимум с XVII в. *баба* и диминутив *бабка* вытеснялись параллельным диминутивом *бабушка*, зафиксированным впервые в 1658 г. в деловом документе (см.: Словарь XI–XVII вв.).

⁴ Борис Горбатов. «Мое поколение». URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/176060-boris-gorbatov-moe-pokolenie.html> (дата обращения 28.04.2022).

⁵ А.Н. Арбузов. Годы странствий, 1954, найдено по НКРЯ.

В XVIII в. в качестве основного нейтрального термина родства, судя по текстам, употреблялся застывший диминутив *бабка*, конкурировавший с диминутивом *бабушка*.

В XIX в. основным обозначением матери родителя становится *бабушка*. Вытесненное *бабка* обретает признаки формальной единицы и в этом качестве употребляется, например, в биографиях:

*«Анна Глинская, **бабка** государя, вместе с сыном своим Михаилом, находилась в то время в ржевском своем имени»⁶.*

*«**Бабка** Артура, Рената, рожденная Сэрманс, также принадлежала к знатному семейству; после смерти мужа над ней и над ее старшим сыном, Андреем-Михаилом Шопенгауэром, была учреждена опека, так как у них обоих обнаружилось расстройство умственных способностей»⁷.*

Сейчас *бабушка* наиболее нейтральное обозначение матери родителя. Застывший диминутив *бабка* развил грубо-пренебрежительную коннотацию и часто употребляется не как термин родства, а в значении 'любая старая женщина'. *Бабушка* сейчас употребляется и в формальном языке как юридический термин, что говорит о победе в конкуренции:

*«При отсутствии ближайших наследников, в права наследства могут вступить участники второй очереди, это: ...**бабушки и дедушки** наследодателя, с обеих сторон родителей»⁸.*

Сложные процессы происходили и в других синонимических рядах, называющих родственников старших поколений и включающих диминутивы, а также в ряду со значением 'молодая незамужняя женщина', включающем застывшие диминутивы *девка*, *девица* и *девушка*. Некоторые диминутивы в этих рядах в определенный момент утратили диминутивность, стали выражать соответствующие значения нейтрально, но затем были вытеснены из роли нейтральных обозначений и снова стали экспрессивными или маркированными как-то иначе. Это термины родства *тетка*, *тетушка*, *матушка*, *батюшка*, *бабка*, *дядюшка* и два однокорен-

⁶ П.И. Ковалевский. Иоанн Грозный (1900–1910), найдено по НКРЯ.

⁷ Э.К. Ватсон. Артур Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность (1891), найдено по НКРЯ.

⁸ Правоведус. URL: <http://pravovedus.ru/practical-law/civil/nasledovanie-po-zakonu/> (дата обращения 28.04.2022).

ных диминутива *девка* и *девица*. Ср. в современном русском языке *девица* как ироничное:

«Как я и предполагала, он уже давно познакомился с какой-то высокоморальной **девицей**: до свадьбы ни-ни, мурыжила его под своими окнами и требовала походов в музей»⁹.

Большинство диминутивов, сначала ставших нейтральными терминами родства, затем устаревших в этом качестве, образованы с помощью чисто ласкательного суффикса *-ушк(а)* (без ударения): *ма́тушка, ба́тюшка, дядю́шка, тету́шка*, ср. современные нейтральные *ба́бушка, де́душка, де́вушка*. Судя по Словарю русского языка XI–XVII вв., первое образование с этим суффиксом и значением лица впервые фиксируется в 1551 г., это слово *ма́тушка* (Словарь XI–XVII вв.). Далее, *бабка, тетка, девка* являются диминутивами с суффиксом *-к(а)*, *девица* – с суффиксом *-иц(а)*.

Формы с ласкательным суффиксом *-ушк(а)* (безударным, не путать с *-ушк(а)* ударным с другими коннотациями) могли распространиться в XVI–XVII вв. из-за потребности в выражении ласкательности, прежде всего этикетной, в обращениях к родственникам старшего поколения или свойственникам, ср. этикетное обращение *сватушка*:

«Гсдрь сватушко на твоё приятство дерзнул к тебе отписать»¹⁰.

Некоторые из ласкательных форм родства стали настолько частотными, что превратились в стандартные термины родства. Примером может служить дериват *тетушка*, во второй половине XVIII в. – первой половине XIX в. конкурировавший за позицию нейтрального термина родства с параллельным диминутивом *тетка*. Что касается их обычного коррелята *тетя* (из подражания детскому лепету, как *дядя, баба, мама, няня*), то он отсутствует в Словаре русского языка XVIII в., а также в НКРЯ до середины XIX в. Можно предположить, что в это время слово употреблялось только в детской речи, как сейчас *баба* ‘бабушка’.

В НКРЯ до 1800 г. количество диминутивов *тетка* и *тетушка* сопоставимо: 125 и 107 вхождений соответственно, и они могут употребляться в одном и том же тексте в совершенно одинаковых документальных контекстах:

⁹ Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна... («Даша», 2004), найдено по НКРЯ.

¹⁰ Грамотки. XVII в. – начало XVIII в. (цит. по: Словарь XI–XVII вв.).

Декабря 27-го преставилась тетушка Марья Григорьевна Святогорова.

14-го умерла Агрофена Федоровна Нечаева, наша родная тетка¹¹.

Можно сделать вывод о полной утрате диминутивности и какой-либо маркированности обоими диминутивами в это время.

Тетя впервые встречается в поэтическом подкорпусе НКРЯ в речи персонажей – деревенских детей в стихотворении П.А. Катенина «Дура» (1835):

*«Дети любят ее и **тетей** зовут, а не дурой; / Дети одни»¹².*

В прозе впервые *тетя* встречается в письмах И.А. Гончарова в контексте, относящемся к маленьким детям:

*«Если б **тетя** уступила немного в строгости, а дядя много в баловстве, то лучше бы детей и желать нельзя»¹³.*

В словаре Даля *тетя* приводится в статье «Тетка» в ряду других экспрессивных разговорных областных синонимов к нейтральному *тетка*: «ТЕТКА, тета новг. тетушка, теточка, тетенька, тетунька, тетуня, **тетя**, пск. тетька, тетуся южн.» (Даль 1981–1982).

В течение XIX–XX вв. употребительность и нейтральность слова росла, и сейчас лексема как термин родства наиболее нейтральна и употребительна.

*«Мужчина позвонил своей **тете**, матери живущего у него кузена, и потребовал возместить ущерб»¹⁴.*

*«Майю воспитывала **тетя**, солистка Большого театра, именно она познакомила племянницу с балетом»¹⁵.*

В газетном подкорпусе НКРЯ за период с 2020 г. в значении термина родства количество вхождений *тетя*, *тетка* и *тетушка* соответственно 99, 5 и 0. Там же за тот же период в значении 'немо-

---

¹¹ Оба контекста из: Г.Г. Томилов, В.Г. Томилов. Памятная книга (1776–1863), найдено по НКРЯ.

¹² П.А. Катенин. Дура (1835), найдено по НКРЯ.

¹³ И.А. Гончаров. Письма (1842–1859), найдено по НКРЯ.

¹⁴ Мужчина решил подать в суд на родственника из-за розыгрыша (Lenta.ru, 2020.12), найдено по НКРЯ.

¹⁵ К 95-летию со дня рождения великой балерины: программы с участием Майи Плисецкой (Vesti.ru, 2020.11), найдено по НКРЯ.

лодая женщина' вхождений *тетя*, *тетка* и *тетушка* соответственно 8, 5 и 5. В последнем значении эти слова часто употребляются снисходительно, неодобрительно или насмешливо:

«Она села на скамейке, вот так, как она была одета, такой **теткой** деревенской»¹⁶.

«А мои **тетушки** тянут по 30 с лишним часов в неделю, по две ставки. У одной учительницы даже 38»¹⁷.

Таким образом, диминутивы *тетка* и *тетушка* в течение полутора столетий были снова вытеснены и сейчас употребляются в основном как экспрессивные синонимы в ряду «женщина», а не как термины родства.

Лексемы *бабка* и *тетка* долго сохранялись в юридическом подязыке как формальные термины родства, однако сейчас и в нем вытеснены словами *бабушка* и *тетя*, см. пример выше, и там же:

«Наследниками третьей очереди являются: родные и неполнородные сестры и братья родителей умершего (дяди и **тети**)».

То есть лексема *тетя*, возможно, на определенном этапе вытесненная диминутивами, далее вытеснила их и стала доминантой ряда.

Исходно ласкательные диминутивы *дядюшка* (впервые зафиксировано в XVI в. см.: [Словарь XI–XVII вв.]) и *матушка* (впервые зафиксировано в 1551 г., там же) в XVIII в. успешно конкурировали с обычными коррелятами. Отношения в парах *дядя* – *дядюшка* и *мать* – *матушка*, по-видимому, были аналогичны таковым в современной паре *дед* – *дедушка*, т. е. оба коррелята конкурировали, будучи нейтральными.

«Вчера мы своей семьей, разумеется: **матушка, дядюшка... и я, пздили в Царицыно гулять**» (цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011).

Если коэволюция пары *дед* – *дедушка* привела в конце XX в. к победе диминутива в качестве наиболее стандартного термина родства, то в парах *мать* – *матушка* и *дядя* – *дядюшка* победили обычные корреляты.

Конкуренция в литературном языке XVIII в. пары *отец* – *батюшка* интересна тем, что конкурирующий диминутив образован не от своего коррелята, термина родства *отец*, а от существи-

¹⁶ Родня всей России: зрители назвали лучшие роли Нонны Мордюковой (Vesti.ru, 2020.11), найдено по НКРЯ.

¹⁷ Влада Медведева. Опыт (Коммерсант, 2020.01), найдено по НКРЯ.

тельного *батя* – «простонародного», согласно Словарю Академии Российской 1789–1794 гг. (САР 1789–1794). *Батюшка* в это же время – литературная единица:

«О сем вам, государыня, представляю, что ваш **батюшка**, король Флоренской Эвгер, здравствует»¹⁸.

Батюшка впервые зафиксировано в 1619 г. (см.: Словарь XI–XVII вв.).

На эволюцию терминов родства влияет ряд факторов. С одной стороны, у говорящих есть потребность в их ласкательных вариантах, с другой – потребность в формальных, официальных вариантах. Далее у терминов родства постоянно образуются смежные значения. Примеры: ‘любая женщина средних лет’ (*тетка, тетушка*), ‘какая-то незнакомая женщина’ (*тетенька*), ‘любая женщина’ (*баба*), ‘старая женщина’, ‘повивальная бабка’ (*бабка, бабушка*), ‘воспитатель’, ‘немолодой мужчина’ (*дядька*), ‘старик’ (*дед, дедок*), фамильярное обращение к мужчинам (*батюшка*), фамильярное обращение к женщинам (*матушка*, ср. обращение Фамусова к дочери: «Ах, матушка, не довершай удара» в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума») и т. д. Появление у термина родства смежных значений может создавать неоднозначность высказывания в целом, а при наличии у смежных значений негативных семантических компонентов – может придавать термину родства нежелательные коннотации. Эти факторы могут в некоторых случаях побуждать говорящих избегать конкретных терминов, заменять их синонимами. Все это делает процесс конкуренции между разными обозначениями одной и той же позиции родства очень сложным, динамичным и нелинейным. Периодически тот или другой синоним побеждает в конкуренции и становится наиболее нейтральным обозначением соответствующей позиции родства.

Помимо терминов родства, похожим образом совместно эволюционировал целый однокоренной ряд *дева, девка, девица, девушка*, включающий несколько диминутивов, утративших диминутивность. *Дева* конкурировало с тремя диминутивами, которые последовательно захватывали позицию нейтрального обозначения. У застывшего диминутива *девка* развились пренебрежительные коннотации и нежелательные значения ‘дворовая девка’ и ‘проститутка’, у застывшего диминутива *девица* развились иронические и неодобрительные коннотации:

---

¹⁸ История о российском матросе Василии Кориотском... (цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011).

«Так что разнообразные **девицы** семью там, видимо, регулярно разрушали»¹⁹.

В настоящее время значение 'молодая незамужняя женщина' нейтрально выражается исходно ласкательным диминутивом *девушка*, полностью утратившим диминутивность и экспрессивную окраску. Недавняя утрата семантического компонента «незамужняя» у значения лексемы *девушка* имеет экстралингвистические причины (брачный статус перестал быть важной характеристикой женщины) и не связана с обсуждаемой темой конкуренции диминутивов и обычных коррелятов.

Классификация диминутивов со значением лица, утративших диминутивность

Всего было выявлено 32 диминутива со значением лица, утративших диминутивность, относящихся к разным стилистическим пластам. По большей части это литературная лексика, включая единицы нейтральные (напр., *новичок*, *дедушка*), разговорные (напр., *жиличка*), экспрессивные (напр., *очкарик*). К жаргонным единицам относится *бухарик*, см. (Елистратов 2002).

Часть этих единиц полностью вытеснила обычные корреляты (например, *внучка*, *тезка*). Часть обычных коррелятов стала архаизмами с возвышенными и/или ироническими коннотациями (например, *дева*). Некоторые пары продолжают конкурировать (например, *дед* – *дедушка*), но при этом диминутивы уже утратили экспрессивность полностью или частично и употребляются сопоставимо часто (например, *дочь* – *дочка*, *старуха* – *старушка*) и пр.

С точки зрения семантики, эта лексика группируется в 4 лексико-семантических группы: «Женщины» (18 лексем: *бабушка*, *девочка*, *золовка* и пр.), «Термины родства» (12 лексем: *бабушка*, *внучка*, *золовка* и пр.), «Лица с низким статусом» (14 лексем: *новичок*, *замарашка*, *мужик* и пр.), «Дети» (6 лексем: *внучка*, *девочка*, *мальчик* и пр.), см. таблицу «ЛСГ застывших диминутивов со значением лица». Группы являются пересекающимися, так как одна и та же лексема может совмещать семантику родства, женского пола и ребенка (например, *внучка*).

Кроме того, интересной задачей является реконструкция утраченного оттенка экспрессивности, то есть словообразовательного значения конкретного слова.

¹⁹ Ты мне веришь или нет? (Коммерсант, 2020.09), найдено по НКРЯ.

Безударный суффикс *-ушк(а)* является чисто ласкательным (Шейдаева), (Фуфаева), соответственно, дериваты с таким суффиксом (напр., *дедушка, девушка, бабушка, тетушка*) исходно могли выражать только ласкательность. При этом ласкательность при обращении с помощью таких диминутивов к родственникам, представителям старших поколений могла быть и этикетной. Известно об обязательности этикетной ласкательности в обращениях к родственникам в частной переписке XVII–XVIII вв., т. е. эти дериваты могли быть средствами вежливости, «учтивости». Можно предположить исходную этикетную ласкательность и в деривате *золовка* ввиду его семантики, хотя он и образован по другой модели.

Для обозначений детей (напр., *внучка, девочка, мальчик*), образованных с универсальными диминутивными суффиксами *-к(а), -ик* можно предположить исходную ласкательность ввиду их семантики, ср. «живые» диминутивы с той же семантикой: *детка, деточка, крошка, детишки* и пр.

Ряд застывших диминутивов со значением лица обозначает людей, находящихся в том или ином отношении «ниже нормы», имеющих физическую или социальную особенность, которую можно интерпретировать как недостаток, уязвимость и пр.: *новичок, очкарик, замарашка* и пр. В их исходном словообразовательном значении можно предположить снисходительность, смягчающую пренебрежительность производящего слова. Часть таких диминутивов образованы от пренебрежительных экспрессивных дериватов: *замарашка – замараха, очкарик – очкарь* и пр. Это подтверждается «живыми» парами «пренебрежительный экспрессив – диминутив»: *потаскуха – потаскушка, пьянчуга – пьянчужка, злока – злочка*. Второй компонент выражает то же лексическое значение и коннотацию, что и производящее слово, но менее грубо, с оттенком снисходительности. Часть таких диминутивов оттеснила экспрессивы, от которых была образована. Например, *болтушка* сейчас употребляется чаще коррелята *болтунья*: в основном подкорпусе НКРЯ в текстах, созданных с 2000 г., 64 и 12 вхождений соответственно, т. е. диминутив впятеро частотнее. Другие диминутивы от экспрессивов, например *побирушка, замарашка*, полностью вытеснили свои корреляты. При этом все диминутивы со значением лица, образованные от экспрессивов, не утратили экспрессии, так как она обусловлена самим лексическим значением слов: производящая основа продолжает выражать эмоциональную оценку.

Обозначения женщин включают адаптированные французские заимствования *блондинка, брюнетка, кокетка*. Судя по Словарю русского языка XVII в., они появились несколько позднее, чем варианты без суффикса *-к(а)*: *блондина, брюнета, кокета*. Поэтому

суффикс *-к(а)* в них можно интерпретировать как не только служащий целям адаптации заимствования, но и экспрессивный. Эти лексемы могли быть элементами непринужденной шутливой речи, ср. современные *няшка*, *фитоняшка*.

Заключение

Среди русских номинаций человека есть образования, исходно бывшие экспрессивными диминутивами, служившими субъективно-оценочными синонимами (в основном ласкательными) по отношению к однокоренным лексемам, выразившим то же значение и являвшимся доминантами соответствующих синонимических рядов. В результате конкуренции с обычным коррелятом они вытеснили его и сами стали доминантами соответствующих рядов, утратив диминутивный оттенок экспрессивности. При этом часть вытесненных коррелятов сохранилась в языке и продолжает конкурировать: *дед* – *дедушка*. Данное явление характерно для номинаций женщин; лиц, находящихся по своему социальному статусу, физическим или поведенческим особенностям «ниже нормы»; терминов родства; номинаций детей.

Словник застывших диминутивов со значением лица

Сокращения: жарг. – жаргонное, нейтр. – нейтральное, пер. – перевод, суф. – суффикс, уст. – устаревшее, черед. – чередование, осн. и газ. – основной и газетный (подкорпуса НКРЯ).

Если датировка дается без указания источника: «впервые в 1658», «впервые в XVII в», она соответствует наиболее раннему примеру в Словаре XI–XVII вв.

1. **Бабушка**, впервые в 1658 г. С суф. *-ушк(а)* безударным от **баба** ‘мать родителя’, уст., последний раз в письм. текстах в 1718 согл. (Словарь XVIII в. 1984–2011), сейчас в этом знач. только в детской речи.
2. **Батюшка**, уст. как нейтр. синоним слова *отец*, впервые в 1619 г. С суф. *-шк(а)* безударным от **батя** ‘отец’, в Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. с пометой «простонародное», в отличие от *батюшка* (САР 1789–1794).
3. **Блондинка**, впервые в 1803 г. С суф. *-к(а)* от **блондина** из фр. *blondine*, впервые в 1768 г. Обе датировки согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011).

4. **Болтушка**, впервые в конце XVIII в. в трагедии Н.П. Осипова «Виргилиева Енейда, вывороченная на изнанку»²⁰. С суф. -к(а) и черед. н/ш от **болтуня**, впервые по НКРЯ в комедии А.П. Сумарокова «Приданое обманом» (1769).
5. **Брюнетка**, впервые в 1770 г. С суф. -к(а) от **брюнета** из фр. *brunette*²¹, впервые в 1761 г. Обе датировки согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011).
6. **Бухáрик**, жарг. ‘пьяница’ (Елистратов 2005). В НКРЯ 37 вхождений. С суф. -ик от **бухарь** (от *бухать* ‘пить’), в НКРЯ 4 вхождения. Оба слова впервые в 1972 г. в словаре советского тюремного жаргона, изданном в США (Galler, Marquess 1972).
7. **Внучка**, впервые в XVII в. С суф. -к(а) от др.-рус. **внука**. В Малом академическом словаре внука «устар. То же, что внучка» (Евгеньева 1999).
8. **Грудничок** ‘грудной младенец’, в НКРЯ с 1991 г., с суф. -ик от **грудник**, в НКРЯ с 1971 г. В словаре Ожегова–Шведовой **грудничок** «то же, что грудник», без помет, **грудник** «грудной младенец» (Ожегов, Шведова 2006). В НКРЯ в текстах, начиная с 2006 г., лексема **грудник** отсутствует, **грудничок** встречается 312 раз, т. е. обычный коррелят вытеснен диминутивом.
9. **Девочка** ‘подросток, ребенок женского пола’, впервые в XV в. С суф. -к(а) от **девка** в том же знач., напр., в «Домострое» по списку ОИДР (XVI в.): «Малых дѣвок учити, которая чего пригожа» (цит. по: Словарь XI–XVII вв.). В этом знач. конкурировало также с **девушка**, ср. в «Домашнем лечебнике Бухана» (конец XVIII в.)²²: «Что касается до малолѣтных дѣвушек, то их одѣяние совершенно должно быть такое же, какое у мальчиков в течение первых двух лѣт» (цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011).
10. **Девуца**, ‘молодая незамужняя женщина’, уст. как нейтр., общеславянский диминутив. С суф. -иц(а) от **дева**.
11. **Девка**, ‘молодая незамужняя женщина’, уст. как нейтр., напр., в «Слове о полку Игореве»: «Помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драги оксамиты» (цит. по: Словарь XI–XVII вв.). Общеславянский диминутив. С суф. -к(а) от **дева**.

²⁰ Осипов Н.П. Виргилиева Енейда, вывороченная на изнанку. СПб., 1791–1796. Ч. 2.

²¹ «Брюнета 1761, ж. Фр. *brunette*. Молодая брюнета <примеч.: Брюнета, женщина имеющая темныя волосы> рѣчи его разумѣла» (Пажон А. История о принце Солии... / Пер. с франц. яз., 1761).

²² Бьюкен У. Полный и всеобщий домашний лечебник. Творение г. Бухана. М., 1790–1792.

12. *Девушка* ‘молодая незамужняя женщина’, впервые в письм. текстах в середине XVIII в., при этом в словаре русского языка XVIII в. имеет помету «Простонар. → Прост.» (Словарь XVIII в. 1984–2011), чему противоречит, напр., контекст из воспоминаний Натальи Долгорукой (1767): «И так меня <мать> содержала, как должно благородной девушке быть»²³. С суф. *-ушк(а)* безударным от *дева*.
13. *Дедушка*, впервые в 1689 г. В словаре Ожегова–Шведовой (2006) не имеет отдельной статьи, включено в статью «Дед» с пометой «ласк» (Ожегов, Шведова 2006). Это противоречит употреблению диминутива как нейтрального термина родства во всех стилях СРЯ, в том числе в юридическом. С суф. *-ушк(а)* безударным от *дед*.
14. *Дурачок*, уст. в нейтр. знач. «слабоумный, помешанный», напр., «Этот *дурачок* ничего не уносит, где днюет или ночует, как бы что плохо ни лежало»²⁴. В НКРЯ с первой четверти XIX в. С суф. *-ок* от *дурак*, уст. в нейтр. знач. «слабоумный, помешанный» (впервые в XVII в.).
15. *Дядюшка* ‘брат родителя’, впервые в XVI в. уст. как нейтр., напр. в архиве кн. А.Б. Куракина (1752–1818): «*Вчера мы своей семьей, разумеется: матушка, дядюшка... и я, ѣздили в Царицыно гулять*»²⁵ (цит. по: Словарь XVIII в. 1984–2011). С суф. *-ушк(а)* безударным от *дядя*.
16. *Жиличка*, впервые в 1842 г. по НКРЯ. В 1847 г. в Словаре церковно-славянского и русского языка Имп. Академии наук толкуется как «уменьшительное слова *жилица*» (Словарь Имп. АН 1847). С суф. *-к(а)* от устаревшего *жилица* (с пометой «устар.» в (Евгеньева 1999)).
17. *Замарашка*, впервые в 1790 г. согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011). С суф. *-к(а)* от *замараха*, в САР ч. 3 (1792) «Человѣк неопрятный, не наблюдающий около себя чистоты» (САР 1789–1794).
18. *Замухрышка*, впервые в 1858 г. по НКРЯ. В Этимологическом словаре Шанского–Бобровой «суф. производное от *замухрыга* – тж.» (Шанский, Боброва 1994).

²³ Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. [1767]. СПб., 1913. С. 13.

²⁴ О.М. Сомов. Юродивый (1827), по НКРЯ.

²⁵ Архив кн. Ф.А. Куракина. [1661–1727]. Изд. под ред. М.И. Семевского. СПб., 1890–1902, кн. 10.

19. **Золовка**, впервые в 1660 г. В Этимологическом словаре Шанского–Бобровой «уменьшит.-ласкат. (суф. *-ька* > *-ка*) от *зълва* < общеслав. *зълъ, зълъве*» (Шанский, Боброва 1994). В Словаре русских народных говоров (вып. 11) имеется **золова** (записано в 1913–1914 гг.) и **золоть** (записано в 1968 г.) (Словарь говоров 1976).
20. **Кокетка**, впервые в 1753 г. С суф. *-к(а)* от *кокета* из фр. *coquette*. впервые в 1740-е гг. Обе датировки согласно [Словарь XVIII в. 1984–2011].
21. **Матушка**, впервые в 1551 г., уст. как нейтр., см. **дядюшка**, с суф. *-ушк(а)* безударным от *мать*.
22. **Мальчик**, впервые в 1560 г. С суф. *-ик* от *мáлец*, нейтр. в др.-рус. яз., напр. в 1615: «И въ тѣ поры де толмача не было, а вельзь Семенъ толмачить мальцу своему, татарченку, лѣтъ въ десеть» (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1898. Т. 3) (цит. по: Словарь XI–XVII вв.).
23. **Мужик**, впервые в 1436 г. С суф. *-ик* от *мужь* «мужчина». См.: «Мужик было первонач. уменьш. от муж. Последнее название объясняется тем, что людей, более низких в правовом отношении, обозначали как несовершеннолетних» (Фасмер 1986).
24. **Новичок**, впервые в 1750–1760-е гг. согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011). С суф. *-ек/-ок* от др.-рус. *новѣк*. В Новом лексиконе дается вместе с обычным коррелятом: «*Новик, новичок, ученик*» (Волчков 1764).
25. **Очкарик**, впервые в 1954 г. по НКРЯ. С суф. *-ик* от *очкарь*, появившегося не позднее 1933 г. В НКРЯ *очкарь* последний раз в 1990 г. В словаре Ожегова–Шведовой (2006) и Малом Академическом словаре *очкарь* отсутствует.
26. **Паинька**, впервые по НКРЯ в рассказе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело» (1848–1863). С суф. *-иньк(а)* от *пай, пая*, заимствования из фин., эст. в русский язык западных территорий; в Словаре русских народных говоров, вып. 25 «Пай, м. и ж. 1. Милый, любимый; милая, любимая. У пай частая походочка. Пск., 1919–1934» (Словарь говоров 1990). Отсюда же диалектное *паичка* с другим суф. Ср. тж. литературное *пай-мальчик*.
27. **Побирушка**, впервые по НКРЯ в 1859 г. С суф. *-к(а)* от устаревшего *побируха*, последний раз по НКРЯ в 1932 г. В словаре Ушакова «ПОБИРУХА и (чаще) ПОБИРУШКА, побирушки, муж. и жен. (прост.). Нищий, попрошайка» (Ушаков 1935).
28. **Проходимец**, впервые в 1791 г. согласно (Словарь XVIII в. 1984–2011) (из неизданного наследия Болотова). С суф. *-ец*

- от *проходим*, в Словаре Даля «проходень, проходим, -мец, -мка, пришлый человек, пришлец м. пройдоха и т. д.» (Даль 1981–1982]. Ср. *нелюдим*. Суф. *-ец* может быть и субстантивизирующим.
29. *Старушка*, с суф. *-к(а)* от *старуха*, сейчас употребляется в зависимости от стиля сопоставимо или чаще обычного коррелята. В газ. подкорпусе НКРЯ с 2015 г. *старушка* в 1,8 раз частотнее, чем *старуха* (667 и 373 вхождений соответственно), в осн. подкорпусе НКРЯ в аналогичный период *старуха* в 1,1 раз частотнее диминутива (146 и 134 вхождений соответственно).
  30. *Тезка* в Этимологическом словаре Шанского–Бобровой «др.-рус. суф. производное от *теза* «тезка», той же основы, что *тьзъ* «равный, одинаковый» (Шанский, Боброва 1994). С суф. *-к(а)* от др.-рус. *теза*.
  31. *Тетка*, уст. как нейтр. термин родства с суф. *-к(а)* от *тетя*, не употреблявшегося как термин родства на письме в XVIII и первой половине XIX в.
  32. *Тетушка*, уст. как нейтр. термин родства. С суф. *-ушк(а)* безударным от *тетя*, не употреблявшегося как термин родства на письме в XVIII и первой половине XIX в.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Политкорректность в русском языке и русской культуре» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-78-10081.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “Political correctness in the Russian language and Russian culture”, no. 19-78-10081.

Источники

- Волчков 1764 – Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках переводу асессора Сергея Волчкова. СПб.: При Импер. Академии наук, 1755–1764. 1348 с.
- Даль 1981–1982 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1982 (воспроизведение издания 1880–1882 гг.).

- Елистратов 2005 – *Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ ПРЕСС КНИГА, 2005. 672 с.
- Евгеньева 1999 – Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 11.04.2022).
- Ожегов 1985 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.
- Ожегов, Шведова 2006 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Темп, 2006. 944 с.
- САР 1789–1794 – Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб.: При Императорской Академии наук, 1789–1794.
- Словарь Имп. АН 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1847. Т. 1. 416 с.
- Словарь XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения 11.04.2022).
- Словарь XVIII в. 1984–2011 – Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991; Вып. 7–19. СПб.: Наука, 1992–2011.
- Словарь говоров 1976 – Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка. Вып. 11. М.: Наука; Л.: Наука, 1976. 364 с.
- Словарь говоров 1990 – Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка. Вып. 25. М.: Наука; Л.: Наука, 1990. 353 с.
- Ушаков 1935 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стб.
- Фасмер 1986 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 2. 671 с.
- Шанский, Боброва 1994 – *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 399 с.
- Galler, Marquess 1972 – Soviet prison camp speech. A survivor's glossary. Suppl. by terms from the works of A.I. Solženicyn / Comp. by M. Galler a. H.E. Marquess. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin press, 1972. 216 p.

Литература

- Барсов 1981 – *Барсов А.А.* Российская грамматика. М.: МГУ, 1981. 776 с.
- Фуфаева 2020 – *Фуфаева И.В.* Метафора малого: русские диминутивы, М.: РГГУ, 2020. 270 с.

References

- Barsov, A.A. (1981), *Rossijskaya grammatika* [Russian grammar], Moscow, Russia.
Fufaeva, I.V. (2020), *Metafora malogo: russkie diminutivy* [Metaphor of small. Russian diminutives], RGGU, Moscow, Russia

Информация об авторе

Ирина В. Фуфаева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iriel@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Fufaeva, Cand. of Sci. (Phylology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; iriel@inbox.ru

Прагматика личных местоимений
в составе местоименных комплексов
и диалоговых единств

Валентина Г. Кульпина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, vgrkulpina@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена местоименным комплексам на основе личных местоимений, которые в силу сложившейся традиции на сегодняшний день не принято выделять в качестве самостоятельных языковых единиц. В то же время многое говорит об их особом статусе в словаре и в лексической системе. Так, в частности, о том, что такие формации – на основе и с участием личных местоимений – являются собой единицы нашей речи, говорит постоянство сферы их функционирования, связь с ситуацией общения, частотность употребления и целый ряд других факторов. Среди анализируемых в статье единиц представлены местоименные комплексы на основе местоименного субъекта. Местоименные комплексы являют собой фразеологизированные единицы, в том числе синтаксические фразеологизмы, единицы символического характера, крылатые слова и др. Отмечается роль единиц описанного типа в стилистическом оформлении речи и их связь с этнолингвистической традицией. Подчеркивается, что включение таких местоименных единиц в словари в качестве отдельных словарных статей или подстатей в целом ряде случаев оправдано и целесообразно. Некоторые фрагменты статьи содержат сопоставительный пласт единиц – функциональных соответствий из близкородственного польского языка.

Ключевые слова: личное местоимение, местоименный комплекс, прагматика, грамматическая семантика, лексическая семантика, фразеология, лексикография, русский язык

Для цитирования: Кульпина В.Г. Прагматика личных местоимений в составе местоименных комплексов и диалоговых единств // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 111–135. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-111-135

Pragmatics of personal pronouns in the structures of pronoun complexes and dialog unities

Valentina G. Kulpina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
vgrkulpina@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to pronoun complexes on the base of personal pronouns, which at present traditionally are not usually singled out as autonomic language units. Nevertheless many things indicate their particular status in the vocabulary as well as in lexical system. So this way the status of such formation (created on the base of personal pronouns) as the units of the speech are confirmed by constancy of their function's spheres, the connection to communication's situation, frequency of their use and by some other factors. Among the analyzed units in the article are presented pronoun complexes on the base of pronoun subject, units of symbolic character, popular expressions (pithy sayings), phraseology of syntactical type etc. There is marked the role of units of such kind for the stylistic shape of speech and their value in the connection to ethnolinguistic tradition. There is underlined that such pronoun units' inscription to dictionaries as a standing by itself vocables or subvocables are mostly expedient and advisable. There is used also comparison stratum of lexis – functional correspond units from the near related Slavic area.

Keywords: personal pronoun, pronoun complex, pragmatics, grammatical semantics, lexical semantics, phraseology, lexicography, Russian language

For citation: Kulpina, V.G. (2022), "Pragmatics of personal pronouns in the structures of pronoun complexes and dialog unities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 1, pp. 111–135, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-111-135

Введение

Тема статьи связана с категорией лица, которая рассматривается исследователями как грамматическая или как лексическая; и у каждой точки зрения имеются свои сторонники и своя веская аргументация. Так и принадлежность данной категории грамматике не является очевидным фактом. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» категория лица рассматривается как «грамматическая словоизменяемая категория глагола» (ЛЭС 1990, с. 271). Категория же лица личных местоимений в этом энциклопедическом издании предстает как лексическая: «у них <местоимений> категория лица представлена самим набором *лексем*, а не рядом

грамматических форм» (ЛЭС 1990, с. 271). О том, что статус категории лица как грамматической категории не столь очевиден и требует определенных доказательств, пишет в своей «Общей морфологии» В.А. Плулунгян [Плулунгян 2000, с. 254–255]. Он обосновывает свое мнение следующим образом: «Для личных местоимений категория лица является обязательной; это явление можно было бы считать ограниченной лексической обязательностью <...>, если бы не то обстоятельство, что системы личных местоимений играют особенно важную роль в грамматике любого языка. Трактовка личности как грамматической категории удобна еще и потому, что для глагольных форм достаточно характерно согласование с личными местоимениями – прежде всего именно по категории лица» [Плулунгян 2000, с. 254–255].

Многие исследователи стремились дать определение категории лица по разным критериям и признакам: по формально-структурным (нередко сама дефиниция присутствует лишь косвенно через демонстрацию структурных моментов – окончаний глагола и местоимений в данном языке), по структурно-семантическим, семантическим, функциональным, социолингвистическим, прагматическим и др. основаниям [Rittel 1985, с. 34–46]. Приведем некоторые из них, самые характерные. В базовых грамматиках русского языка дефиниция категории лица дается в достаточно развернутом плане и касается одновременно как категории лица местоимений, так и глагола. Истоки формирования системы личных местоимений русского языка восходят к XI–XII вв. [Кибрик, Сидорова 2013, с. 167]. В отличие от целого ряда других европейских языков, «в русском языке словоизменяемые показатели в глаголе продолжают сохранять референциальный потенциал, но тем не менее примерно в 2/3 случаев дополнительно используются субъектные местоимения» [Кибрик, Сидорова 2013, с. 167]. При этом субъектные местоимения, наряду с референциальной функцией, нередко в комплексе с другими местоимениями, выполняют в русском языке еще целый ряд важных семантических функций, которые и рассматриваются в данной статье. Падежная семантика личных местоимений, в силу особенностей семантики личных местоимений, носит чрезвычайно обобщенный характер и в то же время весьма полисемантический. Обобщенность семантики местоимения позволяет этой части речи развивать многообразные функции и участвовать в формировании новых значений.

В «Грамматике русского языка» 1980 г. (известной как «Грамматика 80») дается следующая дефиниция категории лица: «Морфологическая категория лица – это «система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотне-

сенность действия к участникам речевого акта. Формы лица выражают отнесенность действия к говорящему (формы 1-го лица), к собеседнику (формы 2-го лица) или к лицу, не являющемуся ни говорящим, ни собеседником, а также к неодушевленному предмету (формы 3-го лица)» [Русская грамматика 1980, с. 636].

В «Русской грамматике», созданной коллективом ученых Чехии и Словакии, дается следующая дефиниция категории лица: «трехчленная система категории лица реализуется в рамках более широкой категории персональности. Персональные формы (1-е и 2-е лицо) связаны с основной формой языкового общения – диалогом. Форма третьего лица представляет собой немаркированный член по признаку персональности (названное в речи лицо является не субъектом и объектом языкового общения)» [Русская грамматика 1979, с. 160].

Приведенные выше дефиниции могли бы быть обобщены таким образом, что связь категории лица с живой коммуникацией, с личностью, ее включенность в категорию персональности является ее дистинктивным признаком и фактором, предопределяющим характер ее функционирования в языке.

Категория лица анализируется в статье на основе языковых единств личных местоимений, называемых в статье *местоименными комплексами*. Отметим, что А. Богуславский этим термином обозначает любые языковые структуры, включающие местоимения. В данной же статье под местоименными комплексами (МК) подразумеваются языковые единства, состоящие из личного местоимения и еще какого-либо местоимения (в том числе личного), а также языковые единства, содержащие личное местоимение и еще какое-либо слово, выступающее в единстве с этим местоимением на постоянной основе.

Большинство местоименных комплексов представляют собой такие языковые структуры, в отношении которых отсутствует традиция их выделения в качестве самостоятельных языковых единиц. В то же время многое свидетельствует в пользу того, что этим единицам пора поменять свой лингвистический статус и перейти от трактовки их места в языке как случайной соположенности к их интерпретации как устойчивых единиц нашей речи и мысли. Проблема является актуальной, и в целом на материале русского языка ее можно считать малоисследованной. В силу естественных ограничений на объем статьи анализ не затронул проблематику местоименных обращений [Кульпина 2016, с. 23–45] и местоименных комплексов на основе объектных и обстоятельственных значений косвенных падежей (данная проблематика весьма обширна [Кульпина 2012, с. 85–98]). Отдельно не затрагивались также вопросы лексикографирования местоимений [Кульпина 2009, с. 124–134].

Каждое из личных местоимений, обладая своим собственным значением, только ему присущим, в составе местоименных комплексов приобретает еще и другое, общее для комплекса фразеологизованное значение и другие смыслы.

Фразеологизованные структуры (ФС) на основе личных местоимений представляют собой в русском языке важный сегмент фразеологической системы языка. А.В. Величко дает им следующую дефиницию: «ФС – это синтаксическая структура, модель, определенные компоненты которой наполняются разным лексическим материалом, что позволяет по одной модели построить неограниченное количество высказываний, имеющих одно типовое значение, но разное конкретное содержание <...> *Тожэ мне студент! Тожэ мне свадьба!* <...> в них реализуются живые синтаксические закономерности языка. Они состоят из слов и словоформ, соединяемых по правилам синтаксических связей» [Величко 2016, с. 57]. При этом отмечается нестандартность, специфичность таких синтаксических построений, поскольку их структурные признаки и семантика «не обусловлены регулярными синтаксическими связями, действующими языковыми закономерностями <...> в ФС компоненты связаны идиоматически» [Величко 2016, с. 57–58].

Далее рассматриваются такие местоименные комплексы на базе личных местоимений с элементами фразеологизации, которые представляют собой сферу неявного, не всегда осознаваемого и общепринятого во взгляде на *proponia*. В то же время о том, что такого рода структуры с личными местоимениями являют собой «готовые» единицы нашей речи, говорит устойчивый характер их употребления в комплексе, связь их функционирования с ситуацией общения, моделью поведения, а также частотность в разных типах дискурса.

Что касается языкового статуса таких фразеологизованных единиц, часть из них может быть отнесена к синтаксическим фразеологизмам, которым группой авторов – В.Ю. Меликяном, А.В. Меликян и В.В. Посиделовой дается следующая характеристика и дефиниция: «Синтаксические фразеологические единицы (далее – СФЕ) представляют собой один из наиболее специфических феноменов языка, так как объединяют в себе признаки единиц синтаксиса и фразеологии, относятся преимущественно к устной разговорной форме диалогической речи, обладают экономностью, выразительностью, антропоцентричностью и прагматичностью. Такой синкретизм придает им необычайную выразительность и эффективность в практике речевой коммуникации» [Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова 2021, с. 46]. Эта дефиниция, собственно говоря, вполне охватывает рассматриваемые нами образования на прономинальной основе.

Для многих местоименных фразеологизированных структур типа синтаксических фразеологизмов характерно употребление в ситуации диалога (см. ниже).

1. *Местоименные комплексы с идентифицирующей и индивидуализирующей семантикой*

Приступим к нашему анализу и его экзemplификации, следуя простому формальному принципу и начиная его с тех единиц, которые функционируют в диалогах в именительном падеже, служа формированию диалоговой коммуникативной среды.

Подчеркнем, что каждое из личных местоимений естественным образом связано с категорией падежа, будучи представлено в тексте в какой-либо предложно-падежной форме или конструкции. Отсюда падежные отношения и их характер важны также для состава местоименных комплексов.

О падежных формах и падежных конструкциях в целом польская и бельгийская исследовательница когнитивных функций падежа Б. Рудзка-Остин в книге «Из рассуждений над категорией падежа» пишет следующее: «...падежи близки лексическим категориям; ими управляют подобные механизмы экспансии: обобщение, детализация, метафоризация и т. п. Бывают также, разумеется, отличия: одно и то же слово не значит, как правило, *белый* и *черный*, в то время как падежи могут выражать разного типа антиномии...» [Rudzka-Ostyn 2000, s. 83].

Падежные отношения, выражаемые местоимениями, нередко отличаются от тех, которые выражаются существительными. Развитие семантики падежных форм и конструкций нередко идет по пути лексикализации и фразеологизации. В сфере местоимений эти процессы нередко протекают специфическим образом. Покажем это на примерах из основного корпуса НКРЯ и широко известных строк из стихотворного, в том числе песенного творчества, и примеров из устной речи.

1.1. *Местоименные комплексы на основе начальных реплик диалога, идентифицирующие участников коммуникации как своих*

1.1.1. *Местоименный комплекс Это я!* Данный МК выступает в диалогической ситуации начала телефонного общения, когда звонит хорошо знакомый человек или ближайший родственник,

в любом случае *свой человек*, интенцией которого является быстро и надежно обозначить себя как близкого коммуниканту человека. Можно здесь вспомнить употребление этой языковой единицы у Владимира Высоцкого в песне: «Ну, здравствуй, это я!». Итак, комплексное единство *Это я!* употребляется в идентифицирующей функции, будучи обращено к самым близким людям.

1.1.2. *Местоименный комплекс А вот и я! / А вот и мы!* Данный МК сигнализирует несколько иную ситуацию по сравнению с представленной в 1.1.1. личного прихода хорошо знакомого человека, *своего* для хозяев дома, которого «запланированно» ждали.

Иллокутивная сила вышеприведенного комплекса во множ. числе *А вот и мы!* состоит в том, чтобы сигнализировать приход тех людей (гостей), которые (как и в предыдущем примере) пришли не случайно, которых хозяева ждали.

1.2. *Местоименные комплексы, представляющие собой ответные реплики в диалоге*

Представляется, что МК, представляющие собой ответные диалоговые реплики, могут быть квалифицированы как коммуникативы. Данной категории специфических коммуникативных единиц – ответных реплик – И.А. Шаронов дает следующую дефиницию: «Коммуникативы – это особые употребления слов, фразем и коротких предложений в позиции ответных реплик диалога для стереотипного выражения оценки, мнения и эмоции как реакция на высказывание собеседника...» [Шаронов 2016]. Рассмотрим далее коммуникативные единицы данного типа, нередко обладающие между собой внешним сходством, но в то же время нередко несущие разные смыслы или их модификации. При этом в процессе дифференциации типов коммуникативов таковые будут ограничиваться от омонимичных структур.

1.2.1. *Местоименный комплекс, выступающий при переключке участников какого-либо мероприятия и зачитывании списка присутствующих, служащий идентификации участника коммуникации.* В России свое присутствие принято обозначать короткой однословной ответной репликой: «– Я». Ср. в диалоге: «– Иванов! – Я; – Петров! – Я!» и так далее по списку. Если мы сравним данную диалоговую структуру с ее функциональным соответствием в польском языке, то увидим, что в аналогичной функции при переключке участников в качестве реплики на прозвучавшую фамилию используется не личное местоимение 1-го лица, а форма

вспомогательного глагола *być* в форме 1-го лица: *Jestem!* 'Я есть'. Это значение у польского вспомогательного глагола выделяет А. Богуславский: «оборот, представляющий собой отклик о присутствии в связи с зачитыванием списка лиц, чье присутствие предусмотрено» [NSS 1993, s. 67].

Отметим, что рассматриваемую коммуникативную единицу мы можем отнести к категории коммуникативов, поскольку в качестве ответной реплики диалога она содержит коммуникативно и прагматически весомую информацию, выражая стереотипную активную эмоциональную реакцию готовности коммуниканта ответить на высказывание собеседника и тем самым зафиксировать свое согласие принять участие в мероприятии [Шаронов 2016].

2. Местоименные комплексы-ответные реплики, связанные с запросом на информацию

Рассматриваемую в разделе группу местоименных комплексов в виде ответных реплик можно объединить на основе того, что все они являются ответом на запрашиваемую информацию. Эти МК представляют собой коммуникативы (см. выше в п. 1: [Шаронов 2016]), содержащие оценочные эмоциональные реакции на запрос отправителя сообщения. Анализируемые коммуникативы обладают сложной семантикой, которая может дифференцироваться, модифицироваться и уточняться с помощью ряда дискурсивных маркеров (дискурсивов). В.Т. Бондаренко обращает внимание на то, что «основное назначение ответных реплик, вызванных прямыми житейскими вопросами, желанием и намерением партнера по коммуникации узнать что-либо, заключается в отведении вопросной реплики как неуместной, нежелательной, в уклонении от ответа или в том, чтобы дать неопределенный ответ, ответ не по существу» (Бондаренко 2013, с. 5).

2.1. Местоименный комплекс *А я знаю?*

Данный МК представляет собой реплику в диалоге со специфическими просодическими свойствами (с интонацией, повышающейся на первом слоге в слове *знаю*). Наряду с информацией о том, что адресат не владеет информацией, нужной отправителю, МК содержит также информацию о неодобрении адресатом каких-то действий или слов отправителя. См. примеры:

- (1) *Чрезмерность этого разговора действовала на него почти физически, его по-настоящему знобило. – А я знаю? Черт ее душу знает чьё! – широко выругался Роман. – Дядино? (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 [1978]).*

Ответная реплика **А я знаю?** характеризует коммуникативное поведение коммуниканта, его реакцию, указывая в данном случае на ненужность, неуместность и бесполезность выяснения каких-то вещей, на недовольство и раздражение ее произносящего.

Анализ вышеприведенного примера и других подобных показывает, что фразеологизированный местоименный комплекс **«А я знаю?»** (с вопросительной интонацией) является в русском языке готовым продуктом – ответной репликой, в закреплённом традицией виде извлекаемым из памяти и являющимся носителем особых смыслов. Так, наряду с незнанием чего-либо ответная реплика информирует о несогласии ее реципиента с собеседником, о неодобрении его слов или действий.

2.2. Местоименный комплекс «...а я знаю» без вопросительной интонации (омонимичный рассмотренному ранее в п. 2.1)

Данный комплекс выполняет иную семантическую функцию – противопоставления как оппозитивности, антонимичности. Данная структура также имеет признаки фразеологизированности, однако ее семантика не осложнена дополнительными оценочными значениями – как это имеет место в предыдущем МК 1.2.2. См. пример:

- (2) *Это они не знают, в чём дело, а я знаю, они случайные люди в нашем производстве, а я на нем вырос (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок [1975–1977]).*

2.3. Местоименный комплекс **А я не знаю**

Данный комплекс, как и ряд ранее рассмотренных МК, представляет собой ответную реплику с отрицательной частицей **не**. Этот МК обладает особым интонационным контуром (интонация повышается на слове **я**). Семантическая специфика такой реплики заключается в ее способности служить сигналом не вполне осознанных действий адресата, некоторой его растерянности, определенной неадекватности реакции и ощущения неловкости ситуации: участник диалога сам затрудняется в оценке своих действий и ими не доволен, причем репликой отправителя сообщения ее адресат также не доволен. Эта реплика может сопровождаться некоторыми

специфическими жестами (см. ниже). См. ряд иллюстративных примеров:

- (3) – *Серезжа недавно вспоминал о вас, спрашивал, бываете ли в газетном секторе.*
 – *А я не знаю. Я почти не выхожу из корректорской* (Николай Шлиппенбах. И явил нам Довлатов Петра // «Звезда», 2003).

Адресат затрудняется с ответом на вопрос, на который, казалось бы, он должен знать ответ (бывает ли он или не бывает в некоем месте (в газетном секторе)). Для данной группы МК как раз характерна ответная реплика немного не попадая, некоторая несогласованность с вопросом отправителя сообщения.

- (4) – *Что же вы предлагаете?*
 – *А я не знаю, – Дорн по-мальчишески пожал плечами* (Алексей Иванов. Комьюнити. [2012]).

Жест *пожать плечами* в «Малом академическом словаре» вербализован следующим образом: «сделать движение плечами в знак недоумения, при незнании чего-л. и т. п.» (МАС 1984, III, с. 234). В то же время в «Словаре языка русских жестов» дается следующее толкование данного жеста, не противоречащее таковой в МАС, но более широкое: «*X пожимает плечами 1* = ‘Адресат желает знать некоторую информацию или точку зрения жестикулирующего X о некотором Р; X показывает, что у него нет информации или определенного мнения по этому поводу’» (СЯРЖ 2001, с. 93). Указываются условия употребления жеста: «Для данного жеста характерно употребление в ситуации, когда жестикулирующий не просто сообщает об отсутствии у него некоторой информации, но и указывает на необоснованность ожиданий получить от него эту информацию» (СЯРЖ 2001, с. 93). В указанном словаре отмечено также значение 2: «‘Жестикулирующий X отрицательно оценивает действие Р, произведенное адресатом или третьими лицами; X показывает, что он не понимает, зачем адресат или третьи лица делают Р; X считает это действие бессмысленным или неуместным, но не будет влиять на ситуацию’» (СЯРЖ 2001, с. 94). Рассмотрим и другие примеры, проливающие свет на общую семантику данного МК.

- (5) – *Но почему? – А я не знаю! – хохотнул Савельич. – А я не знаю, помню я или не помню, – крикнул я, стараясь перекричать паровоз* (Анатолий Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца [1992]).

Очевидно, что приведенный выше в примере (5) МК представляет собой семантически осложненную структуру, информирующую о том, что субъект что-то сделал, но при этом сам не знает, почему, и данный факт дополнительно подчеркивается глаголом *хохотнул*. Глагол *хохотнуть* семантизируется в МАС следующим образом: «Издать короткий, негромкий смех» (МАС 1984, IV, с. 623). В то же время приведенный здесь же иллюстративный пример, в котором используется сочетание «дурашливый ... хохоток» (МАС 1984, IV, с. 623), позволяет сделать вывод о некоторой несерьезности, «дурашливости» данного типа смеха и, соответственно, несерьезного характера всей реплики. В свою очередь в ответной реплике первичного отправителя сообщения « – *А я не знаю, помню я или не помню...*», сочетание ***А я не знаю*** употреблено практически как свободное сочетание, информирующее о незнании адресатом какой-то информации.

2.4. Омонимичное сочетание ***а я не знаю*** (с семантикой противопоставления)

Омонимичной структурой является практически *свободное сочетание с тем же лексическим составом*, информирующее о незнании адресатом какой-то важной для отправителя сообщения информации. См.:

- (6) *Ребята спрашивают, а я не знаю, что им ответить* (Юрий Дружков. Волшебная школа [1984]).

2.2.6. Местоименный комплекс ***я там не знаю / да уж я там не знаю / ну я там не знаю***. По сравнению с предыдущим МК (2.3.), также с отрицательной частицей, данный комплекс содержит дополнительный компонент в виде наречного местоимения ***там*** в модифицирующей дискурсивной функции, которое и предопределяет определенную семантическую специфику данного комплекса, для которой характерно стремление говорящего дистанцироваться от какой-то информации, передаваемой тем или другим участником диалога или какими-то третьими лицами. Модификации семантики комплекса служат также дискурсивные маркеры ***да, уж, ну...*** См. примеры:

- (7) – *Нет, это совсем еще не гласно, до некоторого времени... я там не знаю, вообще я в стороне совершенно* (Ф.М. Достоевский. Подросток [1875]).

- (8) *Я там замаранный? Я что, убил кого иль ограбил? – Я там не знаю, – говорит мать, и так сердито трет полотенцем миски будто хочет проверить в ней дырку* (Николай Дубов. Мальчик у моря [1966]).
- (9) *Я там не знаю, что он будет, хоть и догадываюсь маленько, но и теперь есть в романе одна пропущенная глава, и притом еще превосходнейшая во всех отношениях: воспитание Мити* (П.В. Анненков. Письма И.С. Тургеневу [1852–1874]).

См. МК с добавлением частиц-дискурсивных маркеров *да* и *уж*:

- (10) – *Да уж я там не знаю, а я вот только что вам скажу... вот все будут свидетелями* (И.И. Панаев. Опыт о хлыщах [1854–1857]).

Во всех приведенных выше примерах с местоимением *там* в составе МК вырисовывается семантика стремления говорящего дистанцироваться от передаваемой им информации и ее источника, показать свою отстраненность от нее, отсутствие эмпатии и интериоризации. Дискурсивы *да уж* и *ну* могут эвентуально привносить еще и элемент юмора и неуверенности говорящего в точности передаваемой информации.

Сравним далее МК с частицей *ну*:

- (11) *Цветочки, подсолнухи, кусты смородины, левкои, астры, ну я там не знаю что еще* (Борис Минаев. Детство Лены [2001]).

В данном примере комплекс *ну я там не знаю* используется при перечислении как знак неокончателного количества, как маркер неуверенности в точности передаваемой информации, определенной отстраненности от нее.

Ср. ниже пример употребления МК с той же семантикой дистанцирования с добавлением этой же частицы *ну* с оттенком юмора:

- (12) – *Ну, я там не знаю, что за бесплотные духи* (П.В. Катаев. Под Сморгонью [1939]).

Лексема *там* может быть употреблена при аналогичном лексическом составе компонентов в свободном сочетании, указывающем на местонахождение объекта. См.:

- (13) *Город многолюдный, богатый губернским bean-tonde, которого притязания самые несносные, – я там никого не знаю, ни души...* (И.С. Аксаков. Письма Ф.А. Бюлеру).

В приведенном примере, несмотря на практически аналогичный лексический состав компонентов, как и в ранее приведенных примерах, местоименный комплекс не формируется, так как слова в примере составляют свободное сочетание; сигналом отсутствия МК является слово *никого* в его составе, которое в комплекс не входит и им не предполагается.

Выделим базовые признаки представленных выше фразеологизированных единиц на местоименной базе: они обладают определенной устойчивой внутренней организацией, проявляют структурно-семантическую устойчивость, обладают свойством воспроизводимости, стабильным и обязательным (не нарушаемым) набором компонентов, строятся по определенной фразеосхеме, обладают интегративным фразеосинтаксическим значением и семантической целостностью. Все это вместе взятое отличает их от свободных сочетаний. Для МК характерна дефектность морфологической парадигмы, а также фиксированный порядок следования компонентов. Характерно, что «целостность плана выражения фразеосхемы выражается в невозможности опущения одного из обязательных компонентов структуры, а целостность плана содержания – в наличии целостного фразеосинтаксического значения, которое репрезентировано синтаксической конструкцией в целом, а также общего диктума и модуса, которые варьируются в зависимости от лексического наполнения фразеосхемы» [Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова 2021, с. 48–49].

Рассмотренные конструкции с участием стабильного и обязательного местоименного компонента обладают своей собственной интегративной семантикой, нередко осложненной оценочным компонентом, строятся по вполне определенной фразеосхеме и имеют характерные лексико-семантические ограничения.

3. Местоименные комплексы с семантикой совместности, единства, единения, солидарности с положительной оценочностью

*3.1. Местоименный комплекс **мы с тобой** на базе именительного надежда и творительного социативного*

Данный МК употребляется в разных коммуникативных ситуациях и строится по единой модели. К примеру: «Когда *мы с тобой* пойдем в кино?» и т. п. Этот МК выступает и в литературном творчестве. Вспомним, наверное, самое известное стихотворение Константина Симонова:

- (13) *Как я выжил, будем знать / Только **мы с тобой**. / Просто ты умела ждать / Как никто другой* (Константин Симонов. «Жди меня, и я вернусь»).

В высоко экспрессивной версии (как правило, в эллиптической конструкции) возможно **Как мы, а?**

Семантика единения реализуется также во множественном числе: в МК **мы с вами / мы с ним / с ними** (с творительным социативным (совместного действия)) – речь идет о двух (возможно, и более) лицах, из которых одно лицо выступает в качестве представителя группы, состоящей из двух и более лиц. Например, женщина, предположим, Таня, выступает от имени двоих человек – себя и Пети, употребляя местоимение 1-го л. мн. числа: «Мы с Петей на неделе обязательно к вам заглянем». В данном случае субъект возвещает совместный визит от имени двоих лиц или от имени себя и еще ряда лиц (*мы с подругой, мы с мамой* и т. п.).

Для русской лингвокультуры такой тип презентации категории лица привычен, обычен, нормален. Однако в близкородственном польском языке обычно и нормально другое: **Piotr i ja** ‘Петр и я’. Группа, коллектив таким образом не возникает, потому что каждый тут сам по себе, и это нормально, привычно и обычно. Таким образом, в этом свободном сочетании местоименный комплекс не формируется.

3.2. Местоименный комплекс *Мы с вами!* как проявление солидарности

Данный МК может выступать как выражение солидарности с кем-либо или с какой-либо акцией, организацией, так и служить проявлением принадлежности к какой-то социальной группе, как демонстрация приверженности идее и т. п. См.: «**Мы с вами!** Мы вас поддерживаем!» (из текущей публицистики).

3.3. Местоименный комплекс *мы вместе*

Этот комплекс с обязательным компонентом в виде личного местоимения **мы** может выступать в разных ситуациях, с разными модификациями, при этом с практически фиксированным составом компонентов – **мы вместе**.

3.3.1. МК *Мы вместе* в общественной жизни современной России. МК **мы вместе** широко используется в общественной жизни нашей страны как своего рода идеологема, лозунг, призыв к еди-

нению и как формула солидарности; под этим призывом организуются благотворительные акции, направленные на помощь больным детям, пожилым людям, беженцам и другим категориям граждан в разных регионах, которые нуждаются в социальной поддержке. Данная формула солидарности имеет разные графические презентации: **#МыВместе; Мы вместе; #МЫВМЕСТЕ Мы вместе! мы вместе ДОБРО #МыВместе**

3.2.2. *МК-формула совместности мы вместе.* Данная формула имеет хождение и в другой ситуации – к примеру, когда мы пришли в театр и сдаем пальто в гардероб, и при этом нас спрашивают: «– **Вы вместе?**» Эта ситуация предполагает соответствующую модель поведения ее участников – без ее дополнительного озвучивания, что если мы пришли вместе с кем-либо, то наши пальто могут повесить на один номерок. Этот вопрос мы можем предвосхитить, сообщив о том, что *мы вместе*, не дожидаясь его. Предполагается по умолчанию, что при этом наши вещи будут повешены на один номерок.

3.2.3. *МК с числовым показателем мы вдвоем.* В данном МК речь идет о группе людей, объединенной коллективным субъектом *мы*. Как правило, числовой показатель, содержащийся в МК, в тексте так или иначе конкретизируется, становится понятен из контекста или конситуации. В примере ниже состав участников МК естественным путем вытекает из широкого контекста воспоминаний одного известного в стране человека о другом известном человеке: языковеда Азы Алибековны Тахо-Годи о своем супруге, философе Алексее Федоровиче Лосеве. См.:

(14) *Мы вдвоем, а день сияет и все ароматы любимых им цветов – ландышей и сирени* (Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания [2009]);

См. также ряд других примеров, в которых формируется или реализуется семантика единства и единения:

(15) *Часа четыре провели мы вдвоем, то сидя на диване, то медленно расхаживая перед домом, и в эти четыре часа сошлись окончательно* (И.С. Тургенев. Ася [1858]). Возможно, впрочем, данное употребление сочетания *мы вдвоем* интерпретировать как свободное.

В случае, когда субъект в пределах предложения не получает конкретизации, речь нередко идет о паре *он и она*. См.:

- (16) *И наконец единственный неповторимый вечер. Мы вдвоем* (Фазиль Искандер. Письмо [1969]);

См. также другие примеры, в которых коллективный субъект в пределах предложения частично конкретизируется через номинацию другого участника данного коллектива, данную в творительном социативном падеже совместного действия:

- (17) *Мы вдвоем с Костей едем через мост* (А.С. Лавриненко. Там, где нас нет // «Волга». 2010).

Конкретизация участников МК может осуществляться также в именительном падеже:

- (18) *Мы вдвоем в бронетранспортере остались – я и сапер Костя* (Андрей Шапран, Евгений Азанчевский. «А в Варшаву мы вошли первыми» // «Огонек». 2015).

Имена субъектов предложения могут выступать в препозиции к МК, в антецеденте, предваряя информацию о каких-то событиях.

- (19) *Аркаша мог стать доцентом, я ординатором <...> Страшно даже подумать, какой урон мы вдвоем могли нанести отечественной медицине!* (Григорий Горин. Иронические мемуары [1990–1998]).

3.2.4. *Местоименные комплексы – крылатые слова.* На местоименной основе возможно формирование целых констелляций крылатых слов, создающих представление о единстве группы (множества) людей. См.: *я, ты, он, она, вместе целая страна...* (из общеизвестной песни).

4. Местоименные комплексы с оппозитивной семантикой

Местоименные комплексы-антиподы представляют собой сложные целостные наименования, сформировавшиеся на базе местоимений с обобщенной, синкретичной семантикой. Местоименные структуры на базе оппозиций составляют немалый пласт в системе рпопiна. Характер связи их компонентов, как правило, сочинительный.

По поводу сочинительного характера этой связи могут быть высказаны следующие соображения. С помощью сочинительной

связи фиксируется принадлежность объектов к одной сфере действительности, осуществляется сложение понятий [Норман 2018, с. 174]. Сочинительная связь «(в типовом случае) отражает сложившуюся в коллективном сознании номенклатуру (таксономию) понятий, включая сюда и родо-видовые отношения между ними. Кроме того, порядок слов в рамках сочинительного ряда отражает еще и ранжирование этих понятий, основанное на их прагматической ценности» [Норман 2018, с. 193–194]. Рассмотрим далее местоименные комплексы, основанные на сочинительной связи, обращая внимание на прагматическую значимость местоимения **я** как члена комплексов, стоящего в препозиции и этого же местоимения в постпозиции.

4.1. Местоименный комплекс **я и ты**

Этот местоименный комплекс представляет собой некое целое, тем не менее воспринимаемое как расчлененное на две самостоятельные сущности, иными словами, **я и ты** – это отнюдь не то же самое, что **мы** или **мы с тобой**. Нередко такой комплекс бывает обращен к личной жизни человека. Вспомним песню, исполняемую Стасом Пьехой, на музыку В. Дробыша, Л. Молочника, А. Золотарева, которая так и называется «Я и ты», обратив внимание на то, что ее содержание сугубо личное, а описываемые отношения непростые:

(20) *Когда вокруг шумят холодные дожди, / Сделай шаг / И обещай, что вместе навсегда / Я и ты, я и ты, я и ты.*

См. другие примеры:

(21) *В Москве о твоём отъезде будем знать только я и ты* (Петр Галицкий. Опасная коллекция [2000], НКРЯ. 19.02.2022).

В примере (21) выделяется семантика секретности передаваемой информации и необходимости ее нераспространения и сохранения исключительно внутри данной группы лиц, обозначенной как **я и ты**. Обособленность данной группы подчеркивается частицей *только*.

Обособленность членов группы, состоящей из **я и ты**, может подчеркиваться в многочисленных примерах обозначенного типа с помощью повтора **и** в функции подтверждения:

(22) *И я, и ты, Григорий, вплотную займемся газетой* (Лев Корнешов. Газета [2000]).

4.2. Местоименный комплекс *ты и я*

Комплекс *ты и я* представляет собой с точки зрения семантики нечто иное, нежели комплекс *я и ты* (с местоимением *я* в препозиции, как можно было заметить, подразумевающий своего рода обособленность и дистанцированность друг от друга членов группы), а именно сочетание *ты и я* на основании примеров употребления позволяет сделать вывод, что в этом комплексе речь идет о более сплоченной группе людей, чем в группе *я и ты*.

- (23) *Двое мы с тобой остались от нашей роты. Ты и я. Кто бы мог подумать о такой судьбе?* (Константин Симонов. Живые и мертвые [1955–1959]);
- (24) *И утешил его, как умел: «Ты и я, мы с тобой – будем как одна душа, сынок»* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь». 2001);
- (25) Мол, *ты и я – одного поля ягода* (Андрей Волос. Недвижимость [2000] // «Новый мир». 2001);
- (26) Мы с тобой типа одной крови, *ты и я»* (Игорь Свиначенко. Олимпийская интрига // «Сноб». 2017).

Представляется очевидным – на основе примеров употребления, – что МК *ты и я* имеет семантические отличия от МК *я и ты* в сторону значительно большей сплоченности членов группы, обозначенной МК. Показателями данного положения вещей является параллельное употребление в пределах предложений с МК *ты и я* также комплекса *мы с тобой* (указывающего на сплоченность группы), а также лексических единиц *мы с тобой одной крови* и *одного поля ягода* (манифестирующих сходство и подобие).

4.3. Местоименный комплекс *ты да я*

Данный МК являет собой еще более устойчивое единство. В то же время этот комплекс может нести дополнительные смыслы, например указания на связь с народной культурой. Примеров на употребление данного комплекса чрезвычайно много, как весьма отдаленных во времени, так и современных. См.:

- (27) – *У нас с тобой нет ни отцов, ни матерей, ни родных, ни близких, мы с тобой одни, ты да я – пора бы давно понять это!* (Н.Э. Гейнце. В тине адвокатуры [1893]);

- (28) *Ведь нас двое? Ты да я* – и все тут. *Закрыл бы лавочку, да и жил бы спокойно* (Вас.И. Немирович-Данченко. Цари бирж (Каиново племя в наши дни) [1886]);
- (29) *Ты да я, да наши дети, да иногда чухонец, да изредка солдат из крепости, да медведь из лесу* (К.П. Масальский. Быль 1703 [1848]).

В примерах, восходящих к XIX веку, ярко проступает ограничительная семантика комплекса, указание на малое количество людей и на его своего рода недостаточность с точки зрения говорящего. Аналогичная семантика может быть выделена и в контекстах широко понимаемой современности. В комплексе *ты да я* может находить свое выражение семантика *такой как все*. См.:

- (30) *Такими, как ты да я, вся Сибирь заселена* (Л.М. Леонтьев. Барсуки [1924]);
- (31) *На равных правах работать будем. Ты да я. Общество на паях* (А.А. Крон. Винтовка № 492116 [1929]).

4.4. Местоименный комплекс *ты да я да мы с тобой*

Конструкционное единство русского языка *мы с тобой* имеет своего рода аналог в виде лексического фразеологического единства: *ты да я да мы с тобой* – ритмизированного, присущего народной разговорной речи.

Дополнительные компоненты значения у МК *ты да я*, связанные с ограничительной семантикой, со всей полнотой проявляются в комплексе *ты да я да мы с тобой* (тавтологического характера).

Примеры из НКРЯ показывают, что данное выражение служит для демонстрации малого количества лиц (например, на данной территории) и на их обособленность.

- (32) *А тут всего-то людей: ты да я да мы с тобой*» (Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013);
- (33) *И они жили сначала, пока жива была Татьяна Анисимовна, втроем, а потом совсем одни – ты да я, да мы с тобой*» (Ирина Безладнова. Дина // «Звезда», 2003);
- (34) *Во всем околотке ты, да я, да мы с тобой...* (Федор Абрамов. Дом [1973–1978]);
- (35) *Кажется, так и останется навеки. Ты да я да мы с тобой* (Валентин Распутин. Живи и помни [1974]).

Союз **да** в комплексе **ты да я** и ритмизированная структура **ты да я да мы с тобой** придает оттенок близости к народной культуре, этнической отмеченности.

4.5. Местоименный комплекс **он и она**

Данная оппозиция издревле имеет символический, гендерно окрашенный смысл как знак мужчины и женщины, людей с присущими им в силу природных гендерных особенностей психофизическими и ментальными качествами.

4.6. Местоименный комплекс **они и мы** (или **мы и они**)

Контексты употребления позволяют предположить, что за этим комплексом стоит противопоставление на линии *свой – чужой*. Противопоставление осуществляется по разным признакам. Такая оппозиция нередко содержит политическую окраску, несет в себе политические смыслы. На это обратила внимание, в частности, О.П. Ермакова в своей книге «Местоимения в русском языке» в подразделе «Идеологическое противостояние в семантике местоимений» (см.: [Ермакова 2018, с. 54–56]). При этом **мы** – это, условно говоря, «наши», то есть люди, близкие нам по каким-либо признакам, а **они** – условно говоря, «не наши», не вписывающиеся в наши представления о том, как должно быть, как вести себя правильно, уместно, целесообразно прежде всего в сфере политики, идеологии и т. п.

4.7. Комплекс на основе существительного с обобщенной семантикой (в препозиции) и местоимения **мы** (в постпозиции) в функции коллективного обобщенного субъекта

Комплекс формируется на базе неместоименной и местоименной лексем. При этом местоимение **мы** может обозначать исключительно крупное человеческое сообщество, символизировать человечество как таковое или представителей данной страны, региона и пр. под. Этот комплекс тяготеет к функции заголовка (ср.: *Природа и мы; Животный мир планеты и мы; Космос и мы*) и служит демонстрации отношения человека (человечества) в целом или представителей какого-то сообщества людей к каким-то глобально важным сущностям и ценностям. См. примеры из корпуса:

(36) **Природа и мы**. Города заперли нас в свои каменные стены, и мы видим природу лишь по телевизору (Природа и мы // «Знание – сила», 1997 [19.02.2022]);

- (37) ...Особый оттенок получает эта трагедия, если вспомним, что именно пушкинский Петр смотрит на Петербург как на окно в Европу: тут вскроется нам кое-что из проклятейшего вопроса, имя которому – *Европа и мы* (В.Ф. Ходасевич. Колеблемый треножник. 1921 [20.02.2022]);
- (38) «Европа» и «мы» – до сих пор ясно не походят друг на друга только по книжкам и газетам, здесь (в книжках и газетах) читатель может различать эту книжную ясность разницы (Г.И. Успенский. Кой про что [1885]).

Отметим, что в примере из Г.И. Успенского от 1885 г. члены комплекса выделены кавычками. Возможно, период, к которому относится пример, демонстрирует начало формирования комплекса (отсюда и кавычки, фиксирующие новизну словосочетания). В наши дни интернет-пространство изобилует примерами рассматриваемого типа, они привычны, отсюда надобность особого выделения их слагаемых кавычками не возникает.

Заключение

1. Проведенный анализ разных типов местоименных комплексов на основе личных местоимений в плане их структурно-семантических свойств и особенностей позволил в предварительном плане очертить границы сферы их функционирования и установить их реляции с диалогической средой. Были выявлены семантические связи местоименных комплексов с отношениями синонимии, антонимии и омонимии. Анализ экземплификаций показал, что местоименные комплексы в целом относятся к языку повседневности, частотны в разговорном языке, выступают также в художественном и публицистическом дискурсах.

2. На основе анализа местоименных комплексов на базе личных местоимений представляется возможным сделать вывод, что местоименные комплексы являются информативно насыщенными коммуникативными единицами русского языка, носителями специфической интегративной комплексной семантики, регулятивами коммуникативного поведения. Анализ позволил выделить ряд функций этих языковых единиц в составе диалоговых единств, в том числе функции обобщения, идентификации, противопоставления, обособления и ряд других функций, и прийти к выводу, что их функциональный диапазон чрезвычайно широк.

3. Анализ показал, что местоименные комплексы играют значительную роль в стилистическом оформлении речи, градуируя

смыслы и привнося в описание языковых ситуаций тонкие семантические нюансы. Модификации и уточнению коммуникативных смыслов способствует употребление ряда дискурсивных маркеров.

4. Представленное в статье внутриязыковое сопоставление местоименных комплексов, подкрепленное межъязыковым сопоставительным фоном близкородственного польского языка, показывает, что одни и те же смыслы могут иметь иное, специфическое языковое оформление в другом языке; такой анализ позволяет составить некоторое предварительное представление о внутри- и в какой-то мере межъязыковом варьировании средств выражения коммуникативных смыслов ряда рассматриваемых единиц; продолжением же анализа могло бы стать установление связи таковых с этнолингвистической традицией.

5. Выделение местоименных комплексов на базе личных местоимений целесообразно с точки зрения изучения категории падежа местоимений, процессов и стадий их метафоризации, лексикализации и фразеологизации. Выявление функций местоименных комплексов на базе косвенных падежей личных местоимений с разнообразной объектной и обстоятельственной семантикой предположительно помогло бы установить и уточнить ряд связей падежных реляций с ситуацией речевого общения и коммуникативным поведением ее участников.

6. В связи с выраженной семантической и структурной спецификой фразеологизированных местоименных комплексов и интегративным характером их семантики представляется целесообразным сфокусировать на них внимание современной лексикографии и продумать формы их включения в состав толковых и двуязычных словарей, во фразеологические словари, в словари русской разговорной речи.

Источники

- Бондаренко 2013 – *Бондаренко В.Т.* Ответные реплики в русской диалогической речи: Словарь. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2013. 339 с.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.: ил.
- МАС 1984 – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorporian.ru (дата обращения 26.05.2022).
- СЯРЖ 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры; Wiener Slavistischer Almanach, 2001. 254 с.

Литература

- Величко 2016 – *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 436 с.
- Ермакова 2018 – *Ермакова О.П.* Местоимения в русском языке. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. 80 с.
- Кибрик, Сидорова 2013 – *Кибрик А.А., Сидорова Е.В.* Откуда есть пошло субъектное местоимение на Руси? // Славянские языки в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 26–28 ноября 2013 г. / Редкол.: М.Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 167–169.
- Кульпина 2009 – *Кульпина В.Г.* Современные тенденции в лексикографировании класса местоимений (на материале польского и русского языков) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 124–134.
- Кульпина 2012 – *Кульпина В.Г.* Вариативность локативных конструкций как индикатор лингво- и этнообусловленной категоризации мира // Вариативность в языке и коммуникации: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.В. Федорова. М.: РГГУ, 2012. С. 85–98.
- Кульпина 2016 – *Кульпина В.Г.* Теория форм вежливости японского языка В.М. Алпатова как теоретико-эвристическая база параметризации речевого этикета в славянских языках // Проблемы общей и востоковедной лингвистики – 2016: Язык. Общество. История науки: К 70-летию чл.-кор. РАН В.М. Алпатова: Труды научной конференции Института востоковедения РАН 22–23 апреля 2015 г.: В 2 т. / Отв. ред. З.М. Шаляпина; сост. А.С. Панина, А.С. Зверев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С. 23–45.
- Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова 2021 – *Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова В.В.* Грамматика конструкций vs синтаксическая фразеология // Вопросы когнитивной лингвистики 2021. № 2. С. 46–64.
- Норман 2018 – *Норман Б.Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. 254 с.
- Плунгян 2000 – *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Русская грамматика 1979 – Русская грамматика / *Vědecký red. K. Hořálek.* Praha: Academia, 1979. Т. 1. 664 с.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика / Академия наук СССР. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
- Шаронов 2016 – *Шаронов И.А.* Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог–2016», Москва, 1–4 июня 2016 г. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/3423/sharonovia.pdf> (дата обращения 26.05.2022).
- NSS 1993 – *Bogusławski A., Wawrzyńczyk J.* Polszczyzna jaką znamy. Nowa sonda słownikowa. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Katedra lingwistyki formalnej, 1993. 488 с.

- Rittel 1985 – *Rittel T.* Kategoria osoby w polskim zdaniu. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnictwo, 1985. 320 s.
- Rudzka-Ostyn 2000 – *Rudzka-Ostyn B.* Z rozważań nad kategorią przypadku / Tłumaczenie i redakcja naukowa E. Tabakowska. Kraków: Universitas, 2000. 276 s.

References

- Bogusławski, A. i Wawrzyńczyk, J. (1993), *Polszczyzna jaką znamy. Nowa sonda słownikowa*, Uniwersytet Warszawski, Warszawa, Poland.
- Ermakova, O.P. (2018), *Mestoimeniya v russkom yazyke* [Pronouns in Russian language], FLINTA, Nauka, Moscow, Russia.
- Horálek, K. (ed.) (1979), *Russkaya grammatika* [Russian grammar], vol. 1, Academia, Praha, Czechoslovakia.
- Kibrik, A.A., Sidorova, E.V. (2013), “Where from have we got the subject pronoun in Russia?”, in Remneva, M.L. (ed.), *Slavyanskie yazyki v sinkhronii i diakhronii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii, Moscow, MGU imeni M.V. Lomonosova, Filologicheskij fakul'tet, 26–28 noyabrya 2013 g.*, [Slavic languages in synchronicity and diachronicity. Proceedings of the International Scientific Conference., Lomonosov Moscow State University, faculty of philology, Moscow, November 26–28, 2013], MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 167–169.
- Kul'pina, V.G. (2009), “The contemporary tendencies in lexicographic presentation of pronoun class (on the material of Polish and Russian languages)”, in *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication], no. 38, MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 124–134.
- Kul'pina, V.G. (2012), “Variability of locative constructions as an indicator of linguistically and ethnically determined categorization of the world”, in Fedorova, L.V. (ed.), *Variativnost' v yazyke i kommunikacii* [Variability in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 85–98.
- Kul'pina, V.G. (2016), “The Japanese forms of politeness' theory of V.M. Alpatov as a heuristic base of parameterization of speech etiquette in Slavic languages”, in Shalyapina, Z.M. (ed.), *Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki – 2016: Yazyk. Obshchestvo. Istoriya nauki: K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN V.M. Alpatova: Trudy nauchnoi konferencii Instituta vostokovedeniya RAN 22–23 aprelyya 2015 g.* [Issues of general and Oriental linguistic – 2016. Language. Society. History of science. On the 70th anniversary of V.M. Alpatov, associate member of the Russian Academy of Sciences. Proceedings of the Scientific Conference of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, April 22–23, 2015], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 23–45.
- Melikyan, V.Yu., Melikyan, A.V. and Posidelova, V.V. (2021), “The grammar of constructions vs. syntactic phraseology”, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 2, pp. 46–64.
- Norman, B.Yu. (2018), *Kognitivnyi sintaksis russkogo yazyka* [The cognitive syntax of Russian language], FLINTA, Nauka, Moscow, Russia.

- Plungyan, V.A. (2000), *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to problematics], URSS, Moscow, Russia.
- Rittel, T. (1985), *Kategoria osoby w polskim zdaniu*, Państwowe Wydawnictwo, Warsaw, Kraków, Poland.
- Rudzka-Ostyn, B. (2000), *Z rozważań nad kategorią przypadku*, Universitas, Kraków, Poland.
- Sharonov, I.A. (2016), "Discursive words and communicatives", *Komp'yuternaya lingvistika i intelektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoj konferencii "Dialog-2016"*, Moscow, Russia, 1–4 iyunya 2016 g., available at: <https://www.dialog-21.ru/media/3423/sharonovia.pdf> (Accessed 26 May 2022).
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russkaya grammatika* [Russian grammar], vol. 1, Akademiya nauk SSSR, Nauka, Moscow, Russia.
- Velichko, A.V. (2016), *Predlozheniya frazeologizirovannoi struktury v russkom yazyke. Strukturno-semanticheskoe i funktsional'no-kommunikativnoe issledovanie* [The sentences of phraseological structure in Russian language. Structural, semantic, functional and communicative study], MAKS Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валентина Г. Кульпина, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991 Россия, Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 13; vgrkulpina@mail.ru

Information about the author

Valentina G. Kulpina, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 13, bld. 1, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991; vgrkulpina@mail.ru

Языковые явления, чувствительные к категории лица

Елена Г. Борисова

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, borisovaeg@mgpu.ru*

Аннотация. В работе рассматриваются языковые единицы: лексика, фразеология, грамматические категории и синтаксические конструкции, которые имеют различную приемлемость, различную семантику и коннотации, а также могут передавать различные интенции в зависимости от того, к какому лицу – и к какому из участников речевого общения – относятся. Показывается, что в ряде случаев общая оценочная характеристика единицы – отрицательное, презрительное, одобрительное или неодобрительное – существенно меняется в высказываниях, где эти единицы отнесены к первому или второму лицу, ср.: *Она красотка* и *Я красотка*. Основной причиной расхождений оказывается оценочность, передаваемая в высказывании, причем отрицательная оценочность играет более важную роль, чем положительная, которая тоже не должна сбрасываться со счетов. Два типа оценочности: входящая в сигнификат слова и входящая в коннотации – четко противопоставляются по возможности использования в высказываниях, относящихся к говорящему. Возникающие при этом дополнительные интенции – раскаяние, оправдание, обвинение и т. п. – соотносятся с культурными установками. Схожие сдвиги были отмечены и для некоторых глагольных категорий. В работе рассматривается сослагательное наклонение со значением пожелания, которое, в зависимости от отнесения к одному из участников общения, может выражать раскаяние, сожаление, обвинение и пр. Делается вывод о специфике коннотационной оценочной характеристики и о возможности ее использования для выражения культурно обусловленных интенций.

Ключевые слова: оценка, эмотивность, фразеологизмы, значение слова, коннотации

Для цитирования: Борисова Е.Г. Языковые явления, чувствительные к категории лица // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 136–147. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-136-147

Language phenomena affectable by the category of the person

Elena G. Borisova

*Moscow City University, Moscow, Russia,
borisovaeg@mgpu.ru*

Abstract. The article deals with the language entities: lexemes, phraseological units, grammar categories, syntactic constructions that can change their meanings in the speech situation when they are related to the category of person. That means that the nuances, meanings or connotations can emerge when they concern the Speaker or the Hearer. The article reveals such changes when it goes about evaluation – the sense of appreciation or disgust. In fact, some lexemes or phraseological units are hardly possible when used with the first person, e.g. *Ya krasotka* ('I am a beauty'). Still, the pragmatic studies make it possible to reveal the intentions that appear by such usage. There can be sarcasm, but also remorse and some other intentions that are analyzed in this article. The same analysis is provided for the usage of lexemes and phraseological units in the context of the 2nd Person i/e/ connected with the Hearer. Not only negative but also positive evaluation is taken into consideration. Some cases of evaluation implemented into grammar categories are also analyzed/ These are forms of the Conditional Mood expressing wish (the meaning of Optative). The difference between evaluation expressed by the basic meaning of lexemes and grammemes and that in connotations is revealed. The conclusion is formulated about the cultural specifics of evaluation expressed by connotations that emerge in some pragmatic contexts connected with the Speaker and the Hearer.

Keywords: evaluation, emotions, phraseology, lexical meaning, connotations

For citation: Borisova, E.G. (2022), "Language phenomena affectable by the category of the person", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 1, pp. 136–147, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-136-147

Введение

В 70–80-е годы прошлого века было замечено, что описание некоторых явлений языка не могло быть сделано без учета того, к какому из участников речевого общения относится языковая единица. В частности, изменение оценочной окраски фразеологизма (идиомы) в зависимости от того, характеризует ли он первое лицо или второе, было отмечено В.Н. Телия, говорившей о «я-ты-он-

грамматике». Действительно, действие «подложить свинью» оценивается отрицательно, если это действие собеседника:

(1) *Ну ты подложил мне свинью! Это твоё выступление на кафедре я не прощу!*

И то же самое может иметь положительную окраску, если это действие говорящего:

(1а) *Но зато я ему уж подложил свинью так подложил! Долго будет помнить.*

Происходящее в это же время бурное развитие прагматики подталкивало к установлению связей между семантическими характеристиками единиц и их реализацией в определенных прагматических условиях. Однако, пожалуй, первыми исследованиями, предложившими аппарат для описания взаимодействия, можно считать работы И.А. Шаронова (в том числе в соавторстве с его аспиранткой Ван Мэн) [Шаронов 2018]. В них постулируется прагматическая категория перспективы, относящаяся ко времени относительно действия «временная перспектива» – фактивная и футуральная, и к лицу – говорящему, адресату или объекту обсуждения.

Исследование: материал и методы

Целью данной работы является рассмотрение лексических и грамматических характеристик русского языка, демонстрирующих зависимость от связи с участниками речевой ситуации, и установление механизмов этого взаимодействия. Материалом служат примеры, приводимые в грамматических описаниях, а также в НКРЯ. В основу исследования положен семантический анализ языковых единиц, семантический и прагматический анализ контекста, в котором они употребляются, интроспективный эксперимент, определяющий возможность того или иного примера с точки зрения носителя.

Описание исследования особенностей лексических и фразеологических единиц

В первую очередь обратимся к лексической семантике. Большинство примеров, в которых употребление лексики ограничивается лицом, т. е. характеристикой участника речевой ситуации,

содержат оценочный компонент значения. Значение оценки как важной части лексической семантики активно рассматривалось и в отечественной лингвистике [Арутюнова 1983; Вольф 2020], впоследствии [Маркелова 2013; Тихонова 2015] и др. и в зарубежной [Bartminski 1984; Malrieu 2002; Martin 2000]. Отмечались случаи, когда оценочные компоненты составляют основное значение слова, т. е. входят в сигнификат: *негодяй, восторг*. Кроме того, для некоторых слов оценку относят не к основному значению, а к так называемым коннотациям, т. е. дополнительному семантическому комплексу, постоянно характеризующему лексему, однако не входящему в ее толкование [Телия 1986]. К коннотациям относят оценку, эмотивность, иногда стилистические характеристики и ассоциации. Заметим, что Ю.Д. Апресян отказывается признавать коннотации в таком объеме частью лексической семантики, оставляя за ней небольшую сферу, включающую отношение говорящего [Апресян 1992]. Однако взамен он постулирует так называемый прагматический компонент значения, включающий многие смыслы, нередко относимые к коннотациям [Апресян 1988].

При рассмотрении лексики в различных контекстах обращает на себя внимание, что слова с негативной окраской делятся на две группы по возможности употребления к первому лицу, т. е. к самому себе. Первую группу составляют слова, в значение которых входит фрагмент смысла «это плохо», т. е. слова с негативным компонентом в сигнификате: *мерзавец, предать – предавать, гнилая душонка, гнусный* и т. п. Для таких единиц употребление в отношении к первому лицу (т. е. говорящего к самому себе) достаточно редко, но все-таки возможно в двух случаях: для выражения интенции раскаяния и для цитации, как правило, иронической, см.:

(2) *Но все ж обидно мне, что поступил я гадко, хотя бы и во сне.*

Говорящий оценивает свое действие негативно и выражает сожаление («обидно мне») из-за того, что он его сделал: так можно описать ситуацию раскаяния.

(3) *Что ж посмел я намаракать / Пакоствник я и злодей?* (Б.Л. Пастернак, пример из НКРЯ)

В этом знаменитом стихотворении Б.Л. Пастернак явно использует негативную номинацию в свой адрес, не разделяя ее, так как дальше объясняет, насколько она необоснованна:

(3а) *Я весь мир заставил плакать / Над красой земли моей (пример из НКРЯ).*

Иная – с прагматической точки зрения – ситуация складывается, когда негативная оценка оказывается менее завязанной на самом значении: *хитрован, подстава, ложный, провоцировать, ставить палки в колеса*. Различие заключается в том, что негативность не декларируется словом в явном виде, а принимается как дополнительная характеристика действия. Если в первом случае смысл «это плохо» включается в значение слова, то для большего числа высказываний, относимых ко второму случаю, обычно постулируется предложение разделить негативную точку зрения автора:

(4) *Но руководство пошло на обман.*

В отличие от включения смысла «плохо» непосредственно в значение слова, в этом случае в значение слова, видимо, следует включить смысл действия: обман – введение в заблуждение. Понятно, что смысл «и это плохо» тоже передается этим словом, однако он оказывается не ключевым и в какой-то мере может быть вытеснен, замаскирован или нейтрализован в речи. Видимо, можно говорить об общих культурных установках: такие действия расцениваются отрицательно. Однако общие принципы оценки могут подвергаться изменениям в разных ситуациях:

(4а) *Мне пришлось пойти на обман.*

В этих случаях помимо двух перечисленных вариантов: раскаяния (4а) и иронии

(4б) *Естественно, оказалось, что я пошел на обман и вообще пустился во все тяжкие.*

Возможна еще одна интенция говорящего, употребляющего эти единицы по отношению к себе. Ее можно описать как разновидность хвастовства, связанного с насмешкой над объектом:

(5) *Тут я для них и заготовил подставу: простенький такой обман.*

Заметим, что для таких слов характерна вариативность в восприятии степени негативности, что частично находит отражение в различных психолингвистических исследованиях [Борисова 2012]. Таким образом, соотношение с первым лицом (с говорящим) позволяет четко разделить лексику с негативным компонентом значения и слова, которые тоже передают негативную оценку, однако она подается не столь прямо. Нередко о таких случаях утверждается,

что речь идет о негативном смысле, входящем не в основное значение, а в коннотации. В последнем случае оценочные компоненты находятся в тесной связи с общекультурными установками, позволяющими варьировать оценочность.

Рассмотрим теперь переходные глаголы, имеющие лексику с оценочным компонентом в обозначении объекта. Действия, предполагающие вовлечение еще одного лица – объекта, могут иметь ограничения в зависимости от того, с кем из участников ситуации отождествляется этот объект: если негативное действие направлено на 1-е лицо (т. е. выражено местоимениями *меня, мне*), то предложение чаще носит обвинительный характер; ср.:

(6) *Он мне дал ложные сведения.*

Для второго лица употребление слов с негативным значением приобретает характер угрозы:

(6а) *Ты мне подсунил ложные сведения.*

Обратимся теперь к изменениям в значении высказывания со словами, имеющими положительную оценочность. Если речь идет о вхождении оценки в значение слова: *восторгаться, триумфальный, восхитительный*, то употребление этих слов по отношению к 1-му лицу, т. е. говорящему, носит или несколько иронический (в меньшей степени, чем для негативной лексики) характер:

(7) *Я, лапочка и душка, конечно, сделал все, как просили,*

или представляет собой реальное проявление восхищения:

(8) *Сегодня я – гений!* (слова А.А. Блока).

Если же речь идет о положительной окраске слов: *успешный, продвинутый, мастер, достичь*, – то такие слова могут употребляться и по отношению к первому лицу, и ко второму достаточно спокойно. Заметим, однако, что положительная окраска может легко смениться на отрицательную в зависимости от того, к чему относится похвала – к хорошим вещам (как в примерах) или к плохим: *мастер пыток, продвинутый взломщик*.

Напрашиваются следующие выводы. Использование лексики, содержащей оценку, зависит от ее отношения к участникам речевой ситуации – в первую очередь, от отнесения к первому лицу, а в чем-то и ко второму. Различия связаны с установками говорения:

говорящий может себя отрицательно оценивать, обычно только если это сопровождается раскаянием. Другой вариант возможен при иронической подаче информации, которая связана с изменением части смысла на противоположный, в нашем случае – оценочного компонента значения.

Более широкие возможности имеются у оценочной лексики, для которой оценочность приписывают не основному значению, а коннотациям. Поскольку в таких случаях оценочность не несет абсолютного характера, а связана с представлениями о хорошем или плохом социальных групп (в отличие от оценки в сигнификате, закрепляемой в языке достаточно прочно), то в этом случае можно утверждать, что коннотации представляют собой знания, связанные с культурными традициями оценки. А такие установки допускают более широкую интерпретацию.

Исследования грамматических категорий, связанных с выражением оценки

Чтобы показать, что зависимость от категории лица обнаруживается не только в лексике, рассмотрим некоторые грамматические, в частности глагольные категории. Здесь обнаруживается чувствительность к категории лица глагольных категорий, связанных с модальностью. Они тоже могут зависеть от отношения сообщения к говорящему и, реже, слушающему. Ярче всего это проявляется в повелительном наклонении, которое во многих языках в принципе может быть отнесено только ко второму лицу. В русском языке первое и третье лицо могут использоваться для выражения интенций призыва:

(9) *Пойдем...*

(9а) *Пусть сделают ...*

Или пожелания:

(10) *Закончили бы мы пораньше*

Заметим, что эта интенция возможна и для второго лица:

(10а) *Пришел бы ты завтра пораньше, а?*

В ряде языков эта интенция грамматикализована и связана с категориями опатива и схожими модальностями.

Пожелание тоже может быть связано с выражением нескольких интенций в зависимости от того, к какому участнику речевой ситуации относится высказывание. Возможности варьирования смысла определяются тем, насколько желательным представляется событие. В частности, по отношению к первому лицу пожелание, относящееся к желаемому событию, чаще всего передает оттенок сожаления:

(11) *Эх, согласился бы я тогда, не пришлось бы столько возиться.*

Пожелание, относящееся ко второму лицу, приобретает оттенок упрека:

(12) *Не опоздал бы ты тогда, насколько все бы упростилось.*

Поскольку указана нереальность события, адресат, который этого не обеспечил, оказывается виноват в том, что не состоялся и вариант реальности – заведомо желаемый, что можно рассматривать как обвинение или, по крайней мере, более слабый его вариант – упрек.

Возможно и прямо противоположное ощущение радости от того, что удалось избежать опасности:

(13) *Пришел бы я чуть пораньше – и балка могла упасть мне на голову.*

Таким образом, в тех случаях, когда глагольные категории получают возможность выражать оценочные значения и связанные с ними модальности (в частности, желательность), высказывания меняют выражаемые ими интенции в зависимости от того, какое место занимают актанты события в речевой ситуации. Здесь наблюдаются следующие возможности: сослагательное наклонение в первом лице (*пошел бы я, пойдя я*) может передавать сожаление, что это не совершилось, но также и радость по поводу того, что удалось избежать опасности – в зависимости от продолжения: благоприятно оно или нет. Те же самые формы во втором лице могут передавать пожелание (*сделал бы ты все вовремя!*), упрек (*сделал бы ты все вовремя, см. 12*). По отношению к третьему лицу возможны те же значения, которые отмечают в грамматике как значения сослагательного наклонения: пожелание, сожаление.

Мы можем сделать вывод, что обращение к 1-му и 2-му лицу вносят изменения, вызванные условиями общения, а именно наличие оценки (какое-то действие считается хорошим), модального потенциала (имело или нет место действие в реальности) и отра-

жение роли первого и второго лица в общении. Так, второе лицо позволяет ввести значение упрёка: сожаление о сделанном и при обращении ко второму лицу – вывод о вине собеседника. Для первого лица отрицательная оценка имплицитно подразумевает и раскаяние. В основных чертах ситуация близка к тому, что мы наблюдали при употреблении лексических и фразеологических единиц с отрицательной коннотацией. Здесь положительная коннотация желательности меняется на противоположную из-за того, что наклонение передает (в этих случаях) несостоявшееся действие.

Заключение

Таким образом, обнаруживается, что значение высказывания в некоторых случаях зависит от того, к какому лицу относится сообщение. Это явление отмечается нами для тех случаев, когда в семантику лексемы или грамматической формы входит значение оценки (хотя не исключено, что оно к оценке не сводится, но это уже не попало в наше рассмотрение). Для лексемы это имеет место тогда, когда оценочность входит в значение (сигнификат) слова: *негодяй, прекрасный, провалить* и когда оценка соотносится с второстепенной частью значения, которую принято называть коннотацией: *мастер, обманщик, подложить свинью*. В грамматическом аспекте нами было рассмотрено сослагательное наклонение со значением желательности, т. е. оценка (а желательным бывает то, что считается хорошим) здесь совмещается с модальными значениями «это не имеет место в реальности» и «это могло быть в реальности».

Включение в сообщение участников ситуации связано с возможностями оценочного характера (аксиологической и деонтической модальностью), в частности с имеющимися в обществе представлениями о возможных оценках и самооценках. А именно: предполагается, что в большинстве случаев говорящий сообщает о себе нечто положительное. И в то же время эта оценка не должна превосходить определенные пределы. Поэтому отрицательная оценка говорящего, передаваемая словом с негативным значением, возможна при выражении раскаяния: «Понимаю, что плохо, и сожалею». Возможна, конечно, и ироническая (инвертированная) подача. В тех случаях, когда негативность не входит в толкование, допустимо и употребление ее по отношению к себе с дополнительными оттенками издевки, хвастовства и т. п. По отношению к адресату негативная лексика приобретает характер обвинения или угрозы.

Схожие трансформации мы наблюдаем и для выражения желательности, которое по отношению к первому лицу приобретает от-

тенок раскаяния или сожаления, а в отношении второго – характер упрека (что все-таки мягче угрозы).

В то же время во многих культурных традициях, и в том числе русской, нежелательна высокая самооценка. И употребление по отношению к первому лицу положительной оценочности тоже получает дополнительные оттенки интенции самооценки.

Таким образом, получается, что там, где в речи появляются оценочные моменты, начинается играть роль отнесение высказывания к участнику ситуации, и возникают дополнительные оттенки как выводы из этих культурных установок значений. В тех случаях, когда оценка, как принято считать, входит не в само значение слова, а в так называемые коннотации, она еще не лексикализовалась и возможны варианты интерпретации.

Литература

- Апресян 1988 – *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // *Прагматика и проблемы интенсивности*. М.: АН СССР, 1988. С. 7–44.
- Апресян 1992 – *Апресян Ю.Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке: Виногр. чтения XIX–XX*. М.: Наука, 1992. С. 45–64.
- Арутюнова 1983 – *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Борисова 2012 – *Борисова Е.Г.* «Эгоист ужасный/прекрасный» (о вариативности оценки в лексических коннотациях // *Вариативность в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост., отв. ред Л.Л. Федорова* М.: РГГУ, 2012. С. 140–146.
- Вольф 2020 – *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2020. 280 с.
- Маркелова 2013 – *Маркелова Т.В.* Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Изд-во МГУП, 2013. 297 с.
- Телия 1986 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 143 с.
- Тихонова 2015 – *Тихонова М.А.* Словарь оценочной лексики русского языка как способ лексикографической интерпретации аксиологической семантики // *Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика»*. 2015. № 3. С. 131–139.
- Шаронов 2018 – *Шаронов И.А.* Русские пословицы в диалоге: дискурсивно-прагматический подход к описанию // *Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете*. Барселона, 2018. С. 1590–1598.

- Bartminski 1984 – *Bartminski J.* Definicja leksykograficzna a opis Jezyka in Stownictwo w opisie jezyka // Prace naukowe Uniwersytetu Slaskiego. Katowice: Uniwersytet Śląski, 1984. S. 9–19.
- Malrieu 2002 – *Malrieu J.-P.* Evaluative Semantics. London, New York: Routledge, 2002. 328 p.
- Martin 2000 – *Martin J.R.* Beyond exchange. Appraisal systems in English // Evaluation in Text / Ed. by S. Hunston, G. Thompson. London: Oxford University Press, 2000. P. 142–175.

References

- Apresyan, Yu.D. (1988), “Pragmatic information for an explanatory dictionary”, in *Pragmatika i problemy` intensivnosti*, Institut yazykoznaniya AN SSSR, Moscow, USSR.
- Apresyan, Yu.D. (1992), “Connotations as a Part of Word Pragmatics. Lexicographic Aspect”, in *Russkij yazyk. Problema grammaticheskoy semantiki i ocenochny`e faktory v yazyke*, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D (1988), *Tipy` yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact], Nauka, Moscow, USSR.
- Bartminski, J. (1984), “Lexicographic definition and describing the language”, in *Stownictwo w opisie jezyka*, Prace naukowe Uniwersytetu Slaskiego, Katowice, Poland.
- Borisova, E.G. (2012), “ ‘Wonderful/awful egoist’. Variability of evaluation in lexical connotations”, in Fedorova, L.L. (ed.), *Variationost` v yazyke i kommunikatsii*, RGGU, Moscow, Russia, pp. 140–146.
- Malrieu, J.-P. (2002), *Evaluative semantics*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Markelova, T.V. (2013), *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Pragmatics and semantics of Russian means of evaluation], MGUP, Moscow, Russia.
- Martin, J.R. (2000), *Beyond exchange. Appraisal systems in English*, in Hunston, S. and Thompson, G. (eds.), *Evaluation in text*, Oxford University Press, London, UK.
- Sharonov, I.A. (2018), “Russian proverbs in dialogue. Discourse-pragmatics approach”, in *Aktual`nye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoi konferencii rusistov v Barselonskom universitete*, Barcelona, Spain. pp. 1590–1598.
- Teliya, V.N. (1986), *Konnotativny`j aspekt semantiki nominativny`x edinicz* [Connotative Aspects of Semantics of Nominative entities], Moscow, Russia.
- Tikhonova, M.A. (2015), “Dictionary of evaluative lexis as a way of interpretation of axiological semantics”, *Vestnik RUDN. “Teoiya yazyka. Semiotika. Semantika” Seriya*, no. 3, pp. 131–139.
- Vol`f, E.M. (2020), *Funkcional`naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Г. Борисова, доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 129117, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4; borisovaeg@mgpu.ru

Information about the author

Elena G. Borisova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bld. 4, 2nd Selskokhozyastvenny Line, Moscow, Russia, 129117; borisovaeg@mgpu.ru

Понимание вежливости и речевого этикета в персидской и русской лингвокультурах

Фатэмэ Ахмади Бэни

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ahmadi.f@ut.ac.ir*

Аннотация. Статья посвящена проблемам межкультурной коммуникации в сфере речевого этикета. На примере коммуникативных неудач русских и иранских студентов рассматриваются различия в этикетных моделях русской и персидской культур. В статье раскрываются основные положения речевого этикета, базовые принципы теории вежливости, общего и специфического в вежливом коммуникативном поведении, особенности речевого этикета в персидской лингвокультуре и ее отличия от русской лингвокультуры. Специальное внимание уделяется «человеку удивляющемуся», то есть человеку, попавшему в чужую для него культурную среду как объекту исследования этикетных несовпадений для последующего конструктивного описания модели сопоставляемых систем речевого этикета. Анализируемый материал – коллекция реальных историй десяти иранских студентов, попавших в неловкие коммуникативные ситуации во время их пребывания в России, и истории их друзей, попавших в неловкие ситуации в Иране. Эти ситуации связаны с особенностями этикетного поведения мужчин и женщин, с бытовыми этикетными суевериями и т. д. Исследование различий между русским и персидским этикетом представляется полезным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Ключевые слова: речевой этикет, фатическая функция, персидская коммуникативная культура, русский речевой этикет

Для цитирования: Ахмади Бэни Ф. Понимание вежливости и речевого этикета в персидской и русской лингвокультурах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 148–159. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-148-159

Understanding of politeness and Speech etiquette in Persian and Russian cultures

Fatemeh Ahmadi Beni

Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow,

ahmadi.f@ut.ac.ir

Abstract. The article is devoted to the problems of intercultural communication in the field of speech etiquette. On the example of communicative failures of Russian and Iranian students, the differences in the etiquette models of Russian and Persian cultures are considered. The article reveals the main provisions of speech etiquette, the basic principles of the theory of Politeness, general and specific characteristics of polite communicative behavior, the features of speech etiquette in Persian linguistic culture and its differences from Russian linguistic culture. Special attention is paid to the “surprised person”, that is, a person who has fallen into a foreign cultural environment for him as an object of study of etiquette inconsistencies of speech etiquette compared systems. The analyzed material is a collection of real stories of ten Iranian students who got into awkward communication situations during their stay in Russia, and the stories of their friends who got into awkward situations in Iran. These situations are associated with the peculiarities of the etiquette behavior of men and women, with everyday etiquette superstitions, etc. The study of the differences between Russian and Persian etiquette is considered useful both from a theoretical and practical point of view.

Keywords: speech etiquette, fatigue, Persian communicative culture, Russian speech etiquette

For citation: Ahmadi Beni, F. (2022), “Understanding of politeness and Speech etiquette in Persian and Russian cultures”, *RSHU/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 148–159, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-148-159

Специалисты в области лингвистики и социальных наук считают, что наиболее эффективный способ понять социальный этикет – это сравнительное исследование этикетов двух или более языковых обществ. Сравнение различий и сходства приводят к лучшему пониманию моделей поведения в разных странах, что, в свою очередь, помогает лучше общаться с людьми, говорящими на других языках. В последние десятилетия одной из задач лингвистов, социологов и специалистов некоторых других дисциплин было изучение культурных различий разных обществ путем детального рассмотрения различных аспектов коммуникации.

Согласно Пишгадам [Пишгадам 2013], с помощью анализа языковой культуры можно понять интеллектуальную и культурную систему общества и добиться успешного общения. Чтобы глубоко понять язык людей и чужой культуры, нужно приобрести необходимые знания о вербальной речи и о коммуникативных формах поведения в различных ситуациях и условиях. Незнание правил этикета приводит к неудаче в укреплении отношений с человеком другой культуры.

По мнению экспертов, степень важности общения варьируется в разных культурах и странах. Разделив культуры на два разных типа: Восток и Запад, Хофштеде [Hofstede 1991] представляет восточную культуру как коллективистскую, в которой люди придают большое значение форме общения. В этом смысле жители Востока могут считаться зависимыми от коммуникативного контекста, а жители Запада менее от него зависимы, чаще говорят то, что думают. В работе [Пишгадам 2014] ее автор называет персидскую культуру коллективистской культурой. Он считает иранцев скромными людьми, для них этикет и вежливость, ориентация на собеседника при построении речи имеет большое значение.

В последние десятилетия вопрос изучения вежливости и речевого этикета привлекает к себе значительное внимание лингвистов и специалистов. Нужно особо выделить работы Э. Гоффмана [Goffmann 1971], Дж. Лича [Leech 1983], П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987]. В Иране лингвистических работ по персидскому речевому этикету пока недостаточно.

В России первая лингвистическая статья о русском речевом этикете была написана В.Г. Костомаровым [Костомаров 1967]. В дальнейшем появились работы А.А. Акишиной, Н.И. Формановской, В.Е. Гольдина, А.Г. Балакая, М.А. Кронгауза, Н.Г. Брагиной, И.А. Шаронова и др. [Акишина, Формановская 1968; Гольдин 1987; Шаронов 1999; Кронгауз 2004; Брагина, Шаронов 2019], однако область изучения очень широкая и требует дальнейшей активной работы в условиях динамики изменения общества в современном мире.

Этикет представляет собой систему формальных поведенческих актов, отражая содержание основных принципов нравственности, уважения к человеку. Однако поскольку форма в известной мере автономна по отношению к содержанию, правила этикета не во всем эквивалентны нормам морали. Этикет выражается в сложной системе детально разработанных правил учтивости, классифицирует правила обхождения с представителями различных социальных групп, с должностными лицами в соответствии с их рангом. Достаточно контрастен городской и деревенский

этикет. Отдельно выделяют этикет дипломатов, военный этикет, придворный этикет и некоторые другие¹.

Этикет предполагает использование системы условных знаков, как вербальных, так и невербальных. На этикет влияют определенные социально-ситуативные характеристики, ситуации общения, такие как официальность/неофициальность, равноправное / неравноправное отношение между участниками коммуникации в зависимости от возраста, социально-административной гендерной иерархии, которые определяют статус участников этикетной ситуации [Формановская 1982, с. 14].

Речевой этикет (далее РЭ) – это способ оформления неконфликтного, гармоничного речевого взаимодействия. РЭ представляет собой разбор правил, требований, а также набор устойчивых выражений и словесных формул, считающихся в определенный исторический период того или иного общества вежливыми и приемлемыми для установления и сохранения доброжелательных дружеских, нейтральных или официальных отношений в конкретной речевой ситуации [Балакай 2002].

Важной составляющей этикетного общения является выполнение фатической функции. РЭ имеет так называемую «фатическую рамку», включающую в себя начало обращения (приветствие) и конец общения (прощание). Э. Гоффман [Goffmann 1971] относит приветствия к ритуалам почтительности, которые способствуют созданию и усилению положительного образа адресата. Поддержанию коммуникации в процессе общения способствует так называемая конативная функция, или функция ориентации на адресата. При вступлении в контакт с собеседником происходит опознание признаков адресата и соизмерение их со своими собственными, а в соответствии с этим выбор ты- или Вы- форм общения, того или иного обращения, приветствия, комплимента и других единиц речевого этикета.

Э.Г. Азимов и А.Н. Шукин² в определении РЭ обращают внимание на такой важный его признак, как культурно-национальная специфичность. Формулы речевого этикета связаны с народными традициями, верованиями и обычаями. В речевом этикете народов можно выделить общие черты: формы уважительного обращения к старшим, устойчивые формулы приветствия и прощания и т. д. Однако, во-первых, применяются они в каждой культуре по-своему, а во-вторых, в РЭ каждого народа есть и своя национальная специфика.

---

¹ Кон И.С. Словарь по этике. 5-е изд. М.: Политиздат, 1983. 431 с.

² Азимов Э.Т., Шукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999. 300 с.

Изучая российские источники и анализируя наши наблюдения, сделанные в Иране, мы пришли к выводу, что РЭ в русском и персидском языках в целом обнаруживает большие сходства. Однако в силу того, что персидские и русские лингвокультурные общности имеют различия в традициях и обычаях, существуют некоторые расхождения в коммуникативном поведении и в употреблении формул речевого этикета.

Для налаживания контактов и поддержания выгодного и продуктивного общения очень важна осведомленность и необходимость соблюдения речевого этикета. Необходимость быть вежливым для более эффективного общения является неоспоримой. По этим причинам необходимо хорошо осознавать эти различия, поскольку сравнение ситуаций на каждом языке помогает нам достичь этих знаний и осознания. Мы рассмотрим сначала некоторые ситуации и модели поведения иранской культуры, которые определяют человека как вежливого, а потом выявим некоторые этикетные расхождения между русской и персидской культурами, которые могут вызывать удивление у иранца, изучающего русскую культуру, и даже приводить его к коммуникативным неудачам.

Некоторые модели поведения иранской культуры

Принципы вежливого поведения в Иране воплощаются в Таарофе. Слово «Таароф» восходит к заимствованному в персидский язык арабскому «арафа» – *знать, получать знания* [Најіан 2007], (ср. с этимологией слова «вежливость» в русском языке, его связи со словом *ведать*, устаревшему синониму современного слова *знать*).

Таароф представляет собой сложную и многоаспектную систему общественных и бытовых отношений, которая воплощается непосредственно в поведении и речи – как устной (в большей степени), так и письменной. Таароф предписывает вежливому человеку проявление скромности, отказ после первого приглашения, любезного предложения и согласие только после неоднократных повторов любезных предложений; дарение гостю понравившихся ему вещей и многое другое. Не принято спрашивать о возрасте женщины; чужой мужчина не может хвалить красоту женщины перед ее мужем, отцом или братом. Очень значимо в Таарофе отношение к возрасту и социальному статусу [Асатрян, Геворгян 1988, с. 149]. Несоблюдение Таарофа считается явным и недопустимым нарушением социальных, культурных, нравственных и этикетных норм в Иране. Можно сказать, что через поведенческие стратегии

Таарофа происходит осознание «персональных границ» друг друга участниками общения. Рассмотрим некоторые языковые способы воплощения Таарофа в этикетном общении при вступлении в контакт и при поддержании контакта.

1. *Встреча со знакомым.* В Иране после Исламской революции мужчины стали троекратно целоваться в щеку, в знак признания того, что он считает этого человека своим братом. А женщины и до революции, и после нее также целуются в щеку.

2. *Обращение.* В Иране принято при обращении к человеку независимо от его возраста и пола называть мужчину *господин*, а женщину соответственно – *госпожа*. Слово *господин* и *госпожа* добавляется к фамилии в начале или конце. К людям обращаются с указанием должности и социального статуса, социальной роли, положения, звания, титула: *استاد، مهندس،.....*

Старшие по возрасту или по положению обращаются к младшему по фамилии. Ученики тоже между собой обращаются друг к другу по фамилии. В некоторых иранских семьях пожилая жена также величает по фамилии своего мужа.

3. *Почтение к учителю.* Когда учителя и преподаватели входят в аудиторию, школьники и студенты встают в знак приветствия и выражения почтения [Alirezaei 2008].

4. *Понижение себя и возвышение собеседника.* Когда говорящий указывает на себя в речи, вместо местоимения “من” (я) для понижения себя относительно слушающего употребляются такие формы, как “چاکر” (чакер), “مخلص” (мухлис), “حقیر” (хагир), “بندہ” (бандех) и некоторые другие варианты [Zia-Hosseinii 2009]. Сравните устаревший, однако в последние годы все чаще используемый русский вариант «ваш покорный слуга». При обращении к адресату срабатывает стратегия, аналогичная русской: с целью выражения вежливости вместо местоимения “تو” (ты) используют местоимение “شما” (Вы), а глагол спрягается во множественном числе “شما فرمودید که...” (Вы сказали, что...).

Некоторые этикетные расхождения между русской и персидской культурами

Известно, что некоторые коммуникативные неудачи при межкультурном общении могут восприниматься более болезненно, чем языковые ошибки. Исследователи, которые занимаются межкультурным диалогом, изучают способы ухода от межкультурных столкновений через пути переключения с одного культурного кода на другой, через умение декодировать информацию с помощью символических

знаков различающихся культур. Н.Г. Брагина [Брагина 2013] вводит понятие «человека удивляющегося» как объекта для исследования различий в коммуникативных моделях разных языковых культур. Автор статьи предлагает собирать факты, вызвавшие изумление людей, попавших в чужую культуру. Для этого можно интервьюировать побывавших в другой стране людей и использовать их дневники.

Для выявления этикетных поведенческих и речевых различий между русскими и иранцами мы провели опрос 10 студентов и выпускников иранских университетов, изучающих русский язык. Мы попросили их рассказать нам об отмеченных ими различиях, основанных на их личном опыте общения с русскими людьми в России и в Иране.

Приведем в таблице детальную информацию о респондентах:

Имя респондента*	Возраст	Уровень образования	Название университета	Срок стажировки в России	Работа в качестве переводчика и туристического гида для русских в Иране
Фатэмэ	30	Аспирантка	Тегеранский унив.	5 месяцев (МГУ)	10 л.
Салиме	36	Кандидат наук	Тегеранский унив.	5 месяцев (МГУ)	15 л.
Марьям	34	Аспирантка	Тегеранский унив.	5 месяцев (МГУ)	8 л.
Мохаммад	29	Аспирант	Тегеранский унив.	–	4 г
Шукух	38	Аспирантка	Университет Тарбиат Модарес	–	8 л.
Малихе	35	Магистр	Тегеранский унив.	–	4 г
Сетарех	30	Магистр	Тегеранский унив.	–	4 г
Насим	26	Магистр	Университет Тарбиат Модарес	–	1 г
Сепехр	30	Кандидат наук	Тегеранский унив.	Неоднократно	10 л.
Реза	50	Бакалавр	Тегеранский унив.	Неоднократно	25 л.

* Респонденты попросили указать в опросе только их имена без упоминания их фамилий.

Кратко перескажем примеры этикетных различий в культурах, отмеченные респондентами.

1. Фатэмэ рассказала, что уже несколько лет изучала русский язык, когда познакомилась с одним русским инженером. Она поздравила его за день до дня рождения, так как в Иране поздравлять заранее считается нормальным. Но ее русский друг сказал, что так поздравлять в России не принято. Она извинилась и на день рождения подарила ему две желтые розы. Тут он совсем рассердился и закричал: «Два цветка? Почему четное количество цветов? А почему желтые? Ты пришла на мою могилу?». Только тогда она узнала, что четность–нечетность цветов имеет для русской коммуникативной культуры особое значение. Инженер также рассказал ей, что в России не принято покупать подарки для ребенка, который еще не родился, чтобы не искушать судьбу. Также для еще не родившегося ребенка не принято покупать вещи. А если дарят кому-то кошелек, принято класть в него деньги.

2. Шукух рассказала о ее русских друзьях, как-то приехавших в Иран. Они заметили, что Шукух часто указывает на что-то или на кого-то указательным пальцем. Русские друзья сказали ей, что так делать в России считается неприличным.

3. Интересный случай противоречия в этикетных правилах рассказала Марьям. Будучи на стажировке в МГУ, она участвовала в спортивных соревнованиях и заняла первое место. Деканом был мужчина. Он вручил ей награду и хотел пожать ей руку, но она отказалась от рукопожатия, так как в Иране не принято, чтобы мужчины пожимали руку женщинам. Однако, с другой стороны, ей стало стыдно, что она поставила декана в неловкое положение и, придя в общежитие, она написала декану письмо и извинилась перед ним. Интересно, что одна из студенток, участвующих в разговоре, сказала, что если бы она была на ее месте, то обязательно пожала бы декану руку, потому что таким образом Марьям проявила неуважение к руководителю факультета перед другими студентами.

4. Сепехр отметил несколько этикетных поведенческих отличий в русской и иранской культуре. Например, иранцы улыбаются на улице или в метро, даже если они никого не знают. В России на них смотрят с недоумением и думают, что иранцы либо сумасшедшие, либо смеются над ними. Может поэтому иранцы считают, что русские такие серьезные и жестокие. Русские не подпускают к детям незнакомца в парке или на улице. В Иране, если вы видите маленького ребенка в парке или на улице, даже рядом с его матерью, вы можете приласкать или поцеловать ребенка без разрешения семьи. В отличие от русских, родственники и знакомые в Иране

позволяют себе задать любой вопрос девушке, например, почему она не спешит выходить замуж, почему не рождает ребенка, как бы не опоздать.

5. Реза, Насим и Сетарех также отметили, что в обычаях русского народа нельзя здороваться через порог и передавать через порог вещи.

6. Мохаммад рассказал историю о своем русском друге. Они сели с ним в такси и спросили цену за проезд. Водитель сказал им (مرادن ىل بابق!) Ничего не нужно!). Однако, когда они приехали, Мохаммад заплатил за проезд. Они вышли из такси и русский друг, который немного владел персидским языком, спросил: «Почему ты заплатил за проезд? Ведь водитель сказал, что это бесплатно». Мохаммад объяснил ему, что в Иране это проявление Таарофа, а на самом деле покупатель или клиент должны были заплатить.

7. Многие участники опроса отмечали, что в России при встрече обмениваются очень короткими, с точки зрения иранцев, приветствиями. В Иране этикетный обмен приветствиями более длительный. При приветственном общении используют несколько предложений о собеседнике, спрашивают о членах его семьи и т. д. На самом деле ответ, который вы даете на такие вопросы, для них не очень важен, это просто проявление вежливости.

Заключение

Итак, в статье обращается внимание на важность РЭ и вежливости в обеих культурах, на наличие в них как общих или близких этикетных предписаний, так и некоторых различий, незнание которых может приводить к коммуникативным неудачам или даже конфликтам. Необходимо контрастное описание русского и персидского речевого этикета, прежде всего в разных бытовых стереотипных ситуациях, которое могло бы помочь студентам-иностранцам легче входить в коммуникативную культуру народа, язык которого данные студенты изучают.

Литература

- Акишина, Формановская 1978 – *Акишина А.А., Формановская Н.И.* Русский речевой этикет. М.: Русский язык, 1978. 181 с.
- Асатрян, Геворгян 1988 – *Асатрян. Г.С., Геворгян Н.Х.* Некоторые материалы по этикету у персов // *Этикет у народов Передней Азии.* М.: Наука, 1988. С. 148–163.

- Балакай 2002 – *Балакай А.Г.* Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк: Изд-во Новокузнецк. гос. пед. ун-та, 2002. 228 с.
- Брагина 2013 – *Брагина Н.Г.* Лексикон межкультурной коммуникации: межкультурный диалог и «человек удивляющийся» // Русский язык в формате ЗД: лингвистика, образование, культура / Гл. ред. Г.Р. Гаспарян. Ереван: Лингва, 2013. С. 254–261.
- Брагина, Шаронов 2019 – *Брагина Н.Г., Шаронов И.А.* «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23. No. 4. P. 38–44.
- Гольдин 1987 – *Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Едиториал УРСС, 1987. 136 с.
- Костомаров 1967 – *Костомаров В.Г.* Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 56–62.
- Кронгауз 2004 – *Кронгауз М.А.* Русский речевой этикет на рубеже веков // *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28. No. 2. P. 163–187.
- Пишгадам 2013 – *Пишгадам Р.* Введение лингвистов как трансформационный инструмент в разработку языковой культуры // Журнал языковедческих и переводческих исследований. 2013. № 4. С. 47–61.
- Пишгадам 2014 – *Пишгадам Р.* Патология методов сбора данных в языковых исследованиях: шаг к локализации методов исследования в Иране // Лингвистические очерки. 2014. № 2 (18). С. 55–70.
- Формановская 1982 – *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982. 126 с.
- Шаронов 1999 – *Шаронов И.А.* О допустимой резкости в русских стратегиях ведения диалога // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 58–63.
- Alirezaei 2008 – *Alirezaei Sh.* Faslname pazhooheshi-farhan-gi (Monthly research and cultural journal). Tehran: Edare kol pazhooheshaye radio, 2008. 34 p.
- Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.D.* Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Hofstede 1991 – *Hofstede J.* Cultures and organizations. Software of the mind. L.; N. Y.: McGraw-Hill, 1991. 576 p.
- Goffman 1971 – *Goffman E.* Sub-action rituals. About behavior in direct communication. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1971. 291 p.
- Hajiah 2007 – *Hajian M.* Adab moasherat (Etiquette of communication). Namedan: Hani, 2007. 25 p.
- Leech 1983 – *Leech G.N.* Principles of pragmatics. L.; N. Y.: Longman, 1983. 250 p.
- Zia-Hosseini 2009 – *Zia-Hosseini M.* Fundamentals of linguistics for students of the faculties of linguistics, translation and education. Tehran: Raxnama, 2009. 310 p.

References

- Akishina, A.A. and Formanovskaya, N.I. (1968), *Russkii rechevoi etiket* [Russian speech etiquette], Moscow, Russia.
- Alirezaei, Sh. (2008), *Faslname pazhooheshi-farhan-gi* [Monthly research and cultural journal], Edare kol pazhooheshhaye radio, Tehran, Iran.
- Asatryan, G.S. and Gevorgyan, N.H. (1988), “Materials on Persian etiquette”, in *Etiket u narodov Perednei Azii* [Etiquette of people of Western Asia], Nauka, Moscow, Russia.
- Bragina, N.G. (2013) “Lexicon of intercultural communication. Intercultural dialogue and ‘Amazing Man’”, in Gasparyan, G.R. (ed.), *Russkii yazyk v formate 3D: lingvistika, obrazovanie, kul'tura* [Russian language 3D. Linguistics, education, culture], Lingva, Erevan, Armenia, pp. 254–261.
- Bragina, N.G. and Sharonov, I.A. (2019), “ ‘Pedagogical’ aggression in Russian communications”, *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 975–994.
- Brown, P. and Levinson, S.D. (1987), *Politeness. Some universals in language usage*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Formanovskaya, N.I. (2009), *Rechevoi etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice], Moscow, Russia.
- Hofstede, J. (1991). *Cultures and organizations. The software of the mind*, McGraw Hill. London, UK.
- Goffmann, E. (1971), *Unteraktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation*, Frankfurt am Main Suhrkamp, Germany.
- Gol'din, V.E. (1987) *Obraschenie: teoreticheskie problemi* [Appeal. Theoretical problems. Saratov], Editorial URSS, Saratov, USSR.
- Hajian, M. (1386), *Adab moasherat* [Etiquette of communication], Hani, Hamedan, Iran.
- Kostomarov, V.G. (1967), “Russian speech etiquette”, *Russkii yazyk za rubezhom*, no. 1, pp. 56–62.
- Krongauz, M.A. (2004), “Russian speech etiquette at the turn of the century”, *Russian Linguistics*, vol. 28, no. 2, pp. 163–187.
- Leech, G.N. (1983), *Principles of pragmatics*, Longman, London, UK, New York, USA.
- Pishgadam, R. (2013), “Linguists as a transformational instrument for language culture engineering”, *Zhurnal yazykovedcheskih i perevodcheskih issledovaniy*, no. 4, pp. 47–61.
- Pishgadam, R. (2014), “Pathology of data collection methods in language research. A step towards research methods in Iran”, *Linguisticheskie ocherki*, vol. 18, no. 2, pp. 55–70.
- Sharonov, I.A. (1999), “On permissible abrasiveness in Russian dialogue strategies”, in Teliya, V.N. (ed.), *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of Culture], Moscow, Russia, pp. 58–63.
- Zia-Hosseini, M. (2009), *Fundamentals of linguistics for students of the faculties of linguistics, translation and education*, Tehran, Iran.

Информация об авторе

Фатэмэ Ахмади Бэни, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ahmadi.f@ut.ac.ir

Information about the author

Fatemeh Ahmadi Beni, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ahmadi.f@ut.ac.ir

Хроникальные материалы

УДК 378.016:811.161.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-160-167

Международная научно-практическая конференция «Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым – 2» (Москва, РГГУ, 24 марта 2022 г.)

Дарья В. Якунина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yakunina@yandex.ru*

Аннотация. Конференция была посвящена лингвистическим и методическим аспектам преподавания русского языка как иностранного взрослым на различных уровнях освоения языка. В ней приняли участие известные профессора и исследователи русистики и опытные преподаватели русского языка как иностранного из РГГУ, ГиРЯ им. А.С. Пушкина, Болонского университета, Севастопольского, Тверского университетов, Челябинского института, центра преподавания языков ЧОУ «Лиден и Денц» (Москва). Список докладов доступен на интернет-сайте РГГУ.

Ключевые слова: преподавание, русский язык, иностранный язык, методология, практика

Для цитирования: Якунина Д.В. Международная научно-практическая конференция «Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым – 2» (Москва, РГГУ, 24 марта 2022 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культуроведение». 2022. № 8. Ч. 1. С. 160–167. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-160-167

© Якунина Д.В., 2022

International scientific and practical conference
“Practice of teaching Russian
as a foreign language to adults – 2”
(Moscow, RSUH, March, 24, 2022)

Daria V. Yakunina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
d-yakunina@yandex.ru*

Abstract. The conference was devoted to linguistics and methodology of teaching Russian as a foreign language to adults at various stages of language acquisition. Among the participants were professors and researchers of the Russian language and teachers of Russian as a foreign language from RSUH, Pushkin IRL, The University of Bologna, Sevastopol and Tver Universities and Liden&Denz Intercultural Institute of Languages. The topics for two thematic sessions are listed on the webpage of RSUH.

Keywords: teaching, Russian, foreign language, methodology, practice

For citation: Yakunina, D.V. (2022), “International scientific and practical conference “Practice of teaching Russian as a foreign language to adults – 2” (Moscow, RSUH, March, 24, 2022), *RSHU/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 1, pp. 160–167, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-160-167

24 марта 2022 г. в РГГУ во второй раз состоялась международная научно-практическая конференция «Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым», организованная Институтом филологии и истории. В ней приняли участие известные профессора и исследователи русистики и опытные преподаватели русского языка как иностранного из РГГУ, ГиРЯ им. А.С. Пушкина, Болонского университета, Севастопольского, Тверского университетов, Челябинского института, центра преподавания языков ЧОУ «Лиден и Денц» (Москва). В докладах рассматривались вопросы, связанные с описанием русского языка как иностранного и методики его преподавания учащимся, для которых русский язык не является родным, на разных уровнях освоения языка.

Заседание открылось приветственным словом декана Историко-филологического факультета М.И. Хазановой, которая отметила актуальность и необходимость обсуждения теоретических и практических вопросов обучения русскому языку как иностранному. Далее работа проходила в двух секциях, в соответствии с тем, ка-

ким аспектам – лингвистическим или методическим – уделялось большее внимание. Доклады первой секции были посвящены отдельным разделам системы русского языка, представляющим трудности при их изучении иностранцами учащимися.

В докладе *И.А. Шаронова* (РГГУ, Москва) «Вводные слова в побудительных конструкциях» рассматривались функциональный и коммуникативный подходы в преподавании русского языка как иностранного. Акцент в докладе был сделан на важности расширения коммуникативного подхода, на продуктивность прагматического описания и преподавания в иностранной аудитории идиоматизированных грамматических моделей и вводных конструкций, которые позволяют углубить восприятие диалогической речи и быстрее осваивать навыки разговора. На примере конструкций, выражающих побуждение, показано использование при таких конструкциях вводных слов и оборотов. Особое внимание было уделено тому, что интродуктивы (*пожалуйста, будьте добры...*) и усилительные модификаторы типа побудительного акта (*прошу, ну правда...*) различаются в формальном и неформальном типах коммуникации, при этом их употребление может превратить просьбу в требование или, напротив, придать ей оттенок мольбы или уговаривания.

Н.Г. Брагина (РГГУ, ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва) в докладе «Формирование культурного интеллекта: обучающие стратегии» представила основные принципы успешной межкультурной коммуникации, использующие понятие культурного интеллекта (CQ) и дополняющие известные максимы Грайса, и подчеркнула значимость учета межкультурных различий говорящего и адресата. В выступлении было подчеркнуто, что при обучении языку происходит межкультурный обмен, взаимная аккомодация преподавателей и студентов в моделях поведения. Преподаватель РКИ должен находиться на высокой ступени «межкультурной чувствительности» – на стадии принятия или адаптации. Формированию его культурного интеллекта (мотивационного, когнитивного, метакогнитивного и поведенческого) способствует метод включенного наблюдения, самонаблюдения, анкетирования, совместного чтения и межкультурного тренинга.

Я.А. Астахова (РГГУ, Москва) в докладе «Применение структурно-семантических схем предложений в обучении китайских студентов русскому языку» раскрыла вопрос о применении структурных схем в обучении синтаксису с опорой на материалы Национального корпуса русского языка. На примере конструкций с отрицанием было показано, как на основе знаний языковой структуры можно выстроить систему упражнений для усвоения ее отдельных единиц.

В докладе *Д.В. Якуниной* (РГГУ, Москва) «Семантика приставок в преподавании РКИ» рассматривалась важность учета значений приставок и их метафорических моделей при изучении студентами категории глагольного вида и способа действия. Аналогично предлогам во фразовых глаголах английского языка, приставки отражают определенные метафоры и избирательно присоединяются к глаголам несовершенного вида, в том числе при образовании видовой пары. Сосуществование разных метафорических моделей дает возможность глаголам присоединять разные приставки на разных этапах развития языка. Понимание функционирования механизма префиксации способствует лучшему усвоению учащимися грамматической категории вида.

Е.В. Минаева (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва) в докладе «Особенности обучения лексике на уроках русского языка как иностранного с использованием дискурсивных слов» обратила внимание на недостаточное использование коммуникативного подхода в учебниках русского языка как иностранного и предложила использование схем и наглядных примеров для отработки употребления дискурсивных слов. Дискурсивные слова отмечены в различных видах речевой деятельности, и в то же время отсутствует специальное лингводидактическое описание дискурсивных слов, а в учебниках РКИ недостаточно коммуникативных упражнений разных типов. Дискурсивные слова (*Что ты! Даже, Ну, Ведь, Неужели...*) выражают эмоциональное состояние, коммуникативные намерения и оценки говорящих; они представляют собой определенную систему, с помощью которой можно выразить уверенность или одобрение, согласие, удовлетворение, восхищение, удивление, недовольство, возмущение и пр. Были рассмотрены также различные виды упражнений, способствующие закреплению речевых стереотипов.

Доклад *М.М. Одесской* (РГГУ, Москва) «Рецепция и перевод художественного текста: взгляд с другого берега» посвящен переводам художественных текстов с русского языка, трудностям при передаче иронии и переводе фразеологических единиц и способам адаптации текста к его восприятию иноязычной аудиторией. На материале переводов произведений А.П. Чехова показаны приемы передачи скрытого смысла в иноязычном тексте.

О.Б. Трубина (РГГУ, Москва) рассказала в докладе «О некоторых лингвопрагматических особенностях русского и итальянского делового дискурса» о различиях в выборе формул обращения в деловом общении на разных языках, использовании клише и бизнес-эвфемизмов и необходимости упрощения итальянских формул при переводе их на русский язык. По мнению автора, важным

для понимания особенностей национальной деловой культуры является сопоставление авто- и гетеростереотипов участников коммуникации. Итальянские обращения отличает «повышенный уровень пафоса», использование феминитивов, особое обращение к юридическому лицу – их требуется корректно передать в русском деловом письме. В докладе были рассмотрены различные способы перевода на русский язык особой формы итальянского языка – герундия, который, в зависимости от контекста, может оказаться придаточным причины, отглагольным существительным или личной формой глагола; внимание обращалось также на коллокации, несовпадающие в русском и итальянском языках.

В.Я. Труфанова (РГГУ, Москва) в докладе «Беглость речи как лингводидактическая проблема в преподавании РКИ» анализировала психолингвистический и лингвистический аспекты беглости речи и способы развития этого навыка у учащихся на различных этапах обучения.

Доклады второй секции освещали методические аспекты преподавания русского языка в иностранной аудитории.

Д.С. Труханова (ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва) в докладе «Проблемы преподавания теоретических дисциплин иностранным учащимся: создание видеоматериалов для работы по модели перевернутого класса» говорит о необходимости создания в дополнение к традиционным текстовым материалам мультимедийных учебных материалов для самостоятельной работы студентов, в первую очередь учебных видео и методического аппарата к ним. В условиях недостаточного количества часов для аудиторной работы учащиеся могут знакомиться с учебным материалом самостоятельно онлайн, после чего этот материал должен прорабатываться с преподавателем. Небольшие видеолекции могут сопровождаться вопросами и заданиями для анализа материала, который впоследствии будет обсуждаться на занятии в группах и парах; на занятиях можно использовать опросы (в том числе в чате) и тесты, задания на заполнение пропусков и другие виды задач; при этом очень важно уделить время обсуждению результатов совместной работы.

В докладе *О.В. Гайдуковой*, совместно с *Н.А. Маркиной* и *И.В. Шуруповой* (Севастопольский ун-т, Севастополь, ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва), «Адаптация иностранных учащихся к кириллической системе письма на начальном этапе обучения» рассмотрены различные типы графических ошибок, допускаемые учащимися на первой ступени обучения русскому языку и связанные с интерференцией графических систем родного и русского языков. Авторы предлагают разделить студентов на 4 группы,

в соответствии с тем, какой алфавит используется в их родном языке – кириллица, латиница, арабское письмо или иероглифы. Для каждой из этих групп требуется свой подход и коррекция возникающих ошибок. Если первым двум группам свойственно смещение графических символов родного и русского языков, то для других характерны ошибки фонетического и фонематического характера, связанные с несопадением фонемных систем русского и родного языков; что же касается графики, ошибки связаны в основном с противопоставлением прописных и строчных букв. Орфографические правила на начальном этапе встраиваются в процесс обучения письму.

М. Перотто (Болонский ун-т, Италия) в докладе «Модели преподавания анализа текста и перевода в Болонском университете (на уровне магистратуры)» изложила свой опыт преподавания коммуникативного анализа текста на уровне макро- и микро-структур с дополнительным использованием фоновых знаний о культуре и истории России. Рассматриваемый курс направлен на развитие лингвистических и стилистических навыков в области письма и анализа текста у студентов разного уровня владения русским языком. Тексты классифицируются в зависимости от коммуникативной установки; текст – это модель коммуникации, включающая представления об отправителе и адресате, фоновые знания и прагматическую установку. За анализом макроструктуры текста следует анализ отдельных лексических единиц, словосочетаний и ключевых слов, создающих «семантические текстовые поля». Структурный анализ, по мнению докладчика, необходимо сочетать с историческим обсуждением содержания текста.

В.М. Филиппова (ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва) рассмотрела в своем докладе «Проблемы и перспективы смешанного обучения РКИ вьетнамских студентов» не только собственно лингвистические, но и социокультурные затруднения, возникающие у студентов из стран Юго-Восточной Азии. При смешанном обучении первая часть занятий проводится в режиме онлайн вне языковой среды, следующая часть – в очном или смешанном формате. Преимущество такого подхода в том, что адаптация студентов к учебному процессу (расписанию, типам заданий) происходит до приезда в Россию, но в то же время дистанционное обучение требует от студентов самодисциплины и хорошего владения информационными технологиями; сложности для преподавателя заключаются в необходимости подготовки и размещения материалов на различных онлайн-платформах. Отмечено, что эффективность очных занятий повышается за счет самостоятельного освоения студентами части материала.

Л.Г. Громова (Тверской ГУ, Тверь) в выступлении «Языковая стажировка глазами студентов» рассказала об опыте стажировки иностранных студентов в Тверском университете, во время которой они не только совершенствовали свои языковые навыки, но и изучали культуру и традиции народов России.

О.А. Назарова (РГГУ, Москва) в докладе «К вопросу о геймификации на уроках РКИ» проанализировала применение метода геймификации в образовательных курсах различного объема и направленности, его преимущества и возможные недостатки, а также показала пример успешного применения этого метода при обучении русскому языку как иностранному. Геймификация повышает эффективность процесса обучения, например, стимулируя к ежедневным языковым занятиям. Как показали исследования, успешность такого подхода не зависит от возраста обучаемых и от типа гуманитарного знания, но зависит от продолжительности курса – для краткосрочных программ она оказывается выше. В случае длительного курса возможно успешное применение геймификации для освоения его определенных частей. Выбор игровой тактики – соревнования или кооперации, – конкретных игровых элементов, учета времени выполнения заданий зависит от конкретной задачи и аудитории.

В докладе *А.С. Каменевой* (РГГУ, Москва) «Использование интернет-мемов в преподавании РКИ: коммуникативный аспект» предложено применение новых элементов интернет-коммуникации в обучении русскому языку. Несмотря на то что мемы в среднем «живут» около полугода, они часто используются при общении в социальных сетях и мессенджерах, особенно среди молодежи. Мем может быть средством выражения мнения или реакции на слова собеседника, но кроме того, он всегда содержит шутку. Юмор же способствует усвоению языковых единиц разного уровня, в том числе грамматических.

Р.Р. Шамсутдинова (ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва) в докладе «Использование ментальных карт при работе с иноязычной аудиторией» подчеркнула результативность использования такого типа представления информации для запоминания и отработки нового языкового материала. Ментальные карты позволяют отразить системные связи между целым и его частями; при этом, в отличие от презентаций, они вынуждают студентов порождать высказывания, а не зачитывать заранее подготовленный текст. На основе предварительно совместно составленной интеллект-карты учащиеся составляли монологический текст и обсуждали темы в диалогах. Логические связи между элементами одной темы позволяют перейти к изучению синонимов и антонимов, отработать

словообразовательные трансформации. Использовать подобные схемы можно и для изучения грамматики и теоретических вопросов языка.

Этот же инструмент использует в преподавании *А.Н. Дробинина* (ЧОУ «Лиден и Денц», Москва). В докладе на тему «Проведение виртуальных внеклассных экскурсий в преподавании РКИ» она продемонстрировала применение ментальных карт для ознакомления иностранных учащихся с культурой и историей России в режиме онлайн для большего погружения в изучаемый язык.

Мероприятие завершилось обсуждением докладов. Участники признали встречу интересной и плодотворной и приняли решение о проведении конференции ежегодно. Сборник докладов Международной научно-практической конференции «Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым – 2» будет издан Российским государственным гуманитарным университетом в 2022 г.

Информация об авторе

Дарья В. Якунина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; d-yakunina@yandex.ru

Information about the author

Daria V. Yakunina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; d-yakunina@yandex.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 13.09.2022.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1580

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru